

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1985

1985

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

11

1985

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ.

ИЗМЕНИТСЯ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС?

За два года и четыре месяца в СССР сменилось три руководителя страны — столько же, сколько за всю предшествующую историю советского государства. Но вот, кажется, чехарда закончилась. К руководству партией, а значит и страной, пришел 54-летний Михаил Горбачев — человек из нового, прямо не связанного со сталинскими традициями, поколения номенклатуры.

Очевидно, что новый генсек рассчитывает управлять страной в течение довольно длительного времени — как минимум, до 2000-го года. Следовательно, в его *личных* интересах — искать такие формы управления страной, которые позволят избежать глубокого внутренне- и внешне-политического кризиса.

Но понимает ли Горбачев, что угроза такого кризиса существует и что, если все останется по-прежнему, он будет неминуем? Судя по всему, да. Во всяком случае, понимает, что экономика страны находится в тупике и необходимы серьезные хозяйственные реформы. Впечатление о Горбачеве как о стороннике реформ складывается, когда знакомишься с его выступлениями на октябрьском (1984 года) и внеочередном мартовском (этого года) пленумах ЦК, с

некоторыми фактами биографии нового генерального секретаря.

В середине 70-х годов, еще будучи секретарем Ставропольского крайкома, Горбачев предлагал вместо создания огромных аграрно-промышленных комплексов (которые в то время активно пропагандировали) делать ставку в сельском хозяйстве на мелкие хозяйственные единицы — бригады колхозников и крестьянские семьи. Сменив умершего в 1978 году Кулакова (по слухам, покончившего с собой) на посту секретаря ЦК, отвечающего за сельское хозяйство, Горбачев начал внедрять систему так называемых безнарядных звеньев, основной принцип которой сводится к следующему: «... получать не за отдельные поэтапные работы, а за конечную продукцию. И полный хозрасчет: чем меньше средств затратили на производство, тем больше за продажу полученного продукта самим достанется.»¹ Метод, предложенный Горбачевым, наверняка должен дать положительные результаты (ведь в основе его — стимуляция материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда). Аналогичная система (бригадного подряда) начала внедряться и в промышленности, что, кажется, привело к повышению производительности труда на тех предприятиях, где она применяется, на 15-20%. Все это — свидетельство умения Горбачева критически оценивать экономическую ситуацию в стране и недогматически подходить к решению хозяйственных проблем.

В том, что Горбачев намерен проводить экономические реформы, почти никто не сомневается. Вопрос: насколько радикальными будут изменения в советской экономической структуре? Не попытается ли Горбачев ограничиться введением паллиативных мер, сопровождая их «решительным наступлением» на коррупцию и не менее решительной «борьбой за укрепление трудовой дисциплины», т. е., попросту говоря, «завинчиванием гаек»?

Возможно уже и этим Горбачев добьется определенного

1. А Росляков, Чужое и свое, «Новый мир», 1984., N1, с.178.

(временного) экономического эффекта и роста своей популярности — довольно много людей в стране считает, что все беды связаны со всепроникающей коррупцией и нежеланием людей добросовестно трудиться (особенно популярными будут меры по борьбе с коррупцией на верхах власти — паразитизм номенклатуры раздражает буквально всех). Но никакие паллиативные меры, вкупе с туго завинченными гайками, не позволят Советскому Союзу стать экономически развитым государством и обеспечить своим гражданам уровень жизни, близкий уровню жизни граждан капиталистических стран. А ведь только в этом случае советская модель социализма сможет доказать свои преимущества «не силой оружия, а силой примера во всех областях жизнедеятельности общества: экономической, политической, морально-нравственной», как сказал Горбачев на похоронах Черненко.

Есть надежда, что новый советский лидер будет проводить экономические реформы в объеме, максимально возможном при существующей модели социализма (на большее надеяться не приходится: Горбачев — коммунист; правда, не следует забывать, что коммунистами были и Дубчек, и Имре Надь).

Симптоматично, что на XIII съезде Венгерской социалистической рабочей партии, состоявшемся через две недели после прихода к власти Горбачева, член Политбюро ЦК КПСС Романов от имени советского руководства (т. е. в первую очередь все того же Горбачева) одобрил довольно смелый «венгерский экономический эксперимент».

В это же время газета «Известия» опубликовала большую статью академика Аганбегяна — директора Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Того самого Аганбегяна, что заявил в 1965 году: «Мы имеем самую плохую и отсталую среди развитых стран структуру производства... Это не просто состояние нашей экономики на сегодня — это, кроме того, и тенденция, а это уже намного хуже!.. Мы значительную часть средств отпускаем на оборону... Из

примерно 100 млн. работающих в СССР, 30–40 млн. заняты в оборонной промышленности. У нас постоянный неэквивалентный обмен с другими странами. Мы торгуем, в основном, сырьем, т. к. многие страны не хотят покупать у нас готовую продукцию из-за ее невысокого качества. Из-за неправильной организации добывающей промышленности, отсталости в технике, технологии и т. д., тонна добытого сырья нам стоит зачастую дороже той цены, за которую мы продаем ее за границу. Но внешние причины не являются главными в нашем тяжелом экономическом положении. Главные причины — внутренние: ... неверное направление хозяйственного развития страны; несоответствие системы планирования, стимулирования и управления советской экономикой современным требованиям жизни... Наша система планирования, стимулирования и управления сложилась в 30-е годы... У нас фактически отсутствует регулирующая роль цены и стоимостных отношений. Главное — централизованное распределение. Наша система экономических рычагов ничего общего с планом не имеет, она — против интересов хозяйства».² В последние двадцать лет управление экономикой оставалось практически без изменений, и это заставило академика Заславскую в 83-м году подтвердить выводы, сделанные Аганбегяном в 60-е годы.³

И вот сейчас, в статье «Обучать науке управления» академик Аганбегян пишет: «Мы живем в особый период». И приводит в доказательство того, что наш период является особым, слова Горбачева на мартовском пленуме: «Нам предстоит добиться решающего поворота в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития. Мы должны, обязаны в короткие сроки выйти на самые передовые научно-технические позиции, на высший мировой уровень производительности общественного труда».

Слова... Пока это только слова. Что касается дел, то главное, чем, кажется, сейчас занят Горбачев — это смена руководящих кадров на всех уровнях. Что ж — в этом есть резон. Старые партаппаратчики и бюрократы из управлен-

2. См. «СССР: Внутренние противоречия», N6, Chalidze publications, 1982, сс. 169-174.

3. См. «Форум», N5, сс. 127-156.

ческих организаций умеют работать только в условиях старой системы, довольны своими привилегиями и не хотят никаких изменений. Они и будут главными противниками реформ, а потому Горбачеву необходимо удалить их от дел и заменить «своими людьми». А что будет дальше — увидим.

Несомненно, экономические реформы в Советском Союзе могут быть успешными лишь при условии, что СССР прекратит гонку вооружений и установит добрососедские отношения со странами свободного мира. Это необходимо и для того, чтобы большая часть из 30-40 млн. рабочих, занятых производством оружия (30-40% всей рабочей силы), смогла заняться более полезным делом, и для расширения торговых, научных и культурных связей с Западом. Без таких связей советская промышленность долго еще будет технологически отставать, а потребности населения СССР в товарах, которые неминуемо возрастут в случае внедрения новых методов материального стимулирования труда, не будут удовлетворены (что вызовет инфляцию).

Можно быть уверенным, что *искреннее* стремление советских властей к детанту (подлинному, а не мнимому, дающему преимущества лишь одной стороне) встретит понимание общественности стран свободного мира.

Желательно восстановить добрососедские отношения и с миллиардным Китаем, что будет способствовать ослаблению напряженности на дальневосточной границе и, соответственно, уменьшению военной нагрузки на экономику страны. Китай может стать хорошим рынком сбыта для советских промышленных товаров, для которых еще долго будут закрыты западные рынки. Кроме того, особое внимание советских руководителей, если они действительно стремятся реформировать экономику, должны привлечь методы проведения китайской новой экономической политики.

Самой большой помехой на пути к детанту на Западе и на Востоке является советская оккупация Афганистана. Уйти из этой страны, сохранив лицо, сейчас очень и очень трудно (преступление уже совершенно — убиты сотни тысяч людей), но уйти надо. Это *conditio sine qua non* — неперемное условие.

Еще одним условием, без которого свободные страны не должны соглашаться на установление благоприятных для Советского Союза торговых, научных и культурных отношений, должно быть изменение политики советского руководства в области прав человека.

К сожалению, западная общественность совсем не обязательно будет требовать соблюдения этого условия. В лучшем случае дело может ограничиться требованием предоставить право на эмиграцию евреям и немцам и освободить несколько наиболее известных политзаключенных.

Зденек Млинарж — известный чехословацкий диссидент, один из лидеров «Пражской весны», сокурсник Горбачева по Московскому университету, рассказывает, что еще в 1952 году, при жизни Сталина, Горбачев в разговорах с ним резко критиковал сталинскую репрессивную политику, считая ее враждебной партии и ленинизму. — «Ленин не арестовал Мартова, он позволил ему эмигрировать», — говорил тогда Горбачев. Но вот студент-либерал стал генеральным секретарем ЦК. Увы, никаких признаков того, что новый руководитель партии и страны намерен прекратить репрессии против инакомыслящих, пока нет. Аресты и суды продолжаются. 10 апреля был приговорен к 3 годам концлагеря член Украинской группы «Хельсинки» Иосиф Зисельс. На следующий день, 11 апреля, на 8 лет лагеря особого режима и 3 года ссылки был осужден другой украинский правозащитник, поэт и музыкант Мыкола Горбаль, который уже 12 лет провел в заключении. С просьбой освободить Горбалья и позволить ему выехать к брату жены в США обращались к руководителям страны видные общественные и политические деятели ряда западных стран (об этих просьбах не мог не знать и сам Горбачев — вот тут бы и показать, что он намерен, по примеру Ленина, заменить аресты инакомыслящих их высылкой из страны). Но... Мыкола Горбаль был приговорен к 11 годам неволи. Только за то, что писал стихи и песни, что публиковался за границей.

Независимо от того, будут или нет успешными хозяйственные начинания Горбачева, не стоит забывать, что

экономические реформы имеют смысл лишь тогда, когда они проводятся в интересах людей, свободных людей, а не ради укрепления системы всеобщего произвола. Гитлер построил прекрасные автострады и ликвидировал безработицу в Германии, но «знаменит» он все-таки не этим.

По всей вероятности, если Горбачев и согласится на изменение подхода к вопросу прав человека, то лишь под давлением западных стран. Это обстоятельство должно определить и основную задачу политической эмиграции из республик Советского Союза — не позволить забыть о преследованиях за убеждения, за веру, за защиту национальных прав у нас на родине, добиваться, чтобы западная общественность всегда помнила о нарушениях прав человека в СССР, активно реагировала на каждый случай такого нарушения и требовала от правительств свободных стран ставить любые переговоры с Советским Союзом в зависимость от его политики в области прав человека. И это вовсе не будет вмешательством во внутренние дела СССР, т. к. неразрывность проблем торговли, разоружения и прав человека четко определена Хельсинкскими соглашениями.

Что же касается демократически мыслящих людей в самом Советском Союзе, то они сами должны решить, как воссоздать в республиках СССР общественные силы, с которыми вынужден будет считаться Горбачев. В свое время общественное мнение не позволило открыто реабилитировать Сталина, на Украине в 60-е годы оно способствовало возрождению национальных форм жизни, в Грузии, Эстонии и Литве оно и сегодня довольно успешно противостоит принудительной русификации. Новые условия могут помочь правозащитному движению в стране получить, наконец, широкую общественную поддержку.

ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ САХАРОВСКИЕ СЛУШАНИЯ

Жюри:

Симон Визенталь — председатель, лорд Чаплл, профессор Джон Чарап, профессор Пол Флори, господин Т. Грив, профессор Джеффри Хоскинг, профессор Джон Хамфри, сэръ Джон Лоренс, господин Энтони МакНалти, господин Пол Сигарт, профессор Джон Зиман.

Резолюция: 11 апреля 1985 г.

Жюри с глубоким сожалением отмечает, что доклады, представленные на ПЯТЫХ Сахаровских слушаниях указывают на значительное ухудшение положения в области прав человека в Советском Союзе. Причем это касается как советского законодательства, так и действий советских властей. Положение в области прав человека в настоящее время существенно ухудшилось по сравнению с 1975 годам, когда были подписаны Хельсинкские соглашения.

1. Усилились преследования советских граждан, борющихся за права и свободы, предусмотренные международными правовыми нормами.

2. Резко снизилось число разрешений на эмиграцию, что свидетельствует о грубом нарушении одного из основных прав человека — права покинуть свою страну.

3. Усилились преследования верующих и национальных меньшинств.

4. Усилилось глушение передач западных радиостанций, а также участились другие акции, препятствующие свободному распространению информации, что прямо противоречит данному советским правительством обязательству увеличить обмен печатной и радио-информацией.

5. Неуклонно падает уровень сотрудничества в области культуры и науки.

Это очевидное ухудшение положения в области прав человека нельзя объяснить каким-либо одним конкретным фактором. Жюри призывает страны Запада, подписавшие Хельсинкские соглашения, более решительно настаивать на том, чтобы Советский Союз выполнял условия Хельсинкских соглашений и взятые на себя в соответствии с международными договорами о соблюдении прав человека обязательства.

Жюри признает, что Советский Союз — не единственная страна, нарушающая права человека, и осуждает эти нарушения, где бы они ни совершались. Жюри призывает изучить все возможные меры по обеспечению выполнения обязательств в области прав человека и условий Хельсинкских соглашений странами, их подписавшими.

Материалы, представленные на ПЯТЫХ Сахаровских слушаниях, будут переданы предстоящей в Оттаве Конференции представителей стран, подписавших Хельсинкские соглашения. Жюри призывает участников этой Конференции предпринять все возможные шаги, направленные на изменение советской политики в отношении прав человека.

В заключение, Жюри обращается с призывом к правительствам стран Запада приложить все усилия с тем, чтобы добиться восстановления в правах Андрея Сахарова и его жены Елены Боннэр, включая их право на эмиграцию.

*Доктор Симон Визенталь,
председатель Жюри,*

Пятые Международные Сахаровские слушания

ИНТЕРВЬЮ ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ

Западная пресса в последнее время много писала о возвращении в СССР некоторых бывших советских граждан. Рассказывая о тех или иных обстоятельствах возвращения в Советский Союз О. Битова, Св. Аллилуевой или советских солдат, перешедших на сторону партизан в Афганистане, журналисты акцентировали внимание на характерном для многих советских эмигрантов чувстве тоски по родине.

В связи с обсуждением этой темы «Форум» публикует ответы некоторых известных эмигрантов из СССР на следующие вопросы:

1. Не сожалеете ли Вы о том, что выехали на Запад?

2. Нашли ли Вы на Западе свой дом? Чувствуете ли здесь себя свободным?

3. Хотели бы вернуться на родину?

4. Является ли непременно условием Вашего возвращения окончательная гибель правящего ныне режима, или Вы согласились бы вернуться в Советский Союз и при менее радикальных политических изменениях? Если «да», то при каких именно?

5. Верите ли Вы в то, что когда-нибудь сможете вернуться на родину?

Людмила Алексеева,

участница правозащитного движения, член Московской хельсинкской группы с момента ее основания, историк; в эмиграции с 1977 года, живет в США.

1. Если бы я не эмигрировала в свое время, сейчас я была бы в лагере, как все мои товарищи по Хельсинкской группе.

По натуре я не политик и не борец, я оказалась в правозащитном движении, потому что власть мешала жить нормально, а не из-за вкуса к борьбе. При таком плохом выборе — лагерь или эмиграция — о чем жалеть?

2. Здесь моя семья — муж, дети, а значит и дом. Как семейная женщина я очень чувствую блага здешнего легкого быта, тем более что это не просто физическое облегчение — отсутствие домашних забот создало такие возможности для академических занятий, каких у меня никогда в жизни не было. И в результате я, после моих 50-ти, написала здесь мою первую в жизни книгу. Это очень приятно, и работа все эти годы была интересной. Так что возникло чувство дома.

Свободной я себя чувствовала и дома, так как жила и там как считала нужным. Но здесь это дано всем, и это меняет атмосферу вокруг, меняет людей. И самой очень приятно не таиться, не прятать бумажки, не чувствовать за собой слежки. Это не только более комфортно, это какое-то качественное отличие, очень приятное.

3. Конечно, хочу. Ведь я уехала из Москвы, когда мне было почти 50 лет. Всю жизнь я прожила в этом городе. Если бы я переехала не на Запад, а во Владивосток, я наверное, тоже была бы устремлена в Москву. А невозможность даже временной поездки туда, даже изредка, делает утрату намного более острой. Но и притупляет ее — что об этом думать, мечтать, раз это невозможно? Я и не думаю. Но во снах вижу Москву постоянно.

4. Я не верю, что радикальные изменения произойдут в СССР скоро, а при нынешней власти я могу вернуться только в лагерь. Так что всерьез не думаю о возможностях возвращения. Но если пофантазировать о том, как на моей личной судьбе могут отразиться радикальные перемены в СССР, то честно скажу: не знаю, как поступлю в этом случае. Ни муж, ни сыновья вернуться не захотят — они уже пустили здесь корни. Я тоже перестала чувствовать себя эмигрантом в Америке. Но нельзя сказать, что страна эта стала второй родиной. Я живу все эти годы «лицом к дому» (к прежнему дому) — там друзья, там вся жизнь. Мы слишком поздно уехали, чтобы полностью оторваться от своего прошлого. И не стремимся к этому. Но вернуться совсем, наверное, будет

так же трудно, как решиться на эмиграцию. И дело не только в политическом режиме. Например, мы совершенно отвыкли от повальной грубости — в транспорте, в магазинах, а ведь это не исчезнет вместе с режимом. В общем, мы и тут не прижились полностью, и там что-то утратили безвозвратно. И положение «между двух стульев» есть сейчас и будет, если мы вдруг вернемся.

Лев Копелев,

писатель, литературовед, правозащитник, бывший политзаключенный; в эмиграции с 1981 года, живет в Кельне.

1. Нет, не жалею.

2. Нашел убежище, приветливое и надежное, нашел работу по душе.

Здесь могу свободно обращаться к большому числу людей — читателей, слушателей. Могу публиковать всё, что пишу, без вмешательства цензуры.

Но внутренне я не стал более свободным, чем уже был на Родине с тех пор, как сам себя освободил от идеологических пут. И здесь, так же как в Москве, я запрещаю себе называть имена и факты, оглашение которых могло бы стать опасным для других людей.

3. Да, хотел бы.

4. Я готов был бы вернуться в Россию, если бы там установился такой общественный порядок, при котором можно было бы открыто высказывать в печати и с любой трибуны любые взгляды, любые мнения (кроме призывов к насилию).

5. Хотел бы верить, но слишком стар.

Раиса Орлова,

литературовед, участница правозащитного движения; в эмиграции с 1981 года, живет в Кельне.

1. Боль от того, что мне пришлось уехать несколько не уменьшилась за четыре года.

2. Дом у меня один — Москва. Город, в котором я родилась, училась, родила дочерей, похоронила родителей,

накопила бесценное сокровище — друзей, писала книги.

Я нашла в Германии поддержку, помощь, работу, читателей, друзей. За все это и за многое другое я глубоко благодарна стране, к тому же предоставившей мне гражданство взамен отнятого.

Но повторю: дом у меня один — Москва.

Внешне я здесь совершенно свободна: могу ездить беспрепятственно, читать, писать, выступать.

Внутренне же я осталась столь же свободной (или столь же несвободной) как была дома.

3. Да, я хочу вернуться, мечтаю, мне снятся родные улицы.

4. Нет, не является.

5. Вопреки очевидностям я верю в то, что вернусь. Если бы не верила, не могла бы продолжать жить.

Леонид Плюц,

правозащитник, бывший политзаключенный, математик; в эмиграции с 1976 года, живет в Париже, член Зарубежного представительства Украинской хельсинкской группы.

Думаю, что нельзя сравнивать чувства Светланы Сталиной и других беглецов из «элиты» с эмигрантами-диссидентами или диссидентски чувствующей себя частью «третьей волны». В случае «Светланы» важно то, что она «Сталина», а не «Аллилуева». Она бежала от самой себя, от своей родственной связи с «дьяволом». Истерикой был побег, истерикой — обе книги, истерикой — вся жизнь за рубежом, и — возвращение. Нужно было стать праведницей, святой, чтобы преодолеть внутренний ужас «быть дочерью Сталина».

1. Нет, не сожалею.

2. А. Дом для меня — это друзья. Друг — это другой. Другой — друг, а не ад. Дом в ином смысле — моя национальная культура, прежде всего язык. На Украине ныне украинской культуры в некоторых отношениях меньше, чем в эмиграции. Поэтому:

1) есть острая боль за друзей в лагерях и в Большой зоне, в несвободе;

2) есть боль лишения (меня) части культуры. Но там она была большая.

На Западе «дом» (в обоих смыслах) нашел. Осталась, однако, горечь отобранного там дома.

В новом «доме» Украина — во мне.

Б. Да, чувствую себя неизмеримо более свободным, чем там. Свобода там была достигнута внутренняя, духовная — после перехода через рубеж страха, когда жизнь даже в тюрьме (или смерть) приобрела смысл борьбы за «Я», независимое от механических факторов среды.

Но (для меня): свобода есть осмысленная и осознанная необходимость. (Рабская формула Гегеля-Энгельса преодолевается «смыслом»). Только смысл, создаваемый культурой, дает свободу. Игнорирование, незнание и неосознание необходимости — закона природы или Моисея — ведет к тому, что смысл сводится к иллюзии, свобода — к *только* внутренней свободе).

На Западе меньше факторов, сужающих сознание (там было: отсутствие информации; тюрьма и ее аналоги в «вольной жизни» в Большой зоне; примитивный манихейский выбор «за» или «против»; почти тотальная материальная зависимость внешнего поведения — «маски» — от государства).

В каком-то смысле, за счет сужения спектра выбора, там, в СССР, было легче. Сделав выбор «против», «Я» становилось независимым (внутренне) от обстоятельств. Во время допросов я это ощущал словами песни:

В вагонах дымных
Летают ящеры,
А мне не страшно,
Я — некурящий.

Позитивное наполнение (смысл) жизни в большой степени предопределялось выбором — «не». Легкость (простота) духовного выбора ощущалась легкостью свободы.

В условиях внешней свободы духовный выбор тяжелее — и проблема разрешения смысла жизни сложнее. Внутреннее преодоление капиталистических типов отчуждения «Я» сложнее: на Западе позиция «героизма»

недостаточна. Ложь капиталистического общества более сложна, многосторонне переплетена с правдой. И в этом смысле здесь труднее жить не по лжи.

3-4. В независимую или революционную (борющуюся за независимость) Украину. Даже в реакционную Украину — только не в провинцию (Малороссию, Хохландию, Малопольшу). Украина в качестве провинции России для меня менее Родина, чем Франция. Я — гражданин мира. «Духовная Украина» со мной, во мне везде и всегда — мне незачем искать ее в провинции, в окраине...

Я хотел бы вернуться в Украину, чтобы бороться за воплощение полноценной Украины, раскрытие потенций украинской культуры. Украинская культура — полноценная грань мистерии жизни человека и человечества, и только в этом качестве я ее люблю. Ненавижу черты провинциализма, рабства, янычарства, вертухайства, атаманщины, городской деревенщины, малороссийщины и другие исторически обусловленные и потому преходящие формы неразвитости украинской культуры.

В Россию — ни при какой погоде, разве что в качестве туриста.

В Малороссию — в качестве исследователя: по-моему малороссы — худшая разновидность русского народа (Евтушенки, Черненки и др. Исключения, вроде Короленко, Ахматовой. — следствие индивидуальных особенностей биографии, также интересны для исследователя). Гоголи — при всем к ним уважении как творцам — для меня образец недостойного личного выбора. Покидая свой народ ради иной культуры, культурная элита обрекает его на вышеупомянутые черты неполноценности.

Вот почему нужны «исследователи»: анализом и смехом (психоанализом в широком смысле слова) излечивать свою национальную культуру. Ныне возможностей для такой работы в СССР нет.

У русских деятелей культуры еще остались ниши культуры, где можно развивать свою культуру — у украинцев выбор сведен к лагерю или эмиграции (куда выпускают их реже, чем русских: и *эта* возможность более ограничена...)

5. Сомневаюсь, хотя российская империя в ее советском воплощении внутренне уже мертва. Но даже в виде материальной оболочки государственного организма, в виде автомата-машины она может еще долго существовать и даже распространяться (если не произойдет внешнего толчка): Россию опять замораживают...

Петр Егидес,

правозащитник, бывший политзаключенный, кандидат философских наук, редактор журнала «Поиски»; в эмиграции с 1980 года, живет в Париже.

1. Вопрос, поставленный в такой плоскости, по-моему, не может быть адресован диссидентам: сожалеть или не сожалеть может человек, эмигрировавший по экономическим соображениям, в поисках счастья, как он его понимает. Мы же эмигрировали по вынуждению. Причем я, например, ехал сюда не на постоянное жительство: если на Родине изменится ситуация, я вернусь.

2. Нет, не нашел я тут свой дом. Чувствую себя здесь — по ряду обстоятельств — плохо (но на Родине чувствовал себя еще хуже), хотя и относительно свободным: свободным от тюрьмы, от цензуры и прочих антиценностей тоталитаризма. Я пишу «относительно», ибо я свободен также и от денег, без которых невозможно дорогие мне мысли сделать известными широкой публике (больше того, даже денежное общество невозможно аннигилировать без... денег же, аналогично тому, как — о чем сказано в анекдоте — невозможно в СССР похоронить Блат без Блата, ибо, чтобы заколотить гроб, в который его положили, нужны гвозди, которые достать может только Он...)

3. Конечно. Очень. Я уже писал в «Русской мысли» (отвечая Зиновьеву), что каждый раз, когда я слушаю песню Галича «Когда я вернусь», ком подкатывает к горлу... И вернусь я, обязательно вернусь, как только в стране нашей наступят соответствующие изменения.

4. Изменения, которые сделали бы для меня возможным возвращение, требуются совсем минимальные: всеобщая политическая амнистия, включающая право возвраще-

ния на Родину политэмигрантов без дачи подписи о том, что я обязуюсь не заниматься политической деятельностью, не высказывать в той или иной форме свои взгляды.

5. Несомненно, верю. Если не умру в течение 10-15-ти лет, что в моем почти 70-летнем возрасте не так уж просто. Этой вере не может помешать даже приход к власти «юного» Горбачева: если он и вздумает вместо проведения серьезных структурных реформ «укрепить» систему еще большим «завинчиванием гаек», то обстоятельства (экономика, брожение сателлитов и пр.) все равно приведут к необходимости радикальных изменений.

Борис Вайль,

правозащитник, публицист, бывший политзаключенный; в эмиграции с 1977 года, живет в Копенгагене.

1. Не сожалею. Но и не сожалею, что в СССР прожил почти 40 лет.

2. Нашел. Вообще же, «дом» наш — внутри нас. Чувствую себя вполне свободным — и в обществе, и на работе. Начальства не боюсь.

3. Не при нынешних условиях.

4. Является. «Менее радикальные политические изменения»? Можно себе представить, например, что Кремль объявит «амнистию» всем нынешним политэмигрантам. Даже если их и не арестуют по приезду, вернуться туда — все равно что вернуться в лагерь.

5. Не верю.

Кронид Любарский,

правозащитник, бывший политзаключенный, астрофизик, кандидат наук, в эмиграции с 1977 года, живет в Мюнхене, редактирует журналы «Вести из СССР» и «Страна и мир».

1. Нет, не сожалею. Сожалею о том, что *пришлось* уехать, но это уже зависело не от меня. Не пришлось бы — не уехал, но в сложившейся ситуации явно пожалел бы, если б

остался.

2. Да, нашел. Да, чувствую себя вполне свободным.

3. Разумеется.

4. Достаточно и малых изменений, лишь бы они удовлетворяли одному условию: чтобы снова не посадили.

5. К сожалению, нет, но *dum spiro — spero*.

Владимир Макаренко,

художник; живет в Париже.

1. Нет. Я последние 10 лет всегда хотел выехать куда-то за пределы — в Париж почему-то, куда и попал (приехал).

2. Дом мой там — где мои картины, где мои дети и жена. Дома у моих родителей никогда не было, не было даже квартиры. Дом мой не из кирпичей, дом мой — моя работа. Она всегда там, где я. Мой дом везде.

3. Понятие родины не выработалось у меня. Везде был эмигрантом.

Вернуться на один день (неофициально, инкогнито) — поиграть с моими друзьями в теннис, выпить водочки, поговорить, маму успокоить и быстро-быстро вернуться к рассвету в серебристый Париж, к своим картинам, детям, жене.

Свободным? От чего? Свободным от себя самого — никогда. Свободным я был всегда, и там и здесь. О какой свободе идет речь?..

4. Вопрос сложный. Но всегда звучит почему-то — нет. Надо подумать.

Я уехал не из-за строя. Я уехал в Париж, в свою мечту. Я знал, что официально мог бы пользоваться льготами, но я не хотел лгать, не хотел быть официальным. Я жил в подвале, живя в себе. Иногда выходил на воздух — подышать солнцем.

Люди какие-то странные. Добрые-добрые, а дай им немного власти или денег — и люди уже не люди. Не верю в радикальные политические изменения — уж больно угрюмые люди там...

5. Нет. Только на день, неофициально.

Игорь Шелковский,

художник, редактор журнала «А-Я»; живет в Париже.

1. О том, что уехал несколько не сожалею: к этому стремился, считаю большим везением, что это удалось.

2. На Западе чувствую себя «как дома» — ощущение, которого никогда не было «дома», на родине. Приятно жить в мире, где власть осуществляется людьми интеллигентными и в рамках законности.

Уезжал по принципу: мне не надо пирога (впрочем, и там его не имея), мне свобода дорога, и, второе, — хотелось посмотреть мир, была обоснованная уверенность, что иначе всю жизнь просидишь взаперти.

Чувство свободы здесь — постоянная, непреходящая радость. Легкость быта («пирог»), оставляющая больше времени для дел, — тоже неоспоримое преимущество.

3. На родину согласился бы вернуться только при гарантии свободных, постоянных и никем не ограничиваемых возвращений, поездок на Запад.

(Какую пользу могли бы принести, скольким нужным вещам научить, от скольких предрассудков освободить свободные поездки людей на Запад, пребывание здесь в течение какого-то времени, как это было возможно в России раньше, до «Великой Октябрьской». Есть же испанская поговорка — домоседная мудрость недалеко ушла от глупости.)

4. Непременным условием возвращения на родину считаю радикальные политические изменения, конец нынешнего режима. Иначе — это возвращение не имеет смысла.

Никакой ностальгии не испытываю, хотя друзей и природу, пейзаж вспоминаю постоянно, они всегда со мной. Что же касается русского искусства, то оно уже давно стало частью культуры общемировой: Мусоргского и Прокофьева слышишь по радио здесь столь же часто, как и в Москве. То же и с литературой, в какой-то мере кино, живописью — они часть западной жизни.

5. Сможем ли мы вернуться на родину? Нельзя исключить и такой вариант. Вернуться, но для жизни и работы, а не от ностальгии.

Евгений Габович,

математик, участник правозащитного движения в СССР; в эмиграции с 1980 года, живет в Карлсруэ (Германия).

1. Нет. Хотя и понимаю всю условность такого краткого ответа на непростой этот вопрос. Ибо, не сожалея (впрочем, склонность к сожалениям есть в первую очередь черта характера и лишь во вторую — функция обстоятельств), не испытывая ничего похожего на знаменитую нашу эмигрантскую ностальгию, в то же время тяжело переживаю вынужденную разлуку с детьми, другими родственниками, с друзьями, с родным языком, с русским кино, театром, с книжными магазинами и библиотеками; понимаю задним числом, что уезжать нужно было много раньше, когда и сил было поболее да и восприимчивость к новому была сильнее.*

Это, если понимать первый вопрос с ударением на слова «выехали». Ну, а если во главу вопроса поставить слово «Запад», то отвечать нужно не кратким *нет*, а чуть более длинным: «Что Вы, о каком сожалении может быть речь?! Рад, ей Богу, батенька, рад, что уехал на Запад, в Европу.» Потому как, хотя и уничтожила Октябрьская контрреволюция физически национальное меньшинство европейских россиян, но частично по недорезанности, иногда же по запоздалости подключения к процессу генетической чистки, помноженной на «повезло»-стохастику, выжила и размножилась снова небольшая прослойка недоброй послевоенной памяти космополитов, а точнее — европейцев. И было нам тяжело в стране послеоктябрьского геноцида. Психологически куда-как тяжелее, чем горстке переживших нацизм евреев или цыган в демократической, отмежевавшейся от гитлеризма Западной Германии. Мне же, выросшему в Эстонии русскоязычному неверующему еврею с интернациональной профессией математика и самоощущением гражданина мира, лишь чувство внутренней свободы и

* Злюсь на унижительные для человеческого достоинства условия, в которых приходится осуществлять контакты с оставшимися в СССР близкими людьми, на тупую, на десятилетия запланированную динозавровость советских дипломатических органов, даже не отвечающих на письма бывших советских граждан, изменивших своей *Родине* — израильской визе.

известная толстокожесть вкупе с неистребимым оптимизмом помогали в 70-е годы переносить духовно непереносимые условия советской действительности. И, скажем в скобках, вести бурный и интересный, но в социальном плане противоестественный образ жизни. Наши попытки уговорить стаю волков питаться одной лишь манной кашей, которую они однажды в попытке перехитрить весь мир, самих себя и лесных косуль объявили самой вкусной пищей на свете, но которую готовить не умели и ни разу не пробовали на вкус, вряд ли входят в рамки нормальной жизни общества. Всего-то и увезли с собой, что несколько спасенных или хотя бы подлеченных после укусов «косуль».

2. (Относительно дома):

Да. В прямом и переносном смысле.

Причем неожиданным было именно первое развитие. То, что казалось в СССР и ненужным, и совершенно неосуществимым, реализовалось в Федеративной Республике Германии естественным и сравнительно несложным образом. Стоило только дать знать нескольким строительным фирмам о том, что мы подумываем о приобретении дома, как нас буквально завалили предложениями: квартиры, только что построенные, заново отремонтированные и еще только строящиеся, и дома, одно- и двухквартирные, старые и новые. Мы могли выбирать по еще только нанесенным на бумагу проектам, ходить по стройкам и осматривать дома, более года ждущие своего первого покупателя. И никого не смущало то второстепенное обстоятельство, что денег на покупку дома у нас еще не было. Агенты различных банков и страховых компаний соревновались друг с другом в попытке уговорить нас взять кредит на покупку дома именно у них. Они соглашались покрыть до 80-90% всех наших расходов и предоставить рассрочку на возврат денег на 25-30 лет.

Что до чувства, что мы у себя дома, то оно опять же в значительной степени зависит от склада характера, от психики, от внутренней гибкости и умения создавать вокруг себя свой микромир по собственным меркам.

Более всего чувствует себя в Германии дома мой восьмилетний сын. «Вы — русские, а я — немец», — говорит он с привычной для него убежденностью в своей правоте. Он сохранил и притом пока неплохой русский язык, но читает охотнее по-немецки и, действительно, ощущает себя немцем. И в языковом плане это так.

хотя именно ему первый безъязыкий год эмиграции дался психологически труднее, чем нам — его родителям. В то же время он, сам того пока не осознавая, растет европейцем: посещает европейскую школу, учит уже второй год (т. е. с первого класса) французский язык, смотрит регулярно телевизионные передачи не только по-немецки, но и по-французски, ездит в среднем раз в месяц с родителями во Францию за французскими книжками, проводит отпуск в Италии, Франции, Бельгии, Испании, жил три месяца в Голландии и... считает себя англофилом. Он пересказывает смешными детскими словами позиции политических партий, знает не только Фогеля и Коля, но и Геншера и Бангеманна, а о Ленине, Сталине и Хрущеве едва ли может сказать больше, чем одну нелепую фразу.

Мужчина чувствует себя дома там, где его работа. Если принять эту легко подвергаемую критике фразу за относительную истину, то я чувствую себя здесь на Западе в большей мере дома, чем когда-либо со времени окончания аспирантуры. У меня очень интересная, очень напряженная и порой изнуряющая работа в одном из крупнейших в ФРГ научных центров. И на работе я чувствую себя, действительно, как дома!

Впрочем, это чувство отлично от описанных выше ощущений моего сына. Чувствуя себя дома, я не ощущаю себя немцем и не пытаюсь делать вид, что таковым становлюсь. Хотя и ловлю себя на том, что на работе порой, злясь на ограничения в кооперации, установленные для ученых в области исследований по ядерной, термоядерной и иной передовой технологии такими странами как США, Франция и Англия, произношу монологи более типичные для ученого немецкого, нежели русского. Именно русского, ибо необходимость отстаивать свое человеческое достоинство — единственное, что еще превращало меня в еврея в Советском Союзе, — здесь отпала полностью. Да и в глазах окружающих мы — русские, даже если я и напоминаю им о моем еврейском происхождении.

Что же касается вопроса «Чувствуете ли здесь себя свободным?», то мне даже как-то неловко на него отвечать. Может быть, стоит вместо этого попытаться представить себе причины, по которым некоторые эмигранты из СССР себя на Западе свободными не чувствуют. Здесь не место для

подробного анализа, но несколько причин назвать можно. В первую очередь, чтобы ощущать себя свободным в некотором обществе, нужно это общество познать и понять. Западные демократии — это сложно организованные общества больших возможностей, предъявляющие довольно высокие требования к своим членам. Не поняв, как они функционируют, трудно избавиться от ощущения если не несвободы, то чуждости этому обществу. А многие эмигранты годами остаются без знания языка приютившей их страны, не утруждают себя изучением ее законов, обычаев и узаконенных условностей, смотрят на туземное население свысока или даже подавляют свой комплекс неполноценности путем его деформации в позицию враждебности к аборигенам (к этим немцам, голландцам, датчанам, французам), искусственно избегают контактов с ними. Отсюда — один шаг до ностальгии и два — до обращения в советское посольство с просьбой о разрешении вернуться в СССР. Еще худший вариант, когда свобода отождествляется со свободой судить обо всем пристрастно, навязывать свое мнение другим и отвергать тех, кто твоего авторитета не признает. Поскольку в свободном западном обществе реализовать такую авторитарную позицию не удастся, возникает ощущение заговора, несправедливости, ограничения свободы.

3. И да, и нет. Да, в качестве гостя, туриста, командированного, участника конференции. На неделю, две, от силы месяц. Нет, если иметь в виду «вернуться, чтобы снова жить в стране». Я не смог бы, по крайней мере без явного насилия над собой, жить снова в Москве. И я не верю в то, что даже самые либеральные реформы (если даже поверить в их осуществимость) могут настолько изменить характер советского общества, что жизнь в нем будет возможна по нормальным стандартам ставшего уже привычным комфортного Запада. Скорее уж смог бы вернуться в родную Эстонию, осовечивание которой в наше время еще не смогло уничтожить полностью остатков самобытной атмосферы общества, успевшего глотнуть немного (всего-то 20 лет) свободы. Именно тридцати годам жизни в Эстонии обязан я тому иррациональному чувству возврата домой, в

страну детства, которое я испытал в первые дни февраля 1980 г. в Вене. Впрочем, после 10 лет московской жизни даже ФРГ кажется одной большой, прекрасной, но... провинцией. А уж Эстония...

4. Из сказанного выше ясно, что никаких условий возвращения я формулировать не собираюсь.

В гибель даже и не правящего, а просто ныне существующего режима, будучи неистребимым оптимистом, не верю. Не верю, т.к. оптимистически надеюсь, что до третьей мировой войны дело не дойдет (разве что в мусульманском мире). Не верю, т.к. надеюсь, что у русского народа хватит ума не устраивать еще одну революцию, контрирование которой затмит все зловещие пропорции камбоджийского социального эксперимента.

Если уж мне дозволено сформулировать условия, при выполнении которых я соглашусь купить путевку «Интуриста» в Москву, Таллин и Ригу, то ограничусь небольшим списком совсем даже не радикальных, а так сказать минимально необходимых политических изменений:

- амнистия политическим заключенным;
- культурная автономия для всех народов СССР, включая немцев, евреев, китайцев, венгров, греков и т. д., а не только тех, кто номинально обладает автономией политической;
- прекращение преследований негосударственных союзов и ассоциаций, в том числе и религиозных;
- соблюдение прав гражданина и уважение к личности;
- свобода мелкого предпринимательства в сельском хозяйстве, в производстве предметов потребления и в сфере обслуживания;
- отделение школы от правящей идеологии;
- создание системы социального обеспечения;
- постепенный переход на конвертируемую валюту и «открытие» страны в обе стороны;
- сокращение армии и расходов на вооружение по меньшей мере вдвое;
- вывод советских войск из Афганистана и Эстонии, Монголии и Латвии, Тувы и Литвы, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши и Восточной Германии;
- отозвание советских военных советников с Кубы, из

Вьетнама, Эфиопии, Сирии, Анголы и других стран-сателлитов.

— прекращение государственной просионистской агитации под маской государственного антисемитизма и антисионизма.

5. Конечно. По крайней мере в физическом смысле. При современных-то методах мумификации!

В обоснование своей оценки скорости, с которой улучшается положение в нашей великой стране, сошлюсь на наблюдения за русскими путешественниками, сделанные полтора столетия тому назад хозяином одной гостиницы в немецком портовом городе Любеке. «Когда они приезжают сюда по пути в Европу, — говорил он, — они имеют вид веселый, свободный, довольный: это лошади, вырвавшиеся на волю, птицы, выпущенные из клетки; мужчины, женщины, молодежь, старики — все счастливы, как школьники в вакационное время. На возвратном пути у тех же людей лица вытянутые, мрачные, беспокойные; их речи коротки, слова отрывисты, лоб нахмурен». И были это — не «изменники родины», не «враги народа», не «отщепенцы». Как уж тут не уверовать в скорое наше возвращение на родину!

Борис Шрагин,

правозащитник, кандидат философских наук, публицист; в эмиграции с 1974 года, живет в Нью-Йорке.

Вопросы эти, по-моему, — личные. Они адресуются не только разуму, но и вторгаются в сферу эмоций. Чувствам не прикажешь. «Ностальгия» — это чувство. Разум обязан быть последовательным; чувства часто бывают противоречивы. Поэтому отвечать на поставленные вопросы категорическим «да» или категорическим «нет» — значило бы в какой-то степени кривить душой, говорить полуправду, — может быть, в первую очередь, — самому себе.

Сюда не должна примешиваться идеология. Судить о чувствах — своих собственных и ближнего — идеологически нас приучали с детства. Чувства нам внушались — школой,

комсомолом, печатью, пропагандой. Отклонения от заданных стандартов подлежали общественному суду. Отсюда — не столько ортодоксальность чувств, сколько узаконенное лицемерие, — то, что Оруэлл называл «двоемыслием». Мы можем поменять идеологию (в человеческой жизни это случается чаще, чем мы склонны открыто признавать), но чувства возникают, видоизменяются, сохраняются или исчезают совсем по-другому.

В английском языке есть очень важное слово — «privacy». К сожалению в русском для него нет эквивалента и этот дефект русской лексики явно не случаен. «Ностальгия» всецело принадлежит к сфере «прайвеси». Она лична и переживается в уединении души. И никому не дано права совать туда свой нос.

Нынешняя советская пропаганда, которая всегда отличалась бессовестностью и бесцеремонностью, стремится использовать ностальгию, испытываемую некоторыми нашими эмигрантами в своих целях. Но тем более негоже нам, людям, столь многим пожертвовавшим ради свободы, копировать рабскую этику наших идеологических противников. Давайте хоть здесь, на Западе, позволим друг другу быть самими собой, ни у кого при этом не испрашивая разрешения. Иначе нам не выйти из заколдованного круга опостылевшего двоемыслия.

Сожалею ли я о том, что выехал на Запад?

— Пожалуй, в моем случае выбора не было. Выехал я уже больше десяти лет тому назад — в 1974 году. К тому времени я целое десятилетие проходил в так называемых «диссидентах». В 1968-ом году меня выгнали с работы в Институте истории искусств, которой я очень дорожил. Мои уже написанные статьи отказались печатать. Ни получить другую работу, ни получить доступ в официальную печать не было никакой возможности. Последние шесть лет я жил в Советском Союзе под постоянной угрозой обвинения в «тунеядстве» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Должен сказать, что эмигрировать я не хотел. По роду своих профессиональных занятий я был «западник», читал по-английски (хотя не умел тогда говорить), изучал современную

западную философскую, искусствоведческую и критическую литературу, писал о ней. Я прекрасно знал, что интеллектуалу при капитализме может быть трудно и что путь мой не будет усыпан розами. На этот счет иллюзий у меня не было, хотя теперь, разумеется, я могу сказать на эту тему гораздо больше, чем в свою бытность в Москве.

Но кроме этого, у меня были и более существенные, этические соображения. Я считал, что следует оставаться, чтобы по мере сил противиться волне наступавшего с конца 60-х годов конформизма. Сейчас, оглядываясь назад, я, пожалуй, ничего не изменил бы в своей тогдашней аргументации в спорах с друзьями на горячую тогда тему «ехать — не ехать».

Однако, абстрактные принципы — одно, а реальные обстоятельства жизни — другое.

С 1970 года я начал писать публицистические статьи для самиздата, переправляя их в Париж для «Вестника РСХД», где часть из них и была напечатана. С того времени я расстался со своим «внутренним редактором» — надеюсь, что навсегда. Но, чтобы продлить возможность жить в Москве и писать, я подписывал свои статьи различными псевдонимами. Сохранение тайны моего подлинного имени я поставил сам для себя непременным условием продолжения своей жизни под носом у КГБ.

Однако писание статей под псевдонимами не было моим единственным занятием, которое могло бы вызвать неудовольствие властей: приходилось помогать моим друзьям в их правозащитной деятельности. В положении «диссидента» есть своя почти неизбежная динамика. Единожды встав на этот путь, вы берете на себя определенные обязательства. Невозможно было смолчать, когда велась в печати травля Сахарова или когда схватили и выслали Солженицына; невозможно было отказать в помощи арестованным и их семьям.

У меня есть основания полагать, что к 1974 году подлинное авторство моих самиздатских статей стало известно КГБ. Было это результатом случайности, а не оплошности, за которую я мог бы себя винить. Но, так или иначе, раньше или позже, я должен был считаться с

перспективой ареста. Тогда-то я и предпочел выезд на Запад долговременному путешествию на Восток. Возможности свободного существования в СССР были для меня исчерпаны.

Итак, жалею ли я, что уехал? — Ничуть.

Нашел ли я на Западе свой дом?

— Да, я чувствую себя дома у себя в доме — вернее, в своей теперешней квартире. Кождому, кто эмигрировал, я посоветовал бы куда-нибудь уехать, а потом возвратиться. При возвращении я всегда испытываю теплое чувство дома, — пожалуй, такое острое, какого не знал прежде.

Вскоре после моего приезда в Соединенные Штаты новые американские друзья подарили мне на день рождения вышитую надпись в рамочке со старинным английским изречением: «Мой дом — моя крепость». Неприкосновенность жилища в той стране, в которой я теперь живу, — свята. В Москве мне приходилось годами существовать, в любой момент ожидая обыска. Приходилось хранить свои наиболее «опасные» бумаги и рукописи у знакомых. Мы с женой никогда не были уверены, прослушивается наша квартира или нет. Приходилось держать язык за зубами, чтобы не сболтнуть невзначай что-нибудь, что могло бы повредить и нам самим, и нашим друзьям. Иногда приходилось надевать пальто и идти прогуляться, хоть в дождь, хоть в мороз, чтобы поговорить вполне откровенно с каким-нибудь гостем. Когда мы вышли из самолета «Аэрофлота» в Вене, жена сказала: «Наконец-то, дорогой, мы одни». Мы, действительно, одни в нашей квартире в Нью-Йорке. И сознавать это было большим удовольствием, пока я к этому не привык как к чему-то само собою разумеющемуся.

Я люблю свой дом, люблю перемолвиться с соседями о погоде или пошутить, встретившись с ними в лифте, люблю свой район и, как многие нью-йоркцы, с удовольствием повторяю: «Я люблю Нью-Йорк». Ходить без конца по улицам Манхэттана мне никогда не надоедает, как когда-то было всегда интересно ходить по Москве.

В Нью-Йорке, — особенно в моем районе, — живут пришельцы со всех концов света: разные латино-амери-

канцы, китайцы, японцы, индусы и русские (т. е. эмигранты-евреи) тоже. Среди них я давно уже не чувствую себя чужаком.

Когда-то мой новый венгерский друг, бежавший после восстания 1956 года, сказал: «Мы потеряли нашу родину, но мы никогда не потеряем наш акцент». Я давно перестал стесняться своего акцента, что для эмигранта чрезвычайно важно психологически. Прийти в англоязычную аудиторию, выступить там с лекцией, ответить на вопросы, поспорить, для меня уж давно стало так же легко, как и выступить по-русски. Психологически для меня нет разницы — читать ли книгу по-русски или по-английски, хотя во втором случае часто натыкаешься на незнакомые слова. Но я и к этому привык.

Должен еще прибавить, что американская политическая жизнь увлекает меня сейчас навряд ли меньше, чем без конца мучающие меня проблемы Советского Союза. Здешняя политика захватывает меня не только потому, что она, действительно, интересна, но и потому, что мне ясна связь между нею и моими личными интересами. Здесь у меня сложились твердые предпочтения и привязанности, которые я готов отстаивать. Короче говоря, я осознаю себя полноправным американским гражданином, и это, по-моему, тоже имеет прямое отношение к ощущению себя дома.

Однажды, находясь в Париже, то есть «за границей», я поймал себя на том, что ощущал себя не беженцем из России, а американским туристом. Мне было удобно, когда я встречал надписи по-английски или встречался с кем-то, кто говорил по-английски. И встречавшиеся мне в Париже люди без колебаний принимали меня за американца.

Для меня давно потеряло смысл противопоставление себя «Западу», хотя, к сожалению, это в обычае в нашей эмигрантской среде. Пожалуй, я — такой же «западный человек», как и многие из моих соседей по дому, как и многие из моих теперешних знакомых и друзей. Только, конечно, — мой жизненный опыт особый. Но, с другой стороны, у кого же он не особый? — Ведь именно этим люди интересны друг другу.

Но все-таки, могу ли я утверждать безоговорочно, что чувствую себя вполне дома — в Америке? — Пожалуй, нет.

Десятилетие — это большая доля человеческой жизни, даже в том случае, если человеку давно перевалило за пятьдесят. А это как раз мой случай. Но не надо обманывать себя. Соединенные Штаты — это страна эмигрантов, но именно поэтому здесь никого не удивишь утверждением, что первому поколению выходцев из другой страны приходится переживать большие психологические, да и практические трудности. Они, разумеется, у каждого индивидуальны. Один переживает их острее, чем другой. Но, положив руку на сердце, мне трудно верить тем из эмигрантов, которые уверяют, будто совершенно счастливы в их новой жизни. Боюсь, что в подобных случаях они скорее высказывают то, что, по их мнению, «должно», а не то, что есть на самом деле.

У любого эмигранта есть свои причины, чтобы покинуть свою страну. От хорошей жизни, как правило, не эмигрируют. Но люди при этом скорее выбирают между большим и меньшим злом, а не между злом и абсолютным счастьем. По-моему, не стоит эмиграцию идеологизировать и идеализировать, как не должно идеологизировать и идеализировать ничего, что касается реальной человеческой жизни.

Наблюдения меня научили, что часто именно те из эмигрантов, которые не хотят видеть трудностей своего положения, которые не хотят в них признаться прежде всего перед самим собой, чаще переживают в конце-концов тяжелые психологические срывы. Впрочем, это давно зафиксировано и в литературе.

Я еще возвращусь к этой теме.

Чувствую ли я себя на Западе свободным?

— Отчасти я, пожалуй, на это уже ответил.

Странно не чувствовать себя свободным в свободном мире. Тем не менее, как мы знаем, с нашим братом-эмигрантом это случается довольно часто. Это происходит потому, вероятно, что люди, выросшие в условиях несвободы, плохо и слишком умозрительно представляли себе, что такое свобода. Впрочем, обсуждение этого вечного философского вопроса завело бы нас в данном случае слишком далеко.

Скажу о моем собственном опыте.

Мне доводилось преподавать в нескольких американских университетах. В первый из них я принес копию своего кандидатского диплома, а потом обратился к заведующему кафедрой с просьбой, чтобы он дал мне утвержденную программу курса, который я был приглашен читать. Оказалось, однако, что никаких заверенных нотариусом документов не требуется (за 10 лет жизни в США мне ни разу не пришлось побывать в нотариальной конторе), а обязательных для преподавателя программ в университетах вообще не существует. Строй курс как хочешь, рекомендуй литературу, какую считаешь нужным, развивай концепции, какие считаешь правильными и интересными, по-своему организуй проверку знаний студентов. Но и у студентов тоже — свобода выбора. В начале каждого семестра они записываются на курсы, выбирая их для себя из объемистого каталога, предлагаемого университетом. Но даже и после этого они могут переменить решение, прослушав одну-две первые лекции. Неудачно построив курс, преподаватель рискует не набрать студентов, а, следовательно, потерять работу. После экзаменов, когда уже выставлены отметки, студенты заполняют анкеты, в которых с разных сторон оцениваются прослушанный курс и сам преподаватель. Анкеты эти анонимны. Так что свобода тут — с двух сторон и содержит известные неприятные моменты.

В марте 1983 года я с несколькими друзьями-единомышленниками начал издавать журнал, который мы назвали «Трибуна». Название это должно было подчеркнуть, что это будет именно наш собственный печатный орган, какого прежде в русской эмиграции, по нашему мнению, не было, злободневный, полемический, либерально-демократический по направлению. Чтобы начать издавать журнал, не требовалось какого-либо разрешения. Участники издания жили в Соединенных Штатах, Западной Германии и Франции, но и пересылка рукописей через границу не требовала чьего бы то ни было одобрения. Строили мы журнал как хотели — начиная с содержания и кончая иллюстрациями. Но вскоре оказалось, что у каждого из нас недостает времени и сил на издание, поскольку всю работу

приходилось производить бесплатно, а каждому из нас надо было зарабатывать на жизнь. Выпустив шесть номеров «Трибуны», не добившись сколько-нибудь аккуратной периодичности издания, мы по взаимному соглашению его закрыли. Как видите, и здесь тоже обнаружились как чрезвычайно привлекательные, так и не очень приятные аспекты свободы.

Но тем не менее за 10 лет жизни на Западе я к ней так привык, что для меня, вероятно, было бы очень нелегко возвратиться в старое стойло — преподавать в советском университете или печататься в советских журналах.

И все же я не могу утверждать, что чувствую себя вполне свободным. При наличии американского паспорта, который лежит в моем письменном столе, мне достаточно купить билет на самолет, чтобы отправиться хоть на край света. Но есть одна страна, которая для меня закрыта, — та, в которой я родился и вырос, в которой говорят и пишут на моем родном языке, где осталось много мне дорогих воспоминаний и друзей. Так что принадлежащая мне свобода передвижения ограничена в самом чувствительном пункте, — как и свобода переписки. Через год после моей эмиграции умерла моя мать, но присутствовать на ее похоронах не было никакой возможности. Посудите сами, могу ли я чувствовать себя при таких обстоятельствах вполне свободным.

Эмигрируют в нашем столетии миллионы, из разных стран, по разным причинам. И было бы неверно расценивать эмиграцию из Советского Союза вне этого общемирового контекста. В каждой национальной эмиграции есть свои специфические особенности, но есть и общее. Богатый в этом отношении опыт Соединенных Штатов показывает, что приблизительно 25% каждой национальной эмиграции в конечном счете возвращается назад — то ли потому, что не прижились на новом месте, то ли потому, что и не собирались приживаться, а приезжали на какой-то срок — чтобы заработать денег. Но, каковы бы ни были намерения эмигрантов, они, по большей части, имеют полную возможность ездить в гости к себе на родину и приглашать к себе своих близких. Такова ситуация даже во многих странах с коммунистическими режимами.

У нас, эмигрантов из Советского Союза, положение иное: путь назад для нас отрезан не по нашей доброй воле. Положение это, если разобраться, тоже не исключительное. Например, нечто аналогичное переживает нынешняя эмиграция из Ирана. Но все-таки мы должны считаться с тем, что какая-то часть наших эмигрантов наверняка не выдержит постоянного существования перед лицом рокового слова «никогда». Если советский режим, который не постыдился восстановить крепостнические порядки для своих подданных, лишив их свободы передвижения, стремится снять с этого обстоятельства жирные пропагандистские пенки, — оставим это на его совести и репутации. Я же хотел бы сохранить верность в этом вопросе одному правовому принципу — свободе передвижения, свободе выезда из СССР и возвращения обратно. Все остальное — от лукавого.

Я не могу чувствовать себя вполне свободным. Пока не свободны мои соотечественники в Советском Союзе.

Хотел бы я вернуться на родину?

— Определенно, — хотя бы временно. Недавно, будучи в Бостоне, я поехал к дому, где жил когда-то в начале своей эмиграции, прошелся по близлежащим улицам. Вспомнилось много приятного, но много и горького. Короче, это было острое, увлекательное переживание. Но насколько же больше таких переживаний у меня связано с Москвой, с московскими пригородами, с электричками, с метро, домами, улицами, бульварами! Где бы я ни был в Америке, на меня временами наплывают воспоминания. Я люблю штат Мейн потому, что там попадаются березовые рощи. Я люблю русский черный хлеб, который даже в Нью-Йорке, где можно купить все на свете, не везде встретишь. Не говорю уж о моих друзьях, которые вероятно, как и я, постарели, но, как и я, сохранили наши былые привязанности. Если бы можно было хотя бы переписываться с ними на всю железку! Но, ведь, и это невозможно.

Я бы привез на родину мой заграничный опыт, — интеллектуальный и житейский, — который не представляет особого общественного интереса здесь, но был бы драгоцен-

нен там. Иногда, — особенно в первые годы, — посещая какую-нибудь художественную выставку, я невольно думал о том, как бы можно было написать о ней хотя бы в журнале «Декоративное искусство СССР», в котором я когда-то довольно часто печатался.

Сейчас я мог бы писать о западных проблемах намного серьезнее, чем прежде.

Но смог ли бы я снова прижиться в Москве — это вопрос другой. Жизнь в Америке гораздо более комфортабельна, чем в Советском Союзе, а к хорошему скоро привыкаешь и отказаться от хорошего трудно. Знаю наверняка, что тосковал бы в Москве по Нью-Йорку так же, как сейчас тоскую по Москве. А, может быть, даже и больше, поскольку нью-йорские впечатления у меня сейчас свежее в памяти.

Вот мой окончательный ответ: я бы вернулся на родину, если бы за мной сохранилось право уехать назад, если бы мне была гарантирована свободная возможность хоть время от времени, но исключительно по собственному выбору, ездить в Америку, в Западную Европу, в Грецию, в Египет, — куда угодно.

И тем самым я отвечаю на следующий вопрос: является ли непременным условием моего возвращения окончательная гибель правящего ныне режима?

— Я слишком долго вкушал свободу, чтобы снова надеть на себя цепи. Но если бы режим изменился хотя бы настолько, что стало бы возможно легальными средствами добиваться его дальнейшей либерализации, я бы, может быть, заставил бы себя вернуться даже если бы мне не очень этого хотелось, даже рискуя арестом.

Чтобы была честность, надо точнее употреблять понятия: бывают эмигранты, иммигранты и *политические* эмигранты или рефюджи. Каждая из этих категорий не лучше и не хуже другой. Но сам себя я бы причислил к рефюджи. Я уехал потому, что, как только мог, добивался либерализации страны; тому же самому я посвятил себя и за границей. В этом — все мои помыслы и поиски.

Ничего не стоит, по-моему, политический эмигрант, который не мечтал бы вернуться.

Верю ли я, что когда-нибудь смогу вернуться на родину?

Если говорить не о доводах рассудка, а именно о вере, то — определено. Самое, по-моему, скверное из того, что происходит с советским обществом, — это охватившее его чувство безнадежности, бесперспективности. Кажется иногда, что сложившийся в СССР режим будет существовать там вечно. Одного только этого массового чувства отчаяния достаточно, чтобы режим, действительно, сохранялся. Режим укореняется таким образом в душах людей, хоть им самим и представляется, будто он — совершенно внешняя по отношению к ним сила. На самом же деле и в Советском Союзе жизнь меняется и сам его политический строй тоже подлечит переменам. Пожалуй, думать, что, скажем, через десять—двадцать лет все останется там таким же, как сейчас, — более иррационально, чем ждать изменений. Будут ли они к лучшему или к худшему — это другой вопрос. В конечном счете, тут все зависит от нас, от людей. Все, что есть в истории, порождается и совершается людьми. И я хотел бы сделать все от меня зависящее, чтобы результат был именно таким, какого я желал бы и для самого себя, и для своих соотечественников. Удастся ли это, предсказать, конечно, нельзя. Как нельзя сказать, доживу ли я лично до этого дня.

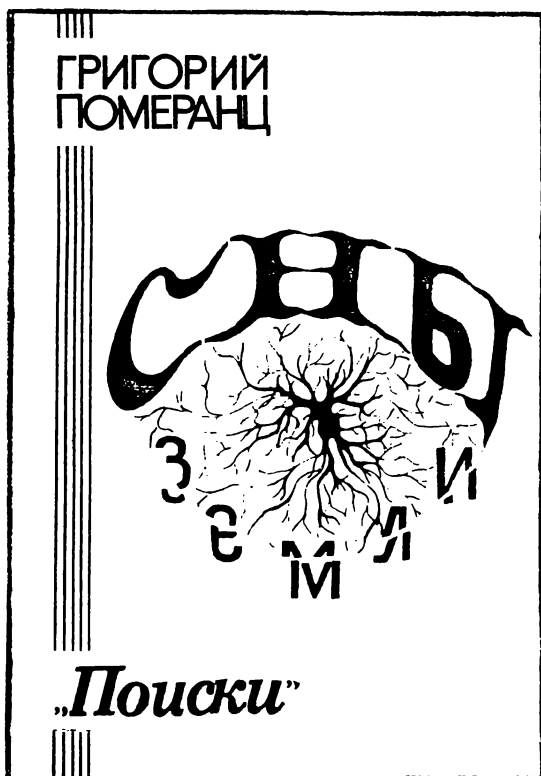
Проводы в аэропорту Шереметьево некто одаренный сарказмом назвал «аэропохоронами». Во мне и сейчас, как десяток лет назад, живо переживание разлуки с близкими, с друзьями, — вполне вероятно, навеки. Мы смотрели друг на друга, уже разделенных стеклом, стараясь впитать в себя и запомнить дорогие лица. Посадка на самолет откладывалась и мы стояли, смотрели, стараясь что-то выразить знаками. Все, по обе стороны разделившей нас преграды, думали одно и то же: «Неужели — разлука навеки?» И я твердил тогда самому себе: «Нет, друзья, я еще вернусь, у нас еще будет возможность поговорить, глядя друг другу в глаза».

Я еще вернусь.

От редакции:

Мы предлагаем всем читателям, желающим ответить на «ностальгические» вопросы «Форума», присылать свои ответы в редакцию журнала. Эти ответы могут быть подписанными или анонимными, но, желательно, с указанием пола, возраста, профессии, страны проживания эмигранта и его нынешнего социального положения.

Новая книга:

НЕ ПО БЫЛИНАМ СЕГО ВРЕМЕНИ, А ПО ЗАМЫШЛЕНИЮ БОЯНЮ

Утверждают, что особенность первых частей много-томной эпопеи Александра Солженицына «Красное колесо» в ее полифонии. «Мы не можем однозначно сказать, на чьей стороне автор, кто из героев ему особенно политически близок. Писатель строго придерживается именно полифонического звучания истории», — считает Н. Струве. Мне так не кажется. «Август Четырнадцатого» и «Октябрь Шестнадцатого», на мой взгляд, намного менее полифоничны, чем «Война и мир» или, скажем, «Тихий Дон». Во всяком случае, в том смысле, что придавал понятию «полифонический роман» М. Бахтин. Сквозь ткань романа, буквально на каждой странице, прокалывается то одним, то другим углом особая, *солженицынская*, концепция истории России.

Солженицын вовсе и не намерен скрывать авторского отношения к событиям и к участникам этих событий — историческим персонажам или вымышленным героям. Он не умеет быть беспристрастным. Солженицын из тех писателей, на которых не распространяется сказанное Грэмом Грином: «Романист должен быть бессовестным... должен уметь в любой момент перейти на противоположную сторону». Автор «Красного колеса» не просто художник-хроникер. Солженицын — активный участник исторического процесса, и его роман в первую очередь для тех, кто, так же как и он, не способен пассивно созерцать ход истории.

Эпопея «Война и мир» писалась в 1860-х годах, но могла бы быть написана и десятилетием раньше и даже полустолетием позже. Время написания «Тихого Дона» нашло отражение в романе лишь в той мере, в какой оно оказывало влияние на его автора (или авторов); обратной

связи — влияния романа на события современной автору эпохи — нет. Солженицын же обращается к своим современникам. Он пишет для того, чтобы его оценка событий *тех лет*, когда был сломан хребет российской истории, послужила основанием для анализа *нынешней драматической* ситуации в мире, для того, чтобы «судьбоносные» решения нашего времени принимались с учетом этой оценки.

Не сомневаюсь, автор эпопеи хотел бы, чтобы его представления об историческом *прошлом* России стали поводом для размышлений о ее *будущем*. Но прежде, чем спорить о концепции Солженицына, нужно сначала ее обнаружить под маскировочными одеждами мнимой полифонии.

Историческая концепция автора «Красного колеса»

Россия больной вступала в XX век.

И «российская власть и российское общество, с тех пор как между ними поселилось и все разрасталось роковое недоверие, озлобление, ненависть, — разгоняли и несли Россию в бездну».

Страну еще можно спасти, болезнь еще излечима — нужны покой и хорошие врачи, преданные и смелые люди, способные врачевать болезнь, используя средства, стимулирующие внутренние силы организма — традиции России и национальный дух русских.

Но нет покоя и нет врача. Двор, интригуя, вел политику, отвечающую не столько внутренним потребностям России, сколько интересам ее могущественных соседей. Царь был по-христиански добр и вовсе не глуп, но слаб характером, податлив, подолгу заниматься государственными делами не мог,

«и всем сердцем любил свой народ, и благоволил ко множеству людей, с которыми приходилось знаться. (Хотя обиду мог понести — и нести уже потом долго, до конца). Он искренне хотел, чтобы всем в его царстве и во всех остальных

царствах было хорошо. (Но только: чтоб от него не требовали для этого слишком большого и длительного напряжения). И мог вникнуть в любую аргументацию, и понять совсем даже не упрощенную мысль. (Но тоже: чтоб не слишком утомительно и часто). Государь Николай Александрович несколько не больше отходил от средности, чем и всякий средний монарх».

И вот при этом царе и при этом дворе втянута была, как-то почти спонтанно, Россия в ненужную ей Японскую войну. А за этой войной накатила и революция.

Революция начиналась с утопии, с прекраснотушия тех, кто свято верил в неотрывность Правды-Красоты от Истины и Справедливости. Не где-то там — в бесконечности, а здесь — на этой земле и, по возможности, сейчас.

«Самое прекрасное таится в борьбе за идею, самое радостное — в связи Доброго с Прекрасным. Неужели ты не слышишь: повсюду торжествует насилие, вопиет неотмщенное русское горе. Как же вы можете оставаться бесчувственны к этому призыву? Пора и вам вернуться к народу и отдать ему свою любовь».

В народ не пустили, и народники начали взрывать бомбы. Но как же: к Добру и Красоте — и через насилие? Любовь подменили жадной отмщенья.

«Революционеры за то и называются революционерами, что они — рыцари духа... Приходится расчищать почву для нового мира — и поэтому долой вся старая рухлядь и в первую очередь самодержавие! Революционеров нельзя судить по меркам старой нравственности. Для революционера нравственно все, что способствует торжеству революции, и безнравственно все, что мешает ей. Революция — это великие роды... Революцию вводит за руку только Террор!»

Так мыслили революционеры, так они и действовали. Цель оправдывала любые преступления. И покатилося красное колесо террора. А тут и верхи помогли, и после неудачной Японской войны — дождались...

Революционеры убивали больную Россию, а их охра-

няли, их растили, им помогали чем могли либералы-западники — те, для кого пришедшие с Запада слова «парламент», «свобода слова», «учредительное собрание» звучали как магические заклинания. *Свобода слова* — чтоб ни за что не отвечать, *парламент* — чтобы, «обличая», ничего не делать, *учредительное собрание* — как альтернатива все тому же «ненавистному» самодержавию. В либералах чуть ли не вся русская интеллигенция. Во всяком случае казалось, что вся она есть

«одно направление и одна партия, слитая в общей ненависти к самодержавию, презрении к жандармам и общей жажде демократических свобод для плененного народа».

Была, правда, и другая интеллигенция. Та самая, что работала в земствах — зачатках местного самоуправления, делая для народа конкретное дело.

«Земцы были единственным в России слоем, кроме царских бюрократов, кто уже имел долгий, хотя и местный, опыт государственного управления, и склонность к тому имел, и землю знал и чувствовал, и коренное население России».

Был у земцев и лидер — Дмитрий Шипов, сторонник постепенных реформ, сторонник восстановления единства, а значит и здоровья российской нации. Все его проекты общественных переустройств основаны на сохранении самодержавного монархического принципа и введении народного представительства, олицетворяющего соборную народную совесть. Народное представительство не должно подрывать основы абсолютной монархии. Шипов хотел, чтобы его функции были юридически ограничены — это должен быть лишь совещательный орган:

«Да, с *правовой* точки зрения — так, если считать, что цель народного представительства — ограничение царской власти. Но если иметь в виду их *тесное единение*, если над монархом тяготет тот же нравственный долг, что и над народным представительством, — тогда как же мог бы монарх не посчитаться с ним? и тогда избыточен вопрос — решающий или совещательный голос у народного представительства».

Но интеллигентское «общество» пошло не за Шиповым, а за не-земцами, которые

«все читали, знали, обо всем судили, могли очень уверенно критиковать и сравнивать Россию, и одного только не имели — практического государственного опыта, как делать и строить, если завтра вдруг придется самим (да не очень к тому и тянулись)».

В 903-м либералы объединились в «Союз Освобождения», а позже в кадетскую партию. И лозунгом себе взяли «Долой самодержавие!», и смотрели всегда влево, в сторону крайних — тех, что уже боролись террором с этим самым самодержавием. Так вместе и раскачивали лодку, призывая революцию. А когда она пришла, раскачивали еще сильнее.

Разрыв нации на двор, общество, народ — старая это болезнь России. Давно уже смотрит русское образованное общество на Европу как на икону в красном углу. А своего пути для страны не ищет. А тех, кто искал — как Достоевский и славянофилы, — зачисляло общество в реакционеры и выталкивало из своей среды. И царский двор не ищет. Начал было Александр II реформировать Россию — реформы бы развивать, но следующий государь развитие приостановил (здесь помогли своим первоапрельским покушением революционеры, да только контрреформация — не лучший ответ на вызов террористов). Так и получил Николай II в наследство Россию на пороге революции, «уже в жару».

«Что скажут о нас на Западе?» — этим живут и двор и общество. В этой ориентации — причина болезни. Началась она с реформы Петра, топором ударившего по русским корням.

«Да ведет ли Россия последние два века свое отдельное национальное существование? Или, с Петра направляют ее немцы?»

Тогда-то и соборную православную церковь, раньше независимую от державы, подчинили государственному учреждению — Синоду. А может быть, и скорее, единство нации было подорвано еще раньше — реформой Никона, породившей внутрицерковный раскол.

«Боже, как мы могли истощать лучшую часть своего

племени?.. реформаторство в подробностях есть мелочность. В устойчивости — большое добро. В наш век, когда так многое меняется, перепрокидывается, — свойство цепко держаться за старое... кажется драгоценным. Как мы могли разваливать их часовенки, а сами спокойно молиться и быть в ладу с Господом? Урезать им языки и уши! И не признать своей вины до сих пор?.. пока не выпросим у староверов прощения и не соединимся все снова — ой, не будет России добра... При разделении христиан — никто не христианин, никакой толк».

Пошатнулась вера, и с «вольнодумством» западного Просвещения проникли в русское образованное общество идеи о бальзаме всеизлечивающей силы — социальном и политическом прогрессе, и одновременно о необходимости устранения деспотии самодержавия, без чего такой прогресс немыслим в России. Естественно, что среди наиболее крайних больше тех, для кого русское — не родное. От левых в Думе один за другим выступают закавказцы, среди террористов и ленинцев очень много (иногда кажется, что большинство) евреев.

Еврейский вопрос. В чем-то Солженицын в своем отношении к евреям в России следует за Достоевским. Но у него больше симпатии к творческой активности талантливой народа, чем у автора «Дневника писателя». Солженицын недвусмысленно поддерживает идею гражданского равноправия евреев, сочувствует жертвам официального и неофициального антисемитизма. Разделение для него — не между евреями и неевреями, а внутри русского еврейства. Между теми, кто предан интересам России, любит ее, несмотря ни на что, и теми, кто видит в ней злую мачеху, кто ненавидит русское прошлое, русские традиции, презирает страну, где приходится жить, и стремится разрушить устоявшиеся формы русской национальной жизни. Чаще всего такие люди презирают традиции и веру и своего народа, молятся западному идолу «прогресса». Солженицын вполне допускает, что евреи могут и не любить Россию — русский стиль жизни может быть чуждым еврею, но в этом случае евреи должны искать себе родину за пределами

Российского государства или же, оставаясь в России и сохраняя свои традиции, не вмешиваться в русские дела.

«Живя в *этой* стране, надо для себя решить однажды и уже придерживаться: ты действительно ей принадлежишь душой? Или нет? Если нет — можно ее разваливать, можно из нее уехать, не имеет разницы... Но если *да* — надо включиться в терпеливый процесс истории: работать, убеждать и понемножечку сдвигать...»

Делать русскую историю имеют право те, кто искренне любит Россию — *свои*, без различия национальности, не имеют — *чужие*, чьи идеалы вне русской почвы.

В «Красном колесе» еврейская проблема заострена, как заострена она и в реальной российской действительности (и по сей день). Но для понимания солженицынской концепции истории она важна не столько сама по себе, сколько для иллюстрации его отношения к *своим* и *чужим* в России. И атеист Ободовский (поляк), и еврей Архангородский и даже большевик Шляпников симпатичны Солженицыну своей любовью к России.

«Чужие» (не только инородцы, но все те, кто жил чужими идеалами), воспользовавшись нерешенностью многих русских дел, повели за собой в революцию. Царский двор, до того не спешивший с реформами, уступил первому же серьезному давлению «общества». Вместо проявления твердости — подачки: манифест об учреждении Государственной думы и манифест 17 октября. А затем и Основные законы (для многих равнозначные конституции). И все поспешно, непродуманно, не ко времени — все не успокаивало «общество», а лишь разжигало страсти.

Революцию остановил Столыпин. Остановил решительными мерами, отвечая ударом на удар. И не только силой, но и тем, что увел от революционеров крестьянство: столыпинская реформа дала крестьянам давно желаемое — возможность выхода из общины и самостоятельной работы на собственной земле. «Общество», как могло, мешало Столыпину, поносило его с трубы Государственной думы

(с этой трибуны кадетский краснобай Родичев пустил гулять по стране выражение «столыпинский галстук»), но отступало, когда Столыпин проявлял твердость.

«Мысль Столыпина была: чем тверже в самом начале — тем меньше жертв... этих бесов не исправить словами убеждения, к ним неуклонность и стремительность кары. Что же будет за правительство (и где второе такое на свете?), которое отказывается защищать государственный строй, прощает убийства и бомбометание? Правительство — в обороне. Почему должно отступить оно — а не революция».

И если Дума, прикрываясь общими разговорами о правах и свободах, мешает навести в стране порядок и приступить к реформам, в которых так нуждается Россия, значит она не представляет интересы народа и ее можно распустить. Все свое важнейшее Столыпин проводил в обход Думы.

Кончилась революция, и Столыпин больше не нужен. Не только «обществу» — этим он мешал всегда, — но и правым, и двору, и монарху. Хотя он еще полон замыслов и готовит реформы, которые в одно-два десятилетия должны превратить Россию в сильное внешне, внутренне прочное и богатое государство, официальная Россия уже не нуждается в Столыпине. И его убирают «чужие» — стреляет в премьер-министра в киевском театре еврей Богров.

Убили Столыпина и вновь увлекли Россию в сторону от ее пути. Вместо продолжения столыпинских реформ, вместо освоения бескрайнего Северо-Востока, вместо того, чтобы дать возможность окрепнуть русскому крестьянству — опоре страны, вместо развития промышленности и транспорта, введения местного самоуправления и постепенного расширения круга людей, участвующих в государственном управлении, — вместо всего этого Россию вновь ориентируют на интересы западных государств. И пришла война — еще более, чем Японская, ненужная России, еще более страшная, вплотную приблизившая катастрофу, — Первая Мировая.

Неудачи в войне сделали катастрофу неизбежной. Считанные месяцы отделяют Октябрь Шестнадцатого от тех

дней, когда падет в России монархия, а вместе с ней и русская государственность. Наконец-то получит «общество» свободу слова, «ответственное» министерство, выборы в Учредительное собрание. Очень скоро поймет оно, что никакие свободы, митинги и парламенты не помогут спасти страну, если нет чувства ответственности за ее судьбу, нет знания России и умения работать для нее. И придут к власти самые «чужие» России — большевики. Доломают хребет русской истории и выбросят из нее «общество» вон.

Какую историю передает Солженицын?

Александр Солженицын:

«Моя задача — передать истинную историю».

Лет шесть-семь назад, в Киеве, слушали мы передаваемое по «Свободе» интервью Солженицына, в котором он объяснял причину своего отрицательного отношения к Февральской революции. Киевские диссиденты — украинцы, русские, евреи — люди по-разному оценивающие прошлое России, долго потом спорили (и еще не раз возвращались к этому спору) об истинности солженицынской версии русской истории. Один из нас горячо отстаивал верность исторического подхода Солженицына: история — не бесстрастное собирательство фактов или констатация событий; истина истории дается тому, кто кровно заинтересован в происходящем, кто чувствует пульс истории, кто ощущает ее как арену борьбы добрых и злых начал — тех начал, что есть в каждом человеке и так или иначе проявляют себя во всякой идеологии, в любой политической программе, в соперничестве различных национальных сил. Солженицын — именно такой человек. Он не только исследует ход событий как ученый-историк, не только эстетически оценивает происходившее (а эстетическое для него неотрывно от этического), но и способен глубоко проникать в то, что скрыто за миром явлений, — т. е. обладает даром, которым Бог наделяет пророков. И поэтому он пишет *истинную* историю.

Не сомневаюсь в возможности художественного исследования и осмысления истории — тому пример «Ахипелаг ГУЛаг». Не хочу обсуждать здесь вопрос, действительно ли Солженицын наделен пророческим даром. Очевидно, однако, что *истинная* версия истории не может быть внутренне противоречива, не может опровергать самое себя (поскольку речь идет о версии историка, а не об исторических событиях, которые, безусловно, могут быть и сплошь бывают противоречащими одно другому, направленными одно против другого, вытекающими из столкновения одного с другим), не может не считаться с реальными фактами, зафиксированными беспристрастными или пристрастными наблюдателями. А версия русской истории, предлагаемая А. Солженицыным, страдает как раз всеми этими пороками.

Можно привести много примеров того, как Солженицын в «Красном колесе» противоречит самому себе или очевидным фактам. Но объем статьи ограничен, и потому сошлюсь лишь на некоторые.

Нужно автору представить абсурдными, вовсе бессмысленными в России действия революционеров.

«При первом сдвиге... реформ (*вынужденных*, как обзывают у нас, будто бывают полезные реформы, не вынужденные жизнью) — почему так поспешно вскричала «Молодая Россия»: «нам некогда ждать реформ!», и властитель дум Чернышевский позвал к *топору*, и огнем полыхнул Каракозов? Почему такое совпадение, что эти энергичные, уверенные и безжалостные люди выступили на русскую общественную арену год в год с освобождением крестьян?» — вопрошает Солженицын в «Октябре 16-го».

Как будто не помнит, что не год в год (Чернышевский раньше, а Каракозов позже), как будто не знает, что активность революционеров после реформы 1861-го года связана с повсеместной крестьянской неудовлетворенностью этой реформой. А ведь сам же писал в «Августе 14-го», что не решила реформа крестьянских проблем:

«Вот, освободили крестьян. Но деревня не расцвела от того, а упала.»

И не только в том причина, что не освободился мужик от сковывающей его общины, а и в том, что должен он был платить выкупное, что пастбища и лес оставались по-прежнему у помещика, что гражданином крестьянин был все еще неполноправным, т. е., как и раньше, считался человеком второго сорта. Никак не объяснить агитацией петербургско-московских радикалов, с крестьянами почти никак не связанных, того, что в 60-м году было 108 крестьянских выступлений, а в год реформы (вот здесь уж действительно: год в год) — 1176 (это по данным III отделения). Обратную же связь здесь проследить гораздо легче: энтузиазм столичных революционеров, наверняка, подогревался пожарами крестьянских восстаний.

И не оттого называют крестьянскую реформу вынужденной, что вынуждена она жизнью, а потому что запоздала она и началась лишь тогда, когда Россия уже жестоко поплатилась (и поражением в Крымской войне, и общественным раздором) за невнимание ее правителей к требованиям этой самой жизни. Не может не знать этого Солженицын, и говорит так только, думаю, для того, чтобы создать определенную атмосферу в романе — ту атмосферу, которая должна помочь читателю воспринимать сложные связи и явления как простые, да еще с определенным (отрицательным или положительным) знаком.

Еще пример такого подхода.

«В 1878 Иван Петрункевич пробовал на киевских переговорах убедить революционеров временно *приостановить* (курсив мой — В. М.) террор (а не отказаться от него, конечно!): де, погодите, не постреляйте немного, дайте нам, земцам, открыто и широко требовать реформ. Ответилему — выстрел Засулич из Петербурга».

Это из «Октября 16-го». А вот из «Августа 14-го»:

«По-настоящему русский террор и *открылся* (курсив мой — В. М.) со славной Веры Ивановны».

Нужно Солженицыну убедить читателя в срочной необходимости столыпинских реформ (в срочности реформ, на которых настаивают либералы, он вовсе не убежден: спешить с ними — губить Россию, а вот столыпинские — все настолько срочные, что можно нарушить и закон), он

пытается доказать, что в невозможности для крестьянина выйти из общины только и была причина аграрных беспорядков 905-7 годов:

«На сельских пространствах шла необъявленная пожарно-революционная война. И вместе с тем, сколько мог видеть сосердственный наблюдатель, — это вовсе не было следствием революционных идей в народном сознании, но взрывами отчаяния от какого-то коренного неустройства крестьянской жизни... Что-то запирало крестьянину всякую возможность подлинно владеть землею... Путь ему перегораживало, самого крестьянина заглатывало — общинное владение».

Все это так, да только самые большие пожары крестьянской войны полыхали в то время как раз там, где общинное землевладение было развито слабо, а то и вовсе его не было: на Украине, в Польше, в Прибалтике, на Кубани и на Дону, в Закавказье.

Чем же все-таки объяснить, что Солженицын создает свою версию истории, не считаясь с реальными фактами?

Дело, на мой взгляд, в том, что между событиями «Августа 14-го», «Октября 16-го» и временем написания романа произошел излом русской истории — революция 17-го года. Бывший зэка, автор «ГУЛАГа», Солженицын хорошо знает, куда ведет «красная революция» и чем угрожает она уже не только России, но и всему миру. Это знание и определяет позицию Солженицына — его предельно негативное отношение ко всему тому, что способствовало революции в России: к радикалам-революционерам, к либералам, к эгоистам-помещикам и царским бюрократам. И прежде всего к злополучному западничеству русского «общества». В беспочвенности этого «общества», по мнению писателя, — источник зла.

Неприятие системы, победившей в России в 17-м году, у Солженицына настолько острое, что он не замечает, как эта система меняется во времени, не видит, что в нынешнем своем варианте она наследует многие политические традиции Российской империи (русский националист В. Шульгин эту преемственность хорошо разглядел). Не существенны для Солженицына и разница в идеологических платформах

партий и даже принципиальное отличие либералов-правозащитников от революционеров-террористов. Если революционеры непосредственно разрушали Россию, то либералы, сочувствуя такому разрушению, создавали, по его мнению, атмосферу, в которой только и возможна была победа революционеров.

И те и другие всегда смотрели влево. Этот левый поворот типичен не только для русской дореволюционной, но и для современной нам западной интеллигенции. В этом причина беспокойства Солженицына: как русские либералы в прошлом своим левым уклоном помогли большевикам уничтожить Россию (вместе с русским либерализмом), так и западная интеллигенция своим коленопреклонением перед любым проявлением свободы (порой синонимом безответственности) готовит капитуляцию свободного мира перед коммунизмом. Ощущение опасности порабощения мира коммунизмом из-за либеральничанья западных интеллектуалов особенно усилилось после того, как Солженицын оказался в свободном мире: в главах, написанных в эмиграции, гораздо больше нападок на либералов, чем в тех, что писались в России.

Вот это нынешнее отношение Солженицына к коммунизму и его перспективам и определяет оценку автором прошлого, не позволяет ему объективно судить о том, что происходило в России накануне 17-го года. Не только ленины и первусы, но и милюковы, родичевы и витте, по Солженицыну, — носители зла. Доброе же начало, то самое, что связано с историческими традициями России, пытаются спасти Столыпин, Шипов, Воротынцев, Андозерская... Спасти страну им не удастся — их слишком мало, но симпатии Солженицына всецело на их стороне. И силой своего художественного дарования автор «Красного колеса» пытается навязать свои симпатии читателям романа-эпопеи.

Художник вовсе не обязан быть объективным. Даже пища *исторический* роман, он волен высказывать свое субъективное отношение к событиям прошлого. И при этом быть правдивым — субъективно правдивым — в своей оценке. Ход истории понять, предсказать, оценить — немислимо трудно. Очевидно лишь одно: писателю, претендующему на передачу *истинной* истории, нужно, как минимум,

уметь видеть происходящее глазами *всех* своих героев, а не только тех, кому он симпатизирует.

Стоит лишь повнимательнее приглядеться к событиям и героям «Красного колеса», чтобы обнаружить, что Солженицын вовсе не «воспроизводит, — по утверждению Н. Струве, — объективно историческую ситуацию, как бы оставаясь в стороне».

Сначала о героях романа.

«Чужие»:

Ленартович — узкий (узкоплечий), вялый, выражение скушающее, хотя лицо энергичное, длинноносое, нервное. Военная форма на нем мешковата, рука к козырьку — криво, в ответ на протянутую для пожатия руку — «узкие костистые четыре пальца». Ходит по «мелкому, ровному, скользкому, змейночешуйчатому камню площади».

Богров (Мордко Гершевич) — «болезненный, слабый молодой человек в пенсне, с руками слабыми и даже как бы чуть-чуть пригорбленный от физического недоразвития... бледен, с нездоровым румянцем... всегда истощен, переутомлен, недоумен и невесел. И голос надтреснут с выбрирующими нотками, и улыбка как бы механически добавлялась к лицу, а черты не пропитывались ею. Телесной силы совсем не было в нем...»

Оба наших антигероя змееподобны (о Богрове это уже заметил Лев Лосев) и по-змеинному готовы мгновенно ринуться из полной расслабленности со смертельным укусом, жгнув «коричневым огнем глаз» (Ленартович) или насмешкой «из острых глаз и оттопыренных губ» (Богров).

А наиболее совершенный образ *нечистой силы* — бегемот, большая свинья Александр (Израиль) Лазаревич Парвус. «Толстозадый... с непотягаемым пузом... удлинено-купольная,.. болезненно раздутая голова, мясистобульдожья физиономия»: толстогубая, одутловатая, с неровными усами и эспаньолкой... «водозеленистая кожа», блеклый застыло-стеклянный взгляд. Болотное дыхание.

Исчадь ада. Сам Сатана.

А вот «свои»:

Воротынцев — богатырски сложен, рослый, широкоплечий, но «стянутый весь и легкий». Чистое лицо, подведенное темнорусой укороченной бородкой. Глаза крупные, быстрые, светлые, ясные. Взгляд быстрый, емкий, неподозрительный и... еще раз ясный.

Воплощенный идеал мужества и благородства, князь Серебряный.

И еще один идеал. Столыпин. Красив, в сознании своей силы, с мраморной осанкой, рослый, прямой, светлый, густоголосый. Стоит не сгибаясь, ступает твердо, решения принимает уверенно. И абсолютно бесстрашен — рыцарь «с открытым забралом».

О событиях:

Лучше страницы первых узлов — главы о Столыпине и Богрове. Убийство Столыпина — знамение скорого конца русской истории, «первые пули из екатеринбургских». Сцена в киевском театре — поединок Добра и Зла. Столыпин, весь ярко-белый, спокойный, стоит, развернувшись грудью, лицом к проходу, по которому «шел, как извивался, узкий длинный, во фраке, черный» Богров. Дошел, выстрелил дважды в белую грудь с крупной звездой, и «змеясь черной спиной», побежал назад.

Примеров того как Солженицын расставляет акценты — в романе множество, но неужели одной этой сцены недостаточно, чтобы понять, «на чьей стороне автор, кто из героев ему особенно политически близок»?

Свои и чужие

Нет, Солженицын не объективен и передает вовсе не истинную историю. Зло и Добро в его романе неоправданно четко разделены и персонифицированы. Столкновение *чужого и русского*.

Кто такие *чужие* и как они выглядят — мы уже знаем. Знаем, что для них особенно ценно: правовое государство, гарантирующее различного рода свободы всем своим гражданам, — для либералов; социалистическая республика — для революционеров. Принцип «Долой самодержавие!»

объединяет тех и других. Судя по всему, именно резко негативным отношением Солженицына к этому принципу и объясняется то, что он в своем романе сооружает одну общую свалку из *чужих России* приверженцев правового государства, демократических социалистов и «борцов за диктатуру пролетариата».

Напрасно Солженицын обижается, когда западные интеллектуалы величают его «монархистом, царистом, теократом», — надо все же быть искренним, чтобы претендовать если не на истинную, то хотя бы на субъективно правдивую передачу истории. Следует, однако, признать, что в романе, в отличие от интервью французскому журналисту Бернару Пиво, Солженицын не скрывает своих симпатий к монархии.

Впрочем, слово «монархист», действительно, не совсем точно определяет политическую позицию Солженицына. (Монархистами являются и приверженцы той формы государственного правления, которая существует сегодня в безусловно демократических Англии, Голландии, Дании, Норвегии, Бельгии или Швеции). Александр Солженицын симпатизирует в «Красном колесе» не просто монархии, а русской *самодержавной* монархической власти.

Умирающий Столыпин «мерно, истово, не торопясь, перекрестил Государя». Он любил этого слабого, уклончивого человека. Любил, и кажется, без взаимности. Но служил не ему, Николаю Александровичу Романову, а царю Николаю Второму, по Божьей воле оказавшемуся на троне государства российского в трудные для страны годы. Служил самодержавию, без которого не мыслил будущего России:

«Историческая самодержавная власть и свободная воля монарха — драгоценнейшее достояние русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля призваны в минуты потрясений и опасности — спасти Россию, обратить ее на путь порядка и исторической правды. Если *быть* России, то лишь при усилении всех сынов охранять царскую верховную власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада». «Россия в обозримое время не могла бы двигаться и даже

выжить при сломе ее монархического облика и устоя... Без царя — и все пойдете нищими...»

Из общественной программы Д. Н. Шипова, в пересказе Солженицына:

«*Самодержавие* это значит: независимость от других государей, а вовсе не произвол».

Для Шипова, самодержавная монархия — наилучшая форма правления,

«потому что наследственный монарх стоит вне столкновения всяких групповых интересов».

Из монологов Андозерской в защиту самодержавия (ее утверждения никто всерьез не пытается опровергнуть: возражения Воротынцева по существу касаются не идеи самодержавия, а слабостей отдельных монархов и недостатка воли у защитников монархии, аргументы же Ободовского сознательно занижены, часто это всего лишь общие слова — да и что еще может сказать атеист о системе власти, основанной на взеземной воле):

«...Самодержец исторически значит только: не-даннык. Суверен. А отнюдь не значит, что всё делает сам как хочет. Да, все полномочия власти у него не раздельны, и ему не ставит границ другая земная власть, и он не может быть поставлен перед земным судом, но над ним — суд собственной совести и Божий суд. И он должен считать священными границы своей власти — еще жесточе, чем если бы они были ограничены конституцией...»

Твердая преемственность избавляет страну от разорительных смут, раз. При наследственной монархии нет периодической тряски выборов, ослабляются политические раздоры в стране, два. Республиканские выборы роняют авторитет власти, нам не остается уважать ее, но власть вынуждена угождать нам до выборов и отслуживать после них. Монарх же ничего не обещал ради избрания, три. Монарх имеет возможность беспристрастно уравновесить. Монархия есть дух народного единения, при республике — неизбежна раздирающая конкуренция, четыре. Личное благо и сила монарха совпадают с благом и силой всей страны, он просто вынужден защищать всенародные интересы — хотя бы чтоб уцелеть. Пять. А для стран

многонациональных, пестрых — монарх единственная скрепа и олицетворение единства... Монархия вовсе не делает людей рабами, республика обезличивает хуже. Наоборот, восстановленный образец человека, живущего только государством, возвышает и подданного... Монарх пусть средний человек, но лишенный соблазнов богатства, власти, орденов, он не нуждается делать гнусности для своего возвышения и имеет полную свободу суждения. А затем: случайности рождения исправляются с детства — подготовкою к власти, направленностью к ней, подбором лучших педагогов... И наконец, метафизически... пониманием своей власти как исполнения высшей воли. Как помазания Божьего.»

И для самого Солженицына выстрелы в Столыпина — это и выстрелы в династию («первые из екатеринбургских»), и одновременно «выстрел — в Россию, во всю нашу судьбу». Так неотрывна, по Солженицыну, была тогда судьба России от судьбы царской семьи.

Автор «Красного колеса» вовсе не боготворит русских монархов: и слабы они бывают, и недалеки, и ошибаются, принимая решения, довольно часто. И симпатизирует Солженицын вовсе не Романовым, а идее русского самодержавия, смысл которого в метафизической связи монарха с Богом и русским народом. О связи с Богом потом, а сейчас — о народности самодержавия.

Согласно Шипову, царь должен

«свое правление понимать как служение народу и постоянно согласовывать свои решения с соборной совестью народа.»

Шипов за народное представительство, подобное земским соборам прошлого. Такое представительство никак не подорвет самодержавие монарха, т. к. «русские искони думали не о борьбе с властью, но о совокупной с ней деятельности для устройства жизни по-божески».

Как видим, здесь звучит тема особого, исключительно русского, отношения народа к государственной власти.

«Усиленная борьба за политические права, считает Шипов,

чужда духу русского народа — и надо избежать его вовлечения в азарт политической борьбы.»

Андозерская:

«Когда в России существовала республиканская идея? Стала побеждать в Новгороде? — он из-за нее и погиб. Всю Смуту искали — царя, а не республику. Даже и Семибоярщина. Мы совсем не республиканский народ. Идея анархии — та трогает нас, погром, захват, безвластье, — но не республика же, нет!»

Россия, ее *особое* место в мире, ее народ, которому нужны не права, нужна *правда* отношений, — предмет обожания Александра Солженицына. А потому распространяет он свою любовь и на самодержавие — ту форму государственности, к которой якобы «предрасположены» русские.

Монархия, по Солженицыну, — хранительница ценностей русского народа. Единство нации держалось на вере народа в Государя и вере Царя «в силу русского пахаря».

Что ж, допустим: самодержавие — естественный образ государственного правления для русских. Но как быть, если русских в самодержавно управляемой царем Российской империи — меньшинство (согласно переписи 1897 г. — 44,4% всего населения*)?

И приходится Солженицыну делать вид, что украинцы, белорусы, а подчас и литовцы — все те же русские:

«При крестьянах — литовцах, русских, белорусах и малоросах, помещики были все польские... Чтобы в западных губерниях спасти *русскость* (здесь и далее в цитате подчеркнуто мною — В. М.), предстояло вывернуть прежний земский закон... Особенно требовалось, чтобы были русскими (или украинцами, или белорусами, в те годы это никем не различалось серьезно) — председатель земской управы и председатель училищного совета.

Запечатлеть открыто и нелицемерно, что *Западный край есть и должен остаться русским*. Защитить русское население от меньшинства польских помещиков (слова Столыпина — В. М.).

* На самом деле процент русских в империи был еще меньшим, т. к. в то время национальность определялась *по родному языку*, а многие нерусские называли своим родным языком русский.

(Как хорошо-то было бы прежде додуматься до того в самой России. Отчего ж в России-то еще полвека назад не встал вопрос, как защитить крестьян от помещиков?)»

Лукавит здесь Александр Исаевич. И в те годы украинцы очень хорошо знали, что они не русские и даже не малоросы (попробовал бы кто-нибудь переехать из русской деревни в украинское село и не заметить, что он в ином краю). Вот только государевы русификаторы не хотели этого замечать — для того и язык украинский запретили Эмским указом Александра II (освободителя, между прочим). Подавляя все украинское, совершили невиданное преступление: народ, поголовно грамотный еще в XVII веке, за два с половиной столетия превратили в поголовно неграмотный. Ну и откликнулось — Центральной Радой: шесть лет — всего только — прошло с тех пор, как деление на русских и украинцев «никем не различалось серьезно», и вдруг эти самые украинцы чуть ли не единодушно решили жить самостоятельно.

Да и в примечании о помещиках и крестьянах — лукавство Солженицына. Знает он и то, что цари русские не столько крестьянские, сколько помещичьи интересы защищали (чего только удивляется, что революционеры «выступили на русскую общественную арену год в год» вот с таким «освобождением крестьян»), и что столыпинская реформа управления Западным краем направлена была не на поддержку крестьян, а на русификацию (против полонизации) украинских, белорусских и литовских земель (ведь Столыпин так прямо и говорит, предлагая и другим не лицемерить)*.

Украинцев и белорусов нужно только в упор не различать от русских — и будет обеспечено русским в государстве не просто большинство, но большинство квалифицированное (68,3%). А значит, можно будет утвер-

* Казалось бы, оценивая события накануне революции 17 года с позиции наших дней (как это делает Солженицын), нельзя не заметить, что революция эта была не только демократическая, в феврале, и коммунистическая, в октябре, но и национальная и антиимпериалистическая для многих нерусских народов бывшей царской России. Но уж очень ограничено поле зрения у автора «Красного колеса», очень специфична точка обзора — он этого как бы не видит.

ждать, что самодержавие — та форма правления, к которой предрасположена большая часть населения империи.

Что же касается оставшейся трети этого населения, то ей, видимо, следует безоговорочно подчиниться воле большинства (чем не коммунистический принцип?) — в противном случае всех их запишут в «чужие».

«Чужие» — финны. Мало им того, что прав у них больше, чем у главных в империи русских, — они как тот волк: все в лес смотрят.

«Чужие» — поляки, всегда недовольные, все желающие навязать русским (украинцам и белорусам — но, как мы знаем, это одно и то же) свою волю.

«Чужие» — закавказцы (их по нациям разделять и вовсе уж не обязательно), они все в «беспочвенных социалистах». Попробовал Столыпин провести законы в обход Думы, как они на него все враз и набросились. И в один голос — о правах и свободах. Даже размах столыпинских реформ их не волнует:

«Ах, да разве для этого собрались со всей империи пламенные ораторы 2-й Думы, а особенно закавказцы! (Хотя представляла Дума как будто все население России, но на трибуне все мелькала почему-то череда необузданных закавказских социал-демократов.)»

Очень скоро отомстил Столыпин инородцам за невнимание к своей персоне. По новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. права «закавказцев», а заодно и жителей Царства Польского были урезаны. Раньше одна Бакинская губерния посылала трех депутатов в Думу (кстати, и тогда меньше, чем русские губернии), теперь же три закавказские губернии — Бакинская, Эриванская, Елизаветпольская — посылали лишь двух депутатов. Из 442 членов III Думы только 14 представляли Царство Польское (во II Думе: из 524 депутатов — 36 от Польши). Обоснование такому порядку очень простое:

«Государственная Дума должна быть русской по духу».

Казахи и киргизы (для русских правителей — все киргизы) — те даже и не «чужие», а просто «никто». Взял, например, Столыпин и подарил русским крестьянам 15 млн. десятин лучшей «киргизской» земли.

Что этим «чужим» до России, до ее традиций — всё спешат развалить в чужой для них стране «все эти Чхенкели, Нахамкесы, Лурье, Гордоны» ради целей Интернационала.

И самые «чужие» из «чужих» — евреи. Не те, что подобно Архангородскому готовы принимать Россию такой, какая она есть, и если менять в ней что-то, то непременно по русским образцам. А те — что считают себя в России равными остальным и хотят, чтобы было признано равноправие. И еще хотят участвовать в жизни так, как считают нужным, а не делать только то, что велит хозяин.

Не любят власти в России этих евреев-чужаков. «Своих», послушных, терпеть можно, а этих — ну как?

Вот как решали «еврейский вопрос» правители государства Российского в августе 15-го (за полтора года до революции):

«Кривошеин (по Солженицыну, наиболее влиятельный министр, выдающийся государственный деятель, наиболее последовательный продолжатель дела Столыпина — В. М.):

Нож приставлен к горлу, ничего не поделаешь. Пока еще вежливо просят, мы существенно изменим черту оседлости, а вы нам дайте денежную поддержку...

Горемыкин (премьер): Право жительства евреям — только в городах. Сельские местности мы обязаны огрaдить...

Рухлов (министр путей сообщения): Подтверждается поговорка, что за деньги все покупается. Какое впечатление это произведет не на еврейских банкиров, а на армию и на весь русский народ? Как бы не явился взрыв возмущения и кровавые бедствия для тех же евреев...

Самарин (овер-прокурор Синода): Я вполне понимаю это чувство протеста в душе. Мне тоже больно давать свое согласие на акт, последствия которого огромны и с которым русским людям придется считаться в будущем. Но таково сплетение обстоятельств, приходится жертвовать...

Щербатов (министр внутренних дел): Конечно, Сергей Васильич глубоко прав, указывая на разрушительное влияние

еврейства. Но что же нам остается делать, когда нож приставлен к горлу? А деньги в еврейских кругах...

Кривошеин: Я тоже привык отождествлять русскую революцию с евреями, но тем не менее подписываю акт о льготах. Будемте спешить. Нельзя вести войну сразу и с Германией и с еврейством, это непосильно даже для такой могучей страны, как Россия».

Так решали «еврейскую» проблему государственные мужи — руководители огромной империи, люди, преданные России и монархическому принципу. Лишь под угрозой «ножа, приставленного к горлу», соглашаются они и вовсе не на льготы какие-то евреям, а уравнивать их с другими гражданами государства. Как огромную жертву воспринимает они необходимость во втором десятилетии XX века признать истину, «что все люди созданы равными» — ту самую, что признали самоочевидной и записали на первой странице «Декларации независимости» граждане свободной Америки еще в веке XVIII. Да и не признали царские министры этой истины, а просто вынуждены были уступить.

Солженицын и сам не против равноправия евреев (да и нельзя быть против этого в конце XX века), и Столыпина объявляет поборником национального равенства (верится с трудом, а программу будущих столыпинских реформ, среди которых якобы была и реформа национальная, никто и никогда не увидит — исчезла навсегда). Но вот повышенная революционная активность чужаков-евреев явно раздражает писателя.

И еврейских фамилий, говоря о революционерах, приводит он неоправданно много — вовсе не пропорционально их подлинному числу (об этом уже писали, и не раз).

И самый отвратительный образ в романе — еврей-революционер Парвус.

И воплощенную в образе Столыпина русскую добродетель убивает *змея* Богров (Мордко Гершевич — подчеркивает Солженицын, хотя в России Богрова обычно называли русским именем). И делает это в еврейских интересах:

«Я боролся за благо и счастье еврейского народа. Великий народ не должен как раб пресмыкаться перед угнетателями!»

Вот так и представляет Солженицын борьбу *чужих* против *своих* как борьбу евреев против русских.

Дело здесь не в величии еврейского народа. Никакой народ не любит, когда его угнетают, когда ему навязывают формы правления, к которым он не «предрасположен».

Удивительно лишь то, что многие русские и ведадь не ведают, что они кого-то угнетают. Солженицын вроде бы и понимает, что угнетают, и даже раскаяться в угнетательстве русским предлагает, а как приступит к раскаянию, так сразу оказывается, что вины чужие видны лучше своей. И поляки грешны перед Россией, и татары, и латыши и венгры. Украинцы и белорусы — те свои, и каются вроде бы незачем; грузины, армяне, узбеки, казахи, башкиры... — уж слишком их всех много, попробуй свести со всеми счеты.

Расширяться России вроде бы и не надо (во всяком случае до тех пор, пока не освоим Северо-Восток), но и расчленять страну тоже нехорошо. Да и кто знает, где конец и где начало России? Здесь размышления и Солженицына и его героев обычно прерывает многоточие (не всегда, правда, проставляемое).

«Запутывали опять Воротынцева в словесные состязания...

Россию отдавать?.. *Отдать* — он и вершка русского не согласен. Но... во-первых — вершка действительно *русского*..»

Трудная это штука — национальный вопрос в России.

Мы допустили, что русские предпочитают монархическую, самодержавную, форму правления. Что республиканские идеи им чужды, так же как чужда русскому народу борьба за политические и гражданские права.

Но справедливо ли такое допущение?

Солженицын пишет о застарелой розни между монархической властью и обществом и начало той розни относит ко временам декабристов, а то и Петра I. Царя Петра касаться не будем — все-таки монарх, и в его времена отношения сторон в розни между властью и обществом (а эта рознь была несомненно) были обрагные тем, что сложились в XIX веке: царь — западник, общество — хранитель русских традиций. Но вот Радищев, Панин, Новиков, Сперанский (и

все — не немцы) еще прежде декабристов развивают в России либеральные идеи. Да и сами декабристы — ведь не худшие же сыны отечества.

А с середины века пошли разночинцы. Те прямо из народа — дети сельских священников, мещан и крестьян. Это от них — начало тому общественному слою, который мы называем русской интеллигенцией. Их связь с народом самая непосредственная. И эти *русские* интеллигенты первого поколения неожиданно и дружно повернулись лицом в сторону западных идей — идей равноправия и социальной справедливости. И нисколько не показались им, пришедшим в столицы из глубин России, эти идеи безобразными и чуждыми. (Были среди интеллигентов славянофилы, но те больше из помещиков). Потом, отрываясь от народных корней, интеллигенция рефлексировала (народничество — одна из форм славянофильской рефлексии, из народников-то и вышли эсеры и анархисты — главные террористы). Те же, кто не заболел рефлексией, кого увлекли не революционные волны (со второй половины XIX века этим волнам не было конца), а профессиональные интересы, все же оставались в большинстве либералами (и часто республиканцами!) и симпатизировали кадетам.

Не обязательно все верно в этой грубо очерченной схеме — не об этом сейчас спор; настаиваю лишь на одном: тот факт, что *русская* интеллигенция (самая образованная, граждански и профессионально активная часть русского народа) чуть ли не в круговую была увлечена либерально-демократическими или революционными идеями, — достаточное основание утверждать, что самодержавная форма правления совсем не обязательно присуща русским.

Да и крестьянство не бросилось на защиту российского самодержавия в годы революции, и если боролось против большевиков, то за землю, которую те обещали дать, но обманули. О рабочих что и говорить: если не за большевиками, то за меньшевиками или — за Учредительное собрание.

Вот и оказывается, что идею самодержавия — столь, как кажется Солженицыну, близкую русскому народу — народ этот не поддержал. А Столыпина, который сделал все возможное и невозможное, чтобы «спасти предмет нашей

веры», поддержала, как мы узнаем из «Августа 14-го», лишь маленькая «прослойка русских националистов, которые только и верны были Столыпину от начала и до конца».

«Православие, самодержавие, народность»

И все же западные критики Солженицына не совсем точны, называя его монархистом. Для писателя в понятии «самодержавная монархия» самодержавность важнее монархии. Он сторонник *авторитарной*, а не обязательно монархической власти в России. Демократия — когда то еще будет? Сегодня русский народ к ней не готов, а спешить, форсировать события — беды не оберешься. Это в сегодняшней России — что уж говорить о России начала века.

Человек, искренне преданный России, чувствующий ее особость, розумный, твердый в своих решениях, самоотверженный, умеющий работать и знающий что делать, — не должен ограничивать свою волю волей различного рода «говорунов», пусть даже имеющих формальное право на такое ограничение. В этом пытается нас убедить Солженицын, рассказывая о конфликте Столыпина и Думы. Да не конфликт — настоящая война.

«Манифест, поворачивающий одним косым ударом весь исторический ход тысячелетнего корабля, как будто был вырван из рук самодержца вихрем поспешности... был не только суетлив и плохо продуман, но — неясен и двойственен... Манифест только дальше распахнул ворота революции... Руками, оплетенными пышноцветными лентами манифеста, надо было вытягивать живую Россию из хаоса».

Столыпин утверждал, что намерен действовать «под сенью Манифеста», хотя тот и вяжет ему руки. На деле же он лишь искал возможности обойти «Основные Законы» от 23 апреля 1906 года — «конституцию без парламентаризма», как назвал эти законы предшественник Столыпина на посту премьер-министра граф Витте*. Одну за другой разгоняет

* См. С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 3, с. 306. Эти слова Витте, кстати, опровергают недавние утверждения некоторых публицистов-эмигрантов о

Столыпин I и II Думу (точнее — подбивает на это императора), разрабатывает новый избирательный закон, вступивший в силу 3 июня 1907 (третьеиюньский государственный переворот) — *coup d'état*, как величали это событие и правые и левые), и все свои основные реформы проводит в обход Думы (даже самой послушной — III-й), ссылаясь на ст. 87-ю «Основных Законов»**.

По существу, спор между Столыпиным и Думой идет не из-за тех или иных столыпинских реформ, а по поводу того, может или нет один человек, пусть даже преисполненный самых благих намерений, навязывать свою волю стране, не считаясь с законом и правом.

«Столыпин из этой статьи (87-й — В. М.) посредством самого неправильного и произвольного ее применения создал целое законодательство», — пишет Витте. — «Он под меры, вызываемые чрезвычайными обстоятельствами, начал подводить самые капитальнейшие вещи, которые ждали своего осуществления десятки и десятки лет... для этого он распускал

парламентской монархии, якобы возникшей в России после октября 1905 года (см., например, статью Г. Андреева «Какую Россию уничтожили большевики?» — «Континент», N42, сс. 253-280). Трудно согласиться и с М. Геллером и А. Некричем, которые писали в «Утопии у власти»: «Россия стала конституционной монархией с представительным собранием...» Конституционной монархией Россия не стала даже формально: об «Основных Законах» как о конституции говорили лишь неофициально — официально даже слов «конституционный строй», «конституция» нельзя было употреблять, чтобы не задеть, как пишет Солженицын, «чувств Государя». Кроме того, в современном смысле слова режим конституционной монархии должен предусматривать принцип разделения власти на исполнительную, законодательную и судебную. В дореволюционной же России исполнительная власть была полностью подчинена царю, а законодательная власть императора была лишь несколько ограничена статьей 7-й «Основных Законов», где сказано, что царь «осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой». Царь при этом обладал правом законодательной инициативы и правом разогнать Думу, если единения не получится (этим правом самодержца и пользовался постоянно премьер Столыпин).

** В соответствии с этой статьей «во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере (подчеркнуто мною — В. М.), которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно».

и вовремя не собирал Думы и даже распускал законодательные учреждения на три дня...»

Естественно, что произвол Столыпина провоцировал на сопротивление депутатов Думы:

«Даже желательные мероприятия, но проводимые путем сомнительной законности, есть поворот к прошлому. Наш исторический грех: неуважение к идее права, к незыблемости закона... всякий государственный человек должен уметь уступить, подчиняясь закону... Великое самомнение и великая дерзость ставить свои идеалы выше законов... Национальное чувство есть и у нас и заставляет нас прежде всего требовать осуществления *права*. Может ли каждый из нас быть уверен, что право его не будет нарушено ради государственной пользы?»

Симпатии Солженицына в том, почти восьмидесятилетней давности, споре — на стороне Столыпина.

Солженицын пишет для тех, кто размышляет над будущем страны, что ныне называется Советским Союзом. Его книги современны. Его отношение к конфликту Столыпин — Дума — это и его отношение к современным принципам правозащитного движения. Для Солженицына интересы *нации* и *русского государства* важнее *права* и принципов *равноправия*. Для правителей в Кремле важнее *права* и *равноправия* интересы партии, класса, советского государства. Различие все же существенное, и заключается оно, думаю, в том, что партийные бонзы творят произвол в своих личных интересах или в крайнем случае ради утверждения не имеющих жизненной силы догм, а для Солженицына интересы русского народа и русского государства священны своей связью с промыслом Божьим.

Столыпин:

«Русское государство — в многовековой связи с православной церковью... Вы видели, как истово молится наш русский народ, вы не могли не осязать атмосферы накопившегося молитвенного чувства, не могли не сознавать, что раздающиеся в церкви слова для этого молящегося люда — слова божественные».

Шипов (его мысли в пересказе Солженицына):

«Вся система, где правовая идея поставлена выше этической, — за пределами христианства и христианской культуры. А лозунги народовластия, народоправства наиболее мутят людской покой, возбуждают втягиваться в борьбу и отстаивать свои права, иногда забывая о духовной стороне жизни...

Русские искони думали не о борьбе с властью, но о совокупной с ней деятельности для устроения жизни по-божески. Так же думали и цари древней Руси, не отделявшие себя от народа.»

Солженицын:

«Россия много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм — и сохраняла себя и свое здоровье... Страшны не авторитарные режимы, но режимы, не отвечающие ни перед кем, ни перед чем. Самодержцы прошлых, религиозных, веков при видимой неограниченности власти ощущали свою ответственность перед Богом и собственной совестью. Самодержцы нашего времени опасны тем, что трудно найти обязательные для них высшие ценности». («На возврате дыхания и сознания»).

Вот и пришло время для разговора о мировоззренческой позиции автора «Красного колеса».

Прельщение кесаревым

Здесь не место подробно обсуждать религиозно-этические взгляды А. Солженицына (это отдельная тема), но, анализируя историческую концепцию автора «Красного колеса», нельзя не заметить, что писатель постоянно противопоставляет друг другу такие ценности, как *право и нравственность, русская государственность и Запад, личность и нация*. Уместны ли такие противопоставления?

Из гарвардской речи Александра Солженицына:

«Право слишком холодно и формально, чтобы влиять на общество благотворно. Когда вся жизнь пронизана отношениями юридическими, создается атмосфера душевной посредственности, омертвляющей лучшие взлеты человека...

государственный деятель, который хочет для своей страны провести крупное созидательное дело, вынужден двигаться осмотрительными, даже робкими шагами, он все время облеплен тысячами поспешливых (и безответственных) критиков, его все время одергивает пресса и парламент».

Не по душе Солженицыну, как мы видим, не только сопротивление Государственной думы столыпинским начинаниям, но и вся система современной демократии, ограничивающей произвол (неважно на что направлен этот произвол: на доброе или злое) власть имущих. Самодержавие — явно привлекательнее.

Но дело не в этом. Противопоставляя, как и Шипов, право этике, Солженицын высказывает внутренне противоречивое суждение. Этические нормы он оценивает с точки зрения христианства (так как он его понимает), правовые же — как материалист-позитивист. Такое противопоставление не допустимо. А между тем есть и идеалистическое трактование права, которое, казалось бы, должно быть Солженицыну и понятнее и ближе. Князь Е. Трубецкой, писал:

«Кроме права положительного, действующего, существует право естественное, — существует *вечная идея права*, которая должна лежать в основе всего права положительно-го... Естественное право есть *синонимом нравственно-должного в праве.*»

Очевидно, взгляни Солженицын (или Шипов — как его пересказал Солженицын) на право с этой точки зрения, и не будет больше оснований для протипоставления его этическим нормам. Область нравственности и область права не только не исключают друг друга, но и все время взаимопересекаются. Более того, хотя области эти в чем-то и отличны друг от друга, они имеют общее идеалистическое обоснование. Право определяет границы внешней свободы человека, нравственность — его внутреннее отношение к своему поведению. Принцип же, на котором должно основываться и то и другое, — для христианина один: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки».

«Главное и самое существенное содержание права составляет свобода. Правда, это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой. Но внутренняя, более безотносительная, духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой».

Кажется, и добавить больше нечего. Слова эти — из статьи Б. Кистяковского «В защиту права» (!). Из того самого сборника «Вехи», авторы которого противопоставили по утверждению Солженицына, революционным культам, «христианское подвижничество, самоограничение, а то и самоотречение как форму нравственного существования».

В той же статье, написанной, кстати, как раз в то время, когда шла острая полемика между Столыпиным и Думой, Кистяковский критикует отношение к праву славянофилов — отношение, как две капли воды, похожее на солженицынское:

«Константин Аксаков утверждал, что в то время, как «западное человечество» двинулось «путем внешней правды, путем государства», русский народ пошел путем «внутренней правды». Поэтому отношения между народом и Государем в России, особенно до-Петровской, основывались на взаимном доверии и на обоюдном искреннем желании пользы.»

Свое отношение к взглядам на право Константина Аксакова (и Д. Шипова и А. Солженицына — можем добавить мы сегодня) Б. Кистяковский выразил, приведя в статье юмористическое стихотворение Б. Алмазова:

«По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки природы русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...»

Слаборазвитое правосознание русских (исторически обусловленное) — одна из главных причин многочисленных бед нашего отечества. И борьба за право, начатая 80-100 лет назад русской интеллигенцией, уверен, намного важнее для

России, чем самая разумная из реформ Столыпина. И один из симптомов начинающегося возрождения России в том, что в наши дни самой сильной формой сопротивления советскому тоталитаризму оказалось именно правозащитное движение. Защищать право — это не просто следовать тем или иным юридическим предписаниям, это и бороться за совершенствование положительного права, его развития в сторону права идеального.

Не раз и не два на страницах книг Солженицына утверждается, что русское государство находится (находилось) в тесной связи с православной церковью, что русский царь выражает соборную совесть народа, понимает свою власть как исполнение Высшей воли, что, во всяком случае до тех пор, пока престолонаследие в России не нарушилось насильственно, волю царей русских направлял перст Божий. И, конечно же, вся жизнь тогда была напоена православием, служением идеалам святости.

Солженицын время от времени вспоминает, что все это не очень-то в ладу с заповедью «кесарево кесарю, а Божие Богу» но как же быть, если все-таки ... перст Божий. Никак не может согласиться Солженицын с тем, что перст Божий направляет волю русского монарха ничуть не в большей мере, чем волю любого из смертных, и что приписывать царю *особую* связь с Богом — это значит передавать кесарю кое-что из причитающегося только Богу. Грех — хотя и привычный, чуть ли не освященный традицией. Такой же, как и признание за русским народом *особой* склонности к «совокупной деятельности для устроения жизни по-божески». Если такое качество действительно присуще русским — не отдельным людям, а «совокупно» — в значительно большей мере, чем другим народам, то не является ли это признаком богоизбранности русской нации? А идею богоизбранности того или иного народа как осознать христианину, если сказано: «Нет ни эллина, ни иудея»?

Подмена идеальных ценностей земными — не редкость у Солженицына. Я уже писал о противопоставлении

нравственных *идеалов* юридическим (кесаревым) правилам, а не *идеальному* праву. А вот еще один случай подмены.

Саша Лаженицын («я там своему отцу вкладываю свое мнение», — А. Солженицын) в «Августе Четырнадцатого» возражает Толстому:

«Лев Николаевич, а вы уверены, что вы не преувеличиваете силу любви, заложенную в человеке? Или, во всяком случае, оставшуюся в современном человеке? А что, если любовь не так сильна, не так обязательна во всех, и не возьмет верха — ведь тогда ваше учение окажется... без...Очень-очень преждевременным?»

Очень-очень преждевременным в таком случае окажется не учение Льва Толстого, а все христианство, ибо в заповеди «Любовь все спасет» — христианская Истина.

Не будем упрекать Солженицына в забвении евангельских заповедей. Он и сам понимает, что спорит не с Толстым, и признается в этом в интервью Бернару Пиво. Но все же считает себя вправе предложить свой рецепт:

« ... „любовь все спасет”, это значит — вот сразу прыгай сюда, сразу поднимись во весь уровень... Я думаю, что надо дать промежуточные ступеньки, по которым можно как-то дойти до этой высоты. Сегодняшнему человечеству сказать: „любите друг друга”, — ничего не будет... не выйдет, не полюбят. Не спасут любовью. Надо обратиться с какими-то промежуточными, более умеренными призывами... : хотя бы не действовать против справедливости».

«Мол, раз я тоже буду вместе с вами верить, так я вам эту двухтысячелетнюю веру сразу и реформирую!» Чувство справедливости у людей очень субъективно. Богров, например, — «24-летний хлюст», — стреляя в Столыпина тоже ведь полагал, что восстанавливает попорченную справедливость. Стремление служить «Правде-Справедливости», а не «Правде-Истине» толкнуло русскую интеллигенцию в революцию. И вот выясняется, что наиболее острый, из современных, критик этой интеллигенции якобы с христианских позиций — Александр Солженицын — также предлагает подменить истину любви (любви, которая соединяет я и *целое*, не обезличивая человека, не растворяя индивидуальное во всеобщем) субъективным чувством справедливости.

Забвение духовной связи человека с Богом в бесконечности. Ограниченность земным. Из темплтоновской речи А. Солженицына (продуманной, заранее подготовленной):

«Творец постоянно и ежедневно участвует в жизни каждого из нас, неизменно добавляя нам энергии бытия, а когда помощь оставляет нас — мы умираем».

А смерть невинного младенца? Неужели и он, безгрешный, покинут Творцом? Для христианина ответ в том, что смерть — не богопокинутость, жизнь не оканчивается на земле, потому что «есть Царство Небесное». Для Солженицына же — как бы и не абсолютно, что царство Христа «не от мира сего».

Забывая порой о присутствии бесконечного начала в человеке, Солженицын в то же время пытается духовно оправдать те проявления свободной воли человека, которые целиком относятся к царству кесаря.

Вот как пробует «перепонять» войну и свое участие в ней священник о. Северьян («Октябрь Шестнадцатого»):

«Мира без войн — пока еще не бывало. Войнами — мы расплачиваемся за то, что живем государствами. Прежде войн — надо бы упразднить государства. Но это немислимо, пока не искоренена наклонность к насилию и злу. Для защиты от насилия и созданы государства... Война не только рознит, она находит и общее дружеское единство, и к жертвам зовет — и идут же на жертвы! Идя на войну, ведь вы и сами рискуете быть убитым. Нет, как хотите, война — не худший вид зла.»

Наш священник даже не замечает, что оправдывая участие человека в войне до тех пор, пока не будет «искоренена наклонность к насилию и злу», он как бы утверждает, что зло не будет преодолено никогда. Убийство людей (пусть даже убийца одет в форму солдата) — по многим причинам страшный грех, который, не исключая, может быть отпущен, но, уверен, не может быть оправдан. Независимо от того, меньшее или большее зло война, она, как и всякое насилие, не может иметь *духовного* оправдания.

Александр Солженицын:

«Насилию нечем прикрыться кроме лжи» («Жить не по лжи»).

Слова Иисуса Христа:

«Вы слышали, что сказано древним: „не убивай; кто же убьет, подлежит суду”,

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему „рака”, подлежит синадрию; а кто скажет: „безумный”, подлежит геенне огненной.

А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

А Я говорю вам: любите врагов ваших..»

(Матф. 5: 21, 22, 39, 44).

Создается впечатление, что Солженицыну близки истины Ветхого Завета, но не евангельская весть о богоподобии человека. Но никто — кроме самого Бога — не выше человека.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, всем разумением твоим»:

Сия есть первая и наибольшая заповедь;

Вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»

На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.» (Матф. 22:37-40).

Возлюби ближнего своего — *человека*, а не нацию, государство, человечество! Присущи человеку национальные и патриотические чувства, ощущает он свою принадлежность к человечеству, но не следует личности быть в рабстве у нации, класса, государства — человек выше наличием *в нем* божественного начала. Для того, чтобы он мог развить в себе это начало, дарована человеку внутренняя свобода. А свободу внешнюю должно обеспечить людям право (в этом его идеальное предназначение).

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сергей Максудов

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ*

*«Государство пухло — народ хирел»
Ключевский.*

Постоянное расширение границ нашей Родины — явление уникальное в XX веке. В историческом же плане оно достаточно традиционно. Ведь ...*«Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер... — Это факт географический...»* (Чаадаев).

Границы России

Географический фактор довлел в XIX веке не только над Россией. Это был век раздела мира, век империй, среди которых русская — занимала лишь второе место. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин составил табличку колониальных владений великих держав, которую мы позволим себе дополнить графой о современном состоянии мира.

Удивительные события произошли с того времени. Раздел мира завершился развалом пяти великих держав. Все вместе они сохранили что-то около 200 тысяч квадратных

* Глава из книги «Потери населения СССР» (не опубликована).
Copyright автора.

километров колониальных территорий. Три державы даже умудрились утратить немалый кусок бывшей метрополии. Обломки империй образовали почти сотню самостоятельных государств, торжественно заседающих в Организации Объединенных Наций. И совершенно не исключено, что в ближайшие годы десяток оставшихся за Англией островов, а за ними и десяток французских территорий будут, в полном соответствии с установившейся традицией, приняты в эту почтенную организацию.

А шестая держава — этот последний многонациональный конгломерат еще феодальной кройки, этот «владелец громадного количества украденной собственности (то есть угнетенных наций, — поясняет В. И. Ленин), которую ей придется отдать в день расчета», страна, названная одним из знаменитых своих сыновей «тюрьмой народов», «где к угнетенным нациям принадлежит не менее 57% населения, свыше 100 млн., где эти нации населяют по преимуществу окраины, где часть этих наций более культурна, чем великороссы, где политический строй отличается особенно варварским и средневековым характером...»¹ — уцелела, окрепла и разрослась.

Таблица

Колониальные владения великих держав (млн. кв. км.)

	1876		1914		1980		
	Колонии	Колонии	Метрополии	Всего	Колонии	Метр.	Всего
Англия	22,5	33,5	0,3	33,8	0,03	0,24	0,27
Россия	17,0	17,4	5,4	22,8	?	?	22,4
Франция	0,9	10,6	0,5	11,1	0,13	0,55	0,68
Германия		2,9	0,5	3,4	—	0,36	0,36
США		0,3	9,4	9,7	0,01	9,36	9,37
Япония		0,3	0,4	0,7	—	0,37	0,37

[·] Вместе с Ирландией

^{..} Европейская Россия вместе с Польшей, Финляндией, Прибалтикой, Украиной. В соответствии с традицией начала века, европейские страны, даже захваченные и эксплуатируемые, не рассматривались как колонии — они считались угнетенными народами.

^{...} ГДР и ФРГ.

*¹ Примечания см. в конце статьи (ред.)

Да как же это случилось? Почему все империи распались, все народы освободились, и даже («многострадальный» народ Зоны Панамского канала вот-вот получит право распоряжаться своим «неотъемлемым достоянием», а тюрьма стоит не шелохнувшись?*

* В XX веке более 60 государств отпочковалось от Британской империи, 30 слишком — от империи Французской, Куба и Филиппины от США. Германия потеряла собственные земли. Даже из Китая «произросли» Монголия и Тайвань. СССР же выпустил из имперского наследства лишь Карс, часть Финляндии и Польшу, но взамен проглотил окончательно Бухару и Хиву, прибрал Кенигсберг и Закарпатскую Украину и превратил в покорных сателлитов несколько соседних государств.

Изменения произошли не в СССР, а там, на Западе. За последние 30-40 лет вдруг выяснилось, что не существует исторической великой миссии белого человека, что не призваны европейцы обживать и осваивать отдаленные территории, что не существует суверенитета правительства над контролируемой территорией, а есть лишь суверенитет народов на землях их обитания.

Советский Союз также признает суверенитет народов, но только проживающих за границами блока. В пределах страны лишь 15 избранных национальностей имеют некое условное право захотеть независимости. В старой конституции предпринималась попытка объяснить, почему эти народы избраны для обладания столь нетривиальной возможностью: население больше миллиона и граница с иностранной державой. Ныне, когда в ООН представлены государства с численностью населения меньше 100 тысяч, и есть страны, со всех сторон окруженные «империалистическими агрессорами» (к примеру, Ботсвана, Лесото, Свазиленд), от какой-либо аргументации просто отказались. По новой конституции есть народы избранные — с правом выхода, и есть — второго сорта, без этого права. И любая попытка якутов, крымских татар, бурят, алтайцев или кого иного получить независимость будет признана антисоветской, неконституционной.

Впрочем и абстрактное право выхода, имманентно присущее привилегированным народам, не может быть реализовано практически, так как не существует юридических процедур законного оформления такого желания.

Принцип суверенитета верховной власти над территорией дополнен в социалистической системе суверенитетом правительства над экономикой, культурой, имуществом граждан и в значительной мере над самими гражданами. Хотя закон от 21-ХI-1929 г. о расстреле в 24 часа без суда всех, не захотевших вернуться в СССР, отменен, но и десятилетние сроки за попытку тайного выезда из страны достаточно выразительны.

Выпуская под давлением Запада некоторое количество евреев из страны (этого избранного народа — единственного, за кем признается право сменить одну «землю обетованную» на другую), советские власти крайне неохотно расстаются с этой живой собственностью, тщательно обирают ее

Оказывается потому, что тюрьмы никакой на самом деле и не было. Это англичане, американцы, японцы покоряли соседей, захватывали чужие территории. Русский народ осуществлял великую историческую миссию старшего брата. Народы присоединялись к России добровольно, происходило укрепление границ, ликвидация отсталых режимов, освоение земель. Вот как об этом пишут современные советские учебники.

«Власть монголо-татарских ханов была ликвидирована и на территории Поволжья. Укрепилась защита России от врагов на восточной границе. В Предкавказье границы России дошли до низовьев Терека. Кабарда добровольно перешла под покровительство Москвы. В середине XVI века к России добровольно присоединилась Башкирия.

...Западная Сибирь вошла в состав России. Часть населения Сибири подчинилась России добровольно. В конце XVI века в Сибири стали появляться русские деревни. Позже, в XVII веке, была освоена Восточная Сибирь.

...Население Поволжья, Приуралья и Сибири находилось теперь под гнетом русских феодалов и местной знати.

Однако вхождение в Россию для народов Поволжья, Приуралья и Сибири имело положительные последствия. Они избавились от непрерывных междуусобных войн татарских ханов. Российское государство находилось на более высокой ступени развития, нежели Казанское, Астраханское и Сибирское ханства». (Учебник «История СССР», 5 класс, выделено авторами учебника).*

при отъезде, стараются получить за это от Запада экономические и политические уступки.

СССР всячески подражают другие социалистические страны. Никого не удивляют ныне сообщения о том, что за столько-то миллионов марок, выплаченных ФРГ, из ГДР или Польши разрешено уехать такому-то количеству граждан.

Современным символом социалистического отношения к населению является берлинская стена. Но не менее выразительны ныне забытые взрывы горных перевалов Памира и Тянь-Шаня, в течение нескольких тысячелетий служивших основной коммуникацией между Востоком и Западом.

* Академик В. Амбарцумян в апологетически угодливой статье «Навски с Россией» (Наука и жизнь, 1/1979) пишет, что русский народ (не советский, именно русский, что довольно характерно для настоящего времени) принадлежит «к числу величайших по значимости и могуществу

«В это же время отважные русские люди продолжали совершать далекие походы на север и восток, осваивать огромные пространства Сибири и Дальнего Востока».

«Земли по Амуру и его притокам были почти не заселены. Очень редко попадались селения местных жителей. На помощь Хабарову было послано войско в 3 тысячи человек*...»

... Так в течение веков русские люди осваивали Сибирь, Приамурье и Приморье — богатый, необъятный край нашей Родины». ** (Учебник «История СССР», для 4 класса, 1975 г.)

Совершенно иначе вели себя жадные до золота западноевропейские конкистадоры. Никого они не избавляли, на более высокую культурную ступеньку не поднимали, добровольно не воссоединяли, только грабили да уничтожали.

«Испанские завоеватели варварски уничтожили древнюю культуру народов Америки.»

...Колониальные захваты в Америке, Азии и Африке сопровождались ограблением, порабощением и истреблением местного населения.»

Они шли с крестом в руках и ненасытной жадной до золота в сердце.

... В 1519 году небольшой отряд в 400 человек высадился на берегу Мексики. Во главе отряда стоял дворянин Кортес, у которого, по словам одного из участников похода, денег было мало, зато много долгов...

Другой завоеватель, неграмотный, но энергичный и жестокий Писсаро с отрядом в 200 человек напал на Перу...». (Учебник истории для 6 класса, выделено авторами учебника).

народов мира» и сравнивает его с Солнцем, «взаимодействие с которым оказывается решающим для движения Земли (т. е. Армении) и для всей ее судьбы, в то время как для Солнца оно уже не имеет столь великого значения».

* Особенно умильтельны цифры. Для уничтожения древней культуры и порабощения народов — какие-то жалкие сотни, а вот для путешествия по незаселенным местностям не мешает получить в помощь трехтысячное войско.

** Интересующихся трагической судьбой народов Сибири после воссоединения отсылаю к монографии И. С. Гурвича «Этническая история северо-востока Сибири», М., 1966 г., рассмотревшего изменения численности северных народов в процессе русской колонизации.

Конечно, авторы школьных учебников не сами придумали эти соображения об особом историческом пути России, освободительной миссии и братской помощи. Они всегда находили среди русских общественных деятелей красноречивых приверженцев. Позволю себе привести несколько цитат:

— «Россия, брат, — во! — раскидает ладонями он, мне напомнивши жест Саваофа под куполом храма Спасителя, — Огромна! Она заключает, — подбросит он ножик и ловко подхватит его, — Туркестан, и Кавказ, и Сибирь, Бухару и Хиву, и Финляндию — ловко подбросит он ножик, — Ура! — и поймает его, — Повтори. Повторяю: — Сибирь, Бухару и Хиву... Бросит ножик: — В Сибири, брат, холод, а в Туркестане растут тростники: там сидят полосатые тигры и кушают сартов; у сартов халаты пестрейшие, братец мой.

Пахнет антоновкой, ходит словами: — У нас есть Камчатка; и даже Аляской владели мы. Но... черт возьми! — и лицо прорезает угрюмая складка, и он смотрит пустыми глазами от ужаса: — Черт возьми! Немцы, чинуши, ее проморгали: Аляску мы продали, — щелкнет он пальцем под носом и сделает кукиш из пальцев, — За миллион, братец мой. Но все-таки, гм, кое-что осталось у нас, — и конфузится, очень довольный богатством России, — Вот так-то вот, Котик. Вот так-то и мы, развиваемся Мы!...»

А. Белый, «Котик Летаев».²

«Другие же кавказские народы долго не покорялись России, но должны были войти в ее состав, потому что лежали на ее историческом пути...

Сколько я понимаю русскую историю, русский народ никогда не был склонен к завоевательству, и если воевал и покорил немало народов, то лишь потому, что к этому его принуждали прямо слагавшиеся обстоятельства. Нельзя же было не воевать с черкесами, туркменами, киргизами, хивинцами и т.п. народами, когда они не давали покоя прилегающим русским землям и не могли сложиться в государственном отношении сколько-нибудь удовлетворительно для соседской жизни. Эволюция этого рода, очевидно, закончилась в наши исторические времена. Нам за глаза довольно дела и там, где мы осели. Попробовали было мы на манер нам не свойственный поживиться за счет Китая, да получили урок, показавший, что это нам вовсе не подходит,

что расплываться нам совершенно не следует, а лучше, даже действительно необходимее, заняться тем, что давно стало нашим, да разобраться в нем, т. е. у себя, на что без внешнего толчка нехватало ни побуждений, ни знаний, ни охоты.»

Д. И. Менделеев³

«Вы знаете, что хозяйственные вопросы Дальнего Востока выдвинулись у нас далеко вперед. В связи с этим большое значение приобрели задачи организации переселения на Дальний Восток.»

В. Молотов.⁴

«К счастью, дом такой у нас есть, еще сохранен нам историей, неизгаженный просторный дом — русский Северо-Восток. И отказавшись наводить порядки за океанами и перестав пригреть державной рукой соседей, желающих жить вольно и сами по себе, — обратим свое национальное и государственное усердие на неосвоенные пространства Северо-Востока, чья пустыннось уже нестерпима становится для соседей по нынешней плотности земной жизни.

СЕВЕРО-ВОСТОК — это Север Европейской России — Пинега, Мезень, Печора, это и — Лена и вся средняя полоса Сибири, выше магистрали, по сегодня пустующая, местами нетронутая и незнаемая, как почти не осталось на цивилизованной Земле. Но и тундра и вечная мерзлота Нижней Оби, Ямала, Таймыра, Хатанги, Индигирки, Колымы, Чукотки и Камчатки не могут быть покинуты безнадежно при технике XX века и перенаселении его.

Северо-Восток — тот ветер, к нам, описанный Волошиным: В этом ветре — вся судьба России...*

* Уже не раз отмечалось, что Максимилиан Волошин совершенно случайно затесался в дружные ряды устроителей Сибири. Нет, он ничего не предлагал по части предназначенности трудов воронежского тракториста для освоения Таймырской целины, чтоб не влезли туда со своим усердием шанхайский крестьянин и техасский миллионер. Для понимания этого достаточно продолжить немного приведенную цитату:

«В этом ветре — вся судьба России —
Страшная, безумная судьба.

В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.»

Северо-Восток — тот вектор, от нас, который давно указан России для ее естественного движения и развития.»

А. Солженицын.⁵

«ЦК КПСС высоко оценивает труд строителей БАМа и выражает твердую уверенность, что они и впредь будут самоотверженно трудиться... и тем самым ускорят освоение богатейших природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.»

Л. И. Брежнев.⁶

И еще любопытный парадокс: если современное советское руководство во взглядах на русскую историю наследует наиболее консервативную монархическую точку зрения об особом пути России и множестве благодеяний, оказанных ею всем соседним народам, то современные русофилы разделяют точку зрения дореволюционных марксистов на традиционный, типично европейский характер русского империализма. Очень характерна в этом отношении перепечатка журналом «Континент» (N 13) статьи главного редактора «Нового журнала» Михаила Карповича «Русский империализм и колониальная агрессия». Основная мысль статьи: русский дореволюционный империализм традиционен и типичен для мира. «Ермак был современником Писсаро и Кортеса. Завоевание Сибири — тоже одна из глав всеобщей истории.» «Фридрих не меньше Екатерины ответственен за раздел Польши». «Команду нападения на Китай в 1890 г. подала Япония, а Англия, Франция, Россия и Германия — все приняли участие.» Основное отличие от современной советской политики автор видит в том, что «у царей не было никаких таких глобальных целей и планов».

(Разве что вопрос «о проливах», да «третий Рим», да объединение всех славян, да еще Палестина и постоянное движение на восток и на юг — вот и все общие задачи Российской империи.)

Еще отмечает Карпович «отсутствие имперского сознания у российской интеллигенции». Только вот «Пушкин был одновременно певцом империи и свободы». Да добавим

чуток от себя: Лермонтов, декабристы не гнушались носить царский мундир и участвовать в покорении Кавказа. Да разве что вдруг все передовые и прогрессивные единодушно отвернулись от Герцена, когда он осудил подавление Польского восстания, да вот Достоевский предлагал выселить татар из Крыма, ну и Менделеев писал... Впрочем, хватит перечислений. Не было, и не было.

Но просторный исторический и хозяйственно-экономический дом чуть не был урезан на крутом вираже в начале XX века.

Границы СССР

*Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь...*

Сталинский Гимн

Историческая деятельность по «братской помощи», «защите» и «освоению» после «октября» была продолжена не сразу. В начале был мир. «Мир без аннексий (то есть без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций» (Декрет о мире).

Свободу и независимость получили народы всех окраинных территорий: Украины, Польши, Белоруссии, Финляндии, Прибалтики, Грузии, Армении, Алтая, Дальневосточной Республики, Бухары и Хивы. Даже Колчак и Деникин в этом неудержимом стремлении к миру обрели право на существование.* «Несмотря на то, что соглашение предусматривало сохранение контроля «белогвардейских правительств» на занятых ими территориях, Советское правительство готово было вести мирные переговоры на основе выработанного проекта, с тем, чтобы избавить народы от бедствий войны».⁷

Но характер этих деклараций несколько изменился, когда стала очевидной «победа Красной Армии над

* Одновременно были аннулированы все царские долги — «вполне правомерная акция суверенного государства»⁹, послужившая примером для возникающих государств Азии и Африки. Правда, от выплат за КВЖД со стороны Китая не отказались: ведь построена она «на средства, взятые царским правительством с налогоплательщиков, то есть русского народа»¹⁰

интервентами и ее продвижение к прежним границам России в Закавказье и Средней Азии»⁸.

Вооруженная «братская помощь» была предложена всем народам, входившим в прошлом в Российскую империю. Новые послереволюционные границы определились лишь силой сопротивления, оказанного малыми народами. Не сумели грузинские меньшевики остановить продвижение армии Орджоникидзе — воссоединились народы Закавказья с Россией, сумели бы — остались бы независимыми государствами, каковыми уже и были признаны и Советским правительством, и за рубежом. Сумели отогнать Красную Армию-освободительницу народы Финляндии, Польши, Прибалтики — Советский Союз признал их независимость, заключил мирные договоры, щедро выделил обширные территории бывшей империи. Финляндии добровольно уступили «область Петсамо — исконную русскую землю Печенгу» (об этом еще не раз вспомнят); Польше по мирному предложению от 28/1-1920 г. (т. е. еще до войны) отдавали почти всю Белоруссию с Минском, Бобруйском, Мозырем, немалую часть Украины (Каменец-Подольск, Проскуров, Шепетовку, Новоград-Волинский); Литве — остатки Белоруссии.

Но все же прежние имперские границы на забывались. И когда Германия решила воссоединить все немецкое население, а заодно вернуть в сферу своего освоения некоторые «исконно немецкие» земли, Красная Армия устремилась навстречу, оказывая «братскую помощь» и выходя на «исторические рубежи».

«После нападения германских захватчиков на Польшу и развала польского буржуазно-помещичьего государства Советское правительство 17/IX-1939 г. отдало приказ Красной Армии перейти государственную границу и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии, отторгнутых панской Польшей в 1920 году. 17/IX-1939 г. Красная Армия взяла под защиту также Вильнюс и Вильнюсский край, которые были возвращены Советским правительством Литве. 5-я сессия Верховного Совета СССР (1-3 ноября 1939 г.) удовлетворила просьбу народов Западной Украины и Западной Белоруссии о принятии их в Союз ССР».¹¹

Конечно, оккупация Польши ее соседями проводилась не как агрессия, а исключительно в порядке борьбы за мир.

«Своим выступлением в пользу прекращения войны, своим договором о дружбе и границах с Германией Советский Союз внес новый вклад в дело мира. Он мешает провокаторам войны втянуть в нее придунайские государства и балканские страны. Он срывает козни тех, кто стремится превратить европейскую войну в войну мировую. Эту великую заслугу Советского Союза никогда не забудут трудящиеся всех стран...»

Из воззвания Исполкома Коминтерна,
сентябрь 1939 г.¹²

«28 сентября 1939 г. в Москве был подписан договор между СССР и Германией, установивший западную границу Советского Союза примерно на так называемой «линии Керзона», предлагавшейся еще в 1919 году Англией, Францией, США и некоторыми другими странами в качестве основанной на этнографической базе границы между Советской Россией и Польшей».¹³

Удивительна прозорливость империалиста Керзона. Как его клеймили — Ленин лично отверг его предложения! А через 20 лет оказалось, что и не так уж глупо предложено: такие политики, как Сталин и Гитлер, с Керзоном согласились, а за ними и Болеслав Берут и Гомулка, и даже, Черчилль и Рузвельт подписались.

Но в 1939 году советские войска проскочили по инерции и старую границу царства Польского, и линию Керзона, и продолжали воссоединять территорию, пока не встретились с фашистскими армиями. Вооруженного столкновения, как это ни удивительно, не произошло: видно, воссоединители предполагали повстречаться и занять — каждый свои — исторические рубежи (только с Сувалками не сразу разобрались).

Польша, согласно заключенному договору, исчезла; в советских географических атласах тех лет территория, не вошедшая в СССР, тактично именовалась «область государственных интересов Германии».

Но и у Советского Союза были еще кое-какие государственные интересы. Еще не все народы земель Российской империи вернулись в «братскую семью».

«Учитывая важное стратегическое значение прибалтийского района в системе безопасности СССР, Советское правительство осенью 1939 года предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить пакты о взаимопомощи... В результате последовавших переговоров Советский Союз получил право содержать на территории Эстонии, Латвии и Литвы некоторое количество войск... Однако правительства Латвии, Эстонии и Литвы вскоре стали грубо нарушать свои обязательства по договорам с Советским Союзом.

...В такой обстановке Советское правительство поставило перед правительствами Литвы, Латвии, Эстонии вопрос об удалении из их состава лиц, превратившихся в империалистических агентов, и о формировании правительств, которые были бы способны и готовы обеспечить честное проведение в жизнь договоров о взаимопомощи. Одновременно СССР потребовал согласия на увеличение численности своих гарнизонов, находившихся в прибалтийских странах. В условиях резкого усиления опасности со стороны Германии*, после капитуляции Франции, наличных гарнизонов было уже недостаточно.

Взросшее давление народных масс вынудило правительства прибалтийских государств согласиться на осуществление этих мер...

Вновь избранные сеймы, выражая долголетние чаяния народов Прибалтийских стран, провозгласили восстановление Советской власти. Сеймы обратились к Верховному Совету СССР с просьбой принять страны Прибалтики в семью народов Советского Союза.»**¹⁴

В отличие от прибалтийских стран у финского правительства нехватило дальновидности, оно отказалось заключить аналогичный договор о взаимопомощи.

«После этого СССР (14 октября) предложил Финляндии сдать в аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет порт

* Особенно в свете советско-германского договора о ненападении.

** Прекрасный пример внешней политики СССР, «в основе которой лежат принципы мира, равноправия, самоопределения народов, уважения суверенитета и независимости всех стран, а также честные и гуманные методы советской дипломатии» (Программа КПСС). И как все удачно совпало: и территории России вернули, и безопасность границ обеспечили; и правительства нехорошие добровольно ушли (как только вошли советские танкетки), и, главное, мечта народов сбылась.

Ханко и передать ему острова Гогланд, Сескар, Лавансари, Тиуринсари, Бьерке и часть Карельского перешейка, необходимые для обеспечения безопасности Ленинграда, а также часть полуострова Рыбачий и Средний — всего площадью 2761 кв. км в обмен на советскую территорию размером 5523 кв. км в районе Реболы и Порос-озера. Таким образом Советский Союз предлагал Финляндии вдвое большую территорию.

Будущий премьер, а затем президент Финляндии, ее выдающийся государственный деятель Ю. К. Паасикиви назвал советские предложения сдержанными и умеренными». ¹⁵

Но финское правительство из упрямства, и забывая о равноправии больших и малых наций, отклонило эти умеренные предложения и

«встало на путь активной подготовки страны к войне против Советского Союза.

Происходило сосредоточение финляндских войск на Карельском перешейке на подступах к Ленинграду. Финское правительство стало организовывать опасные вооруженные провокации на советско-финляндской границе.» ¹⁶

Вообще следует отметить удивительную склонность малых народов к вооруженным провокациям против своих могучих соседей. То Польша вдруг затеет провокации против СССР и Германии, то Финляндия против СССР — и о чем они только думают?

«28 ноября 1939 г. Советское правительство заявило правительству Финляндии о денонсации договора о ненападении. 29 ноября Советский Союз прекратил дипломатические отношения с Финляндией. Вооруженные провокации, однако, продолжались. Они привели к тому, что 30 ноября 1939 г. между Финляндией и СССР начались военные действия». ¹⁷

Начали их конечно неразумные финны. Мы-то не могли.

«Борьба за мир, а следовательно борьба против империалистической агрессии, за мирное сосуществование государств с различным общественным строем *всегда* составляла важнейшую задачу внешней политики Советского Союза».

«Советский Союз, разгромивший финскую армию, получил полную возможность занять своими войсками всю Финляндию». ¹⁸

Тут бы и осуществиться вековой мечте финского народа вступить в братскую семью — ведь, как точно писал Менделеев, «край этот, что давно показала история, самостоятельно существовать не в силах уже по малости числа жителей», — но почему-то еще не пришло время*.

«Советское правительство ограничилось минимальными требованиями, необходимыми для обеспечения безопасности северо-западных границ СССР и особенно Ленинграда.

По Московскому договору к СССР отошли Карельский перешеек с Выборгом и Выборгский залив с расположенными в нем островами, западное и северное побережье Ладожского озера, несколько островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с г. Куолоярви на севере Карелии, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего на Северном Ледовитом океане. СССР получил полуостров Ханко и примыкающие к нему острова для создания там военно-морской базы, которая должна была прикрывать вход в Финский залив. Советский Союз обязался вывести свои войска из занятой им в ходе военных действий области Петсамо (Печенги), коренной русской земли, добровольно уступленной Советской Россией Финляндии в 1920 г.»¹⁹

Новая граница («минимальные требования безопасности») конечно подальше заходила, чем довоенные предложения СССР. Не совпадала она и с линией фронта (финны не упрямылись и немного уступили), но все-таки приобретение было действительно достаточно скромным.

Отчасти играло роль и то обстоятельство, что у «гуманной советской дипломатии» были еще некоторые дела на другом конце западной границы страны.**

«В конце июня 1940 года Советскому правительству удалось мирно разрешить вопрос о возвращении Советскому Союзу Бессарабии, насильственно отторгнутой в 1918 году буржуазно-помещичьей румынской монархией...

...Правящие круги Румынии отказывались, несмотря на неоднократные предложения Советского Союза, разрешить вопрос о Бессарабии мирным путем.

* А ведь можно и пропустить момент. Народы финской языковой группы настолько быстро русифицируются в нашей стране, что через несколько десятков лет может оказаться, что Финляндии не с кем воссоединиться.

** Любителям исторических аналогий напоминаем, что присоединение Бессарабии и Финляндии в XIX веке также происходило одновременно.

26 июня 1940 г. Советское правительство вручило румынскому посланнику в Москве заявление по этому вопросу:

«Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло передо всем миром.* Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами,** Советский Союз считает необходимым и современным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу».

В заявлении также отмечалось, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче СССР той части Буковины, «население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава.»²⁰

«На этот раз румынское королевское правительство приняло требование Советского Союза: германские фашисты тогда еще не были готовы к выступлению против СССР и посоветовали не доводить дело до войны.*** В соответствии с достигнутой договоренностью 28 июня 1940 г. Красная Армия приступила к осуществлению мирной освободительной миссии в Бессарабии и Северной Буковине. Уже 30 июня советские войска вышли в Бессарабии на древнюю законную границу нашей страны с Румынией — реку Прут...»****

* Возможно, здесь имеются в виду слова Ленина: «Собираемся ли мы нападать на Польшу и Румынию? Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях»²¹.

** Трудно, видимо, было выбрать более «своевременный» момент и способ для заложения «основы прочного мира между странами».

*** Совершенно непонятно, о какой войне может идти речь.

**** Сразу следом за СССР и другие соседи Румынии сочли своевременным разрешить давно назревшие территориальные проблемы: Венгрия отторгла Трансильванию (область с населением 2,6 млн., которая отошла к Румынии в 1918 г.), Болгария — Добруджу. Еще через месяц в Румынию вступили немецкие войска. «Военная оккупация (слово „оккупация“ не совсем верно: немногочисленные советские войска вошли с согласия румынского правительства) Румынии началась. Как обычно (видимо, со

Подчеркивая важность этого события Л. И. Брежнев говорил:

«Актом исторической справедливости явилось восстановление в 1940 г. Советской власти в Бессарабии и соединение ее с Молдавской АССР.»²³

«Социализм предложил человечеству единственно разумный принцип отношений... — принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, выдвинутый В. И. Лениным.

Мирное сосуществование предполагает: отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран...

Советский Союз последовательно отстаивал и будет отстаивать политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем.» (Программа КПСС)²⁴

Видимо, румынские помещики, незнакомые с принципами мирного сосуществования, опасались, как бы их собственная армия не начала военные провокации.

После 1945 года продолжалась государственная работа: восстановление законных границ, воссоединение, укрепление безопасности.

«Финляндия возвратила Советскому Союзу область Печенга (Петсамо), добровольно уступленную советским государством по мирным договорам 1920–40 гг.* ...29/VI-44 по договору с Чехословакией вошла Закарпатская Украина (Закарпатская область)...

В результате победы СССР укрепил безопасность своих границ на западе и востоке. В состав Советского Союза был

времени раздела Польши успели возникнуть и некоторые обычаи) советское правительство было информировано о вступлении немецких войск лишь в последнюю минуту: Риббентроп 9 октября просил Шуленбурга сообщить о начавшейся оккупации Румынии на следующий день после перехода немецкими войсками границы.»²²

* Вероятно, финнам стало, наконец, неловко, что СССР им всегда добровольно уступает, и Паасикиви предложил: «Давайте мы вам не свои, не финские, не исконные земли на этот раз добровольно уступим.»

включен Кенигсбергский округ с городом-портом Кенигсберг (переименован в 1946 г. в Калининград).»^{*25}

Знаменательно, что на этот раз Советский Союз отобрал у каждого из своих западных соседей: Германии, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии — по кусочку территории, никогда не входившей в состав Российской империи. Как говорится, «аппетит приходит во время еды».

Обезопасив таким образом свои западные границы, советское правительство решило припомнить исторические рубежи на Востоке.

Вступлению в войну с Японией мешал непредусмотрительно заключенный в 1941 году пакт о нейтралитете.**

«Статья I. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья II. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.»²⁶

В награду за расторжение этого пакта и нападение на Японию Советский Союз потребовал:

«Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г.,*** а именно:

* Видимо, чтобы подчеркнуть правоту Керзона, Советский Союз отобрал у Польши земли только по его линию, а Белосток и прилегающий район, занятый в порыве 1939 г., вернул.

** «Верность своему слову — неизменное свойство советской политики. СССР свято соблюдает договоры, неукоснительно исполняет все принятые им международные обязательства.»²⁷

*** Интересна все же эволюция представлений Советского правительства о царских договорах. Отвергнув их всех единым росчерком в 1918 г., оно оговорило в Пекинской конвенции с Японией в 1925 г., что Советское правительство признает Портсмутский мир (в частности, переход Южного Сахалина к Японии), но не разделяет «с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение этого договора.» Ведь «в соответствии с Соглашением правительства СССР и Китая все договора, соглашения и другие акты, заключенные царским правительством и какой-либо третьей стороной и затрагивающие суверенные права и интересы Китая, объявлялись недействительными и

а) возвращения Южного Сахалина, б) интернационализации Дайрена и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР, в) совместная с Китаем эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, г) передача Советскому Союзу Курильских островов.»²⁹

Послевоенные присоединения проводились на новых гуманных и крайне удобных для демографии основах.

«К этому времени территория СССР изменилась главным образом за счет земель, вошедших в границы Союза *практически без или почти без населения* (Калининградская область, некоторые территории, включенные в Мурманскую область и Карелию, Южный Сахалин, Курильские острова).

Население этих земель, жившее на них к моменту вхождения их в состав СССР, было, как правило, репатрировано в соответствующие государства, и последующее их заселение производилось за счет внутренних районов СССР, то есть в порядке лишь территориального перераспределения той же общей численности населения.»³⁰

Это были совершенно новые принципы подлинно социалистической братской помощи. Несколько миллионов немцев и 300 тысяч японцев и айнов получили возможность воссоединиться со своими народами, а территории их прежнего обитания воссоединились с землями великой державы. Безусловно, и территориям и народам так было намного лучше. И аннексией такое присоединение не назовешь, ведь аннексия — это присоединение народов, а не территорий.*

Любителям поверхностных аналогий, которые не сумели забыть «мир без аннексий и контрибуций», советская наука убедительно объяснила:

утратившими силу.»²⁸ И вдруг опять исторические воспоминания. И не просто КВЖД, но еще и ЮМЖД, не упоминавшаяся даже 30 лет назад. Опять «деньги русских налогоплательщиков.»

* «Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому и сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение было произведено.» (Декрет о мире.)

«Надо со всей решительностью подчеркнуть, что включение территории в СССР и в этом случае ничего общего не имеет и не может иметь с захватом чужой территории.

Присоединение в этом случае известной части территории к СССР является именно вынужденной акцией и преследует исключительно цели обеспечения безопасности социалистических рубежей, а тем самым и международного мира.»

Кроме борьбы за мир, нашлись и другие убедительные аргументы:

«Отторжение некоторой территории от Германии и Японии в результате 2-ой Мировой войны коренным образом отличается от имевших место ранее захватов территории на основании „права победителя“.

Здесь нашел применение и подтверждение новый прогрессивный принцип, направленный на поддержание международного мира — принцип ответственности за агрессию.»³¹

Новые гуманные принципы нашли применение и внутри страны: покинули свои земли и перебрались подальше многие тюркские народы Северного Кавказа, калмыки, крымские татары, корейцы и китайцы, финны и поляки, немцы Украины и Поволжья.

После 1946 года границы застыли (пришлось лишь вернуть Китаю исконно русский Порт-Артур). Никто больше добровольно не присоединялся, не возвращал награбленного, не возникало подходящего исторического момента для получения законного и предназначенного — например, Аляски, Карса и Эрзерума, Проливов. И постепенно стало складываться впечатление, что современные границы и есть естественные исторические границы страны, какими они всегда были и должны быть.

«Территория СССР в современных границах, помимо территории бывшей Российской империи, за исключениями, указанными выше (Польша, Финляндия, Карс) включает территорию бывшей Бухары и Хивы, а также территорию Галиции и Северной Буковины, вошедших в состав СССР в 1939 г., территорию Тувы, принятой в состав СССР в 1944 году, территорию Закарпатской Украины, г. Кенигсберга (ныне г. Калининград) и прилегающего к нему района, Южного Сахалина и Курильских островов, Клайпедской области, вошедших в состав СССР в 1945 г.»³²

Границы застыли и в последние сорок лет происходит уже не расширение страны, а увеличение зоны влияния. Включаемые в лагерь социализма государства сохраняют внутреннюю автономию. Они объединяют с СССР лишь несколько ключевых функций: армия, внешняя политика, КГБ, координация экономического развития. Любопытно, что именно так первоначально объединялись и Советские республики (РСФСР, Украина, Закавказье, Белоруссия). С той только принципиальной разницей, что партии восточноевропейских стран автономны. Сложившееся положение напоминает взаимоотношения России с Польшей в 1815-30 годах, с Финляндией, Бухарой и Хивой. Эти примеры показывают, что существующее равновесие держится на некоторой традиции и легко может быть нарушено как в ту, так и в другую сторону.

Примечания

1. В. И. Ленин. соч., изд. 5, т. 22, с. 142.
2. А. Белый, «Котик Летаев».
3. Д. И. Менделеев, К познанию России. Пбг. 1906, с. 45.
4. В. М. Молотов, Речь на 19 съезде ВКП(б). Стеногр. XVIII съезда. М.
5. А. И. Солженицын, Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни, Сб. «Из-под глыб». М., 1974.
6. Л. И. Брежнев. Соч. т. 5, с. 432.
7. «История внешней политики СССР. 1917-1945 гг.», М., 1970, с. 105.
8. Там же, с. 157.
9. Там же, с. 41.
10. Там же, с. 211.
11. БСЭ. 2-е изд., Москва.
12. «Хрестоматия по новейшей истории», М., 1960, с. 144.
13. «История внешней политики СССР. 1917-1945 гг.», М., 1970, с. 399.
14. Там же, с. 406.
15. Там же, сс. 407-410.
16. Там же.
17. Там же.
18. «Программа КПСС...», М., 1974.
19. «История внешней политики...», с. 411.
20. «Известия», 27/6-1940.
21. «История...», цит. соч., с. 116.
22. Д. М. Прозектор, Агрессия и катастрофа. М., 1972, с. 205.
23. Там же, с. 412.
24. «Программа КПСС», М., 1974, с. 60.
25. БСЭ, 2 изд.

26. «Известия», 14. 4. 1941 г.
27. «История...», цит. соч., с. 30.
28. Ф. М. Кожевников, Роль СССР в разрешении территориальных вопросов, сб. «Советское государство и международное право», М., 1967.
29. «История...», цит. соч., с. 484.
30. В. В. Покшишевский, География населения, М., 1971, с. 27.
31. Г. И. Тункин, Вопросы теории международного права, Уч. зап. АОН при ЦК КПСС, вып. 3., М., 1949.
32. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, М., 1963.

Новая книга:

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Гунарс Астра

«ДАВНО УЖ ВОДА В КОЛОДЦАХ ПРАВДЫ ГОРЧИТ...»

(Последнее слово на суде)

«А кто такой Ояр Вацietис?»** Этот вопрос задал мне мой сокамерник вечером в первый день суда, когда я, вернувшись в 24-ю камеру, где содержат меня, прочитал в «Цине» извещение о смерти Вацietиса и поделился об этом с моим сотоварищем.

Ему 24 года. Он родился и вырос в Риге. Латыш?! Максимально усовершенствованный латыш. С этой страной его связывают только пограничники. Пограничники поймали его на Курземском побережье — на пути в Швецию. Это был 34-й такой случай за девять месяцев этого года у берегов Латвии.

Я родился в то время, когда детство было трудным, но насыщенным роковыми событиями. В это время я рос и учился анализировать, сопоставлять, сравнивать и делать соответствующие выводы.

Я родился достаточно рано, чтобы не успеть обратить внимание на происходившее, но и достаточно поздно, чтобы прошли стороной, меня не задев, те впечатления и события, которые на мышлении и чувствах многих людей навсегда оставили отпечаток животного страха.

Я рано начал работать. Уже в возрасте 25-и лет я стал

*Г. Астра латышский правозащитник, арестованный КГБ и приговоренный 19 декабря 1983 г. за распространение Самиздата к 7 годам лагеря особого режима и 3 годам последующей ссылки. Впервые был арестован в 1961 г. и провел в неволе 15 лет.

** Ояр Вацietис (1933-1983) — латышский поэт. Извещение о его смерти было опубликовано 1 декабря 1983 г. в газете «Циня».

заместителем начальника крупнейшего цеха «ВЭФ»а, где работает около 2000 человек. Мое социальное происхождение подтверждает высказывание государственного обвинителя об отсутствии социальной базы в моих «преступлениях». Моя «социальная база» была «правильной».

Поэтому меня старались выдвигать, доверяли мне, и мне довелось познакомиться изнутри с аппаратом административно-идеологического управления. Меня старались вовлечь в коммунистическую партию, откровенно объяснив, что для дальнейшего продвижения надо мне сначала оформиться политически.

Мне доводилось бывать на совещаниях в кабинетах, где о людях и событиях говорили откровенно, называя вещи своими именами, заранее распределяя должности и выдвигая людей, которых потом как бы выбирали сами трудящиеся. «Вот этих пропустим через собрание,.. мастером пусть будет Бунте, это ничего, что он латышонок».

Мой цех и меня, как самых лучших, в 40-ю годовщину Петербургского вооруженного переворота торжественно наградили в театре оперы, но 50-ю годовщину я встречал не в столь торжественных условиях — в чекистских подвалах столицы Мордовской АССР, в Саранске.

Как указал мой защитник, я — человек латышский, я осмелюсь даже сказать — латыш. И не только рижанин, как в последнее время нас всех усиленно стараются перекрестить центральное советское радио, пресса и телевидение («рижанин Балдерис» и т. п.).

Это не случайно и не все равно, что наш родной, красивый и богатый язык изгоняется из собраний, кабинетов, учреждений, с лозунгов, тем самым его все более обедняют и калечат.

Мне больно и унизительно видеть, что за светящимися буквами высоко на фасаде «завод „Страуме”» или над крышами „ВЭФ”а и „РЭЗ”а скрывается одно единственное — русскость: указания, приказы, таблички с надписями, лозунги, язык, техническая документация — все это русское.

Мне больно и унизительно констатировать, что мой родной язык вынужден отступить в заповедники — в этнографический музей и на сцены некоторых театров, в сферу деятельности средств массовой информации, и даже

здесь его постепенно, но настойчиво вытесняет великий русский язык.

Мне больно и унижительно констатировать, что подавляющее большинство русских, родившихся и воспитывавшихся в Латвии, не учит и не хочет знать латышский язык, что для выпускника русской средней школы латышский язык служит предметом насмешек и презрения и никакой экзаменатор не требует знания этого языка от русского учащегося, в то время как для школьника-латыша знание русского языка обязательно.

Мне больно и унижительно от того, что эти самые латышские школьники свое неумение выразиться на родном языке компенсируют с помощью русских грязных ругательств.

Мне грустно от того, что латышским малышам вечернюю сказку приходится смотреть и слушать из Москвы, потому что Харийс Мисиньш доступен им только по радио; что в детских садах с латышскими детьми не разучивают песен из золотого фонда латышского фольклора; что рижские бульвары Наменя и Аспазии, улицы Валдемара и Вайдавас высокомерно переименованы в — Маяковского, Падомью, Горького, Еременко, Свердлова, Сергея Люлина и во множество иных; что разные названия главной рижской улицы точно и покорно отражают исторические повороты — Александра, Бривибас (Свободы), Адольфа Гитлера, Ленина. Помнятся еще и другие названия — Альфред Розенберг-Ринг, Герман Геринг-Ринг, фон дер Гольц—Ринг и т. д.

Я исполняюсь печали и гнева, когда мне приходится констатировать, что слову «Латвия» отводится роль рекламы, декорации и косметического средства — швейная фирма «Латвия», сигареты «Латвия», мыло «Латвия». (Следует, однако, уточнить, что во всех этих случаях употребляется прописная буква «Л», это значит, что речь здесь идет не о XV или XVI, а о XX столетии.)

Я чувствую себя глубоко оскорбленным и униженным тогда, когда мне в общественных местах — в магазине, в учреждении, на транспорте, на улице, — повсюду на территории Латвии приходится встречаться с высокомерным шовинистическим отношением к моему языку: в

лучшем случае услышишь «чево, чево? по-русски!», в худшем тот, к кому обращаешься, посмотрит на тебя, словно ты оконное стекло, и после этого можешь лицезреть его затылок.

Все упомянутое, а еще более не упомянутое в этой связи заставляет меня задать вопрос, какое основание имеет формула «с целью подрыва и ослабления *Советской* власти»? Каждому, кто не хочет выдать себя за слепого, ясно, что понятие *советское* обозначает явления по существу социальные. Все то, о чем я говорю и буду еще говорить, вытекает из явлений национальных по своей сути. Следует ли понимать терминологию, используемую следствием, государственным обвинителем и судом, как попытку доказать, что недвусмысленное, подавляющее и прогрессирующее доминирование русской нации является воплощением марксизма-ленинизма? Если это так, то меня в этом убедить невозможно. Допускаю, что государственные органы руководствуются формулой «советское — это русское» и слово *советское* используется как своего рода псевдоним понятия *русское*.

Большую часть своей жизни я провел среди русских граждан и русского языка — как в заключении, так и на работе. Долголетний опыт подтверждает, что достаточно долгое доминирование русской нации приводит к последствиям, которые я проиллюстрирую некоторыми примерами:

В Мордовии мордвин стесняется пользоваться своим родным языком, старается выдать себя за русского.

Радио мордовской столицы Саранск передает каждое утро в течение тридцати минут известия на языках эрзя и мокша, все остальное время передает Москву.

В Мордовии лишь только в отдаленных деревнях имеются школы с мордовским языком обучения, и то только до четвертого класса.

В содержании статей газеты «Мокшень правда», издающейся в Саранске, знающий русский язык может свободно ориентироваться: большинство слов напечатано на жаргоне, культивирующимся государством, где к русским словам прицеплены мокшанские окончания (как эрзя, так и

мокша являются финно-угорскими языками и поэтому совершенно чужды славянскому русскому языку).

Процесс ассимиляции соседнего с нами белорусского народа достиг той стадии, когда белорусы не хотят признавать себя белорусами и слово белорус приобрело пренебрежительное и уничижительное значение.

В бывшей столице Украины Харькове из двух существовавших украинских школ одну недавно закрыли, а одна едва влачит свое существование — учителя вербуют учеников, родители, желая лучшего своим детям, не хотят, чтобы они учились в украинских школах.

Я упомянул здесь всего лишь несколько мне точно известных и поддающихся проверке фактов из огромной массы фактов, которые образуют *исторически новую общность людей — советский народ*.

Нас всех систематически и неуклонно приучают к тому, что совершенно естественно писать, говорить, петь и думать по-русски. Цитирую несколько фигурирующих в наших средствах массовой информации понятий: русский лес, русский лен, русская красавица, русская зима, русская тройка, русская техника, русская лошадь, русская Атлантида, русские узоры, русский солдат свою верную службу несет, русская одиссея, русская удаль, русский задор, русское поле, русский простор и т. д. Может ли кто-либо себе представить, что в подобных комбинациях фигурировало бы слово «латышское»? Нет!

Это означает, что проделан очередной большой шаг в известном направлении.

Райнис: культура всегда национальна.

В «Известиях от 5. 12. 83 г. на 3-й странице русский поэт Анатолий Преловский в стихотворении «Человек своего народа» заявляет:

...ему не век,
а вечность подавай.
Он выбрал не тропинку,
а стезю.
Объял не часть
Вселенной он,
а — всю.

Сильно? Как видим, мировые аппетиты «тысячелетнего» посрамлены.

Зная интерес государственного обвинителя к поговоркам, позволю себе отметить, что «кто забирается высоко, тот низко падает». И еще, вывод неоспоримого знатока темы Наполеона Бонапарта: «все империи распадаются из-за нарушения пищеварения».

Для чего я все это рассказываю? Для того, чтобы объяснить, почему я сижу сегодня не в каком-нибудь мне совершенно доступном кресле технократа, а на скамье подсудимых. Меня сюда привели любовь и уважение к моему народу и насильственные мероприятия, направленные на унижение и оскуднение души моего народа.

«Давно уж вода в колодцах правды горчит, с ложью смешана, не утоляет жажду».

На стр. 21 обвинительного заключения написано: «В 1981 г. Астра по месту своего проживания перефотографировал с целью распространения текст изданной за границей книги антисоветского содержания Агниса Балодиса «Балтийские республики накануне Великой Отечественной войны» и изготовил фотонегативы текста этой книги».

Остановлюсь на некоторых документах, которые буду цитировать частично по памяти, частично по московской газете «Известия».

1. В первом декрете Советской власти — «Декрете о мире» — констатировалось, что всякие выборы в присутствии армии другой страны являются незаконными и результаты таких выборов не должны приниматься во внимание.¹

2. Латвийская Конституция, которую утвердил, но не отменил или изменил народ Латвии, предусматривает, что все вопросы государственной жизни решает Сейм, за исключением одного — вопроса об отказе от государствен-

1. Ср.: «...Если (нации) не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей... нации, решить... вопрос о формах государственного существования,.. то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилем» («Декреты Сов. власти», М. 1957, т. 1:12-15).

ного суверенитета. Этот вопрос может быть решен только путем народного референдума².

3. В заключенном 11 августа 1920 г. Мирном договоре между Россией и Латвией сказано: «...Ввиду выраженной воли латышского народа к самостоятельному существованию Россия торжественно заявляет, что она на вечные времена отказывается от всякого суверенного права на землю и народ Латвии. Из прежней принадлежности Латвии к Российской империи не возникает никаких последствий».

4. 23 августа 1939 г. заключен Договор о ненападении, а 28 августа — Договор о дружбе между СССР и Германией. Тайные протоколы этих договоров процитированы в документе, адресованном правительствам СССР, ФРГ, ГДР и другим, текст которого находится в уголовном деле N 26. Фотокопии оригинала этих секретных протоколов должны находиться в распоряжении Верховного суда.

Далее хочу указать на следующие события:

17 июня 1940 г. части Красной армии пересекли согласованную и зафиксированную упомянутым Мирным договором границу между СССР и Латвией и вошли (на ее территорию).

21 июня 1940 г. на заседании Сейма было провозглашено создание Советской Латвии.

5 августа 1940 г. Верховный Совет СССР по предложению депутата Ахунбабаева удовлетворяет просьбу делегации Советской Латвии о принятии в состав СССР.

В этой связи возникает вопрос, что являлось юридическим основанием для вступления Красной Армии в Латвию 17 июня? Ответ может быть только один — ничто, если таким основанием не считать секретные и преступные

2. Согл. ст. 77 Конституции Латвийской республики (1922), референдумом должны быть одобрены изменения ст. ст.:

1 — «Латвия является независимой демократической республикой»,

2 — «Суверенная власть Латвийского гос-ва принадлежит народу Латвии»,

3 — «Территория Латвийского гос-ва состоит из Видземе, Латгале, Курземе и Земгале в границах, оговоренных международными договорами» и

6 — «Выборы в Сейм являются всеобщими, равными, прямыми, тайными и пропорциональными».

протоколы, приложенные к советско-германскому договору.

Имея в виду вышеуказанные документы — Декрет о мире, Латвийскую Конституцию и Мирный договор Латвии и СССР, — необходимо сделать следующие выводы:

- 1) акт 17 июня юридического основания не имел;
- 2) акт 21 июля юридического основания не имел.

Вот почему я в данный момент выбрал сборник, составленный Агнисом Балодисом, где об этих событиях рассказано конкретно и аргументированно и откуда вытекает все остальное, в том числе и этот судебный процесс. Являясь гражданином Латвии и придерживаясь национальных и демократических убеждений, я не в состоянии игнорировать вышеупомянутые обстоятельства.

Если поменять местами 17 июня и 21 июня, т. е. если бы 17 июня, согласно Латвийской Конституции, по свободно выраженной воле народа, в Латвии была создана советская республика, а 21 июля Латвийское советское правительство по какой-либо причине попросило бы вооруженные силы дружественного СССР войти в Советскую Латвию, я бы отнесся с уважением к воле моего народа и меня не за что было бы преследовать.

Позволю себе процитировать «Известия» за прошлую субботу (10 декабря). Там на 4 стр. сказано: «...Агрессией признается „вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она не носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения...» (ст. 3). «Никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии» (ст. 5)» — («Определение агрессии», ООН, 1974 г.).

В этот же день, 10 декабря, мир отмечал 35-ю годовщину Всеобщей декларации прав человека. В этой Декларации между прочим сказано: «Каждый человек имеет право... искать, получать и распространять информацию... независимо от государственных границ».

В соответствии с заявлением Советского государства — от имени которого меня обвиняют — СССР полностью выполнил положения упомянутой Декларации. Если это так,

то за что меня судят? Ничего другого я не совершал, кроме как воспользовался своими правами человека.

В обвинении фигурируют слова «клеветнические измышления», «клевета на политику СССР», «составлено с антисоветских позиций».

Что бы это могло означать? Всякую клевету можно и необходимо опровергнуть, если она того заслуживает. Учитывая реакцию органов власти — она того действительно заслуживает. Но вместо того, чтобы доказать, что какая-то информация является клеветой, т.е. не является информацией, а дезинформацией, и таким образом ее нейтрализовать, органы власти эту информацию скрывают, хранящих и распространяющих ее преследуют и таким образом неизбежно создают вокруг этой информации атмосферу сенсационности и чрезмерного любопытства.

Мне сказано — запрещенная книга. Как я могу определить, какая запрещена, какая нет? Ватикан публикует и регулярно дополняет свой «Index librorum prohibitorum» — список запрещенных книг. Может быть, многие люди смогут избежать положения, подобного тому, в которое я попал, если в киоске купят и прочтут такой список в новейшем издании. Теперь получается так, что каждый должен освоить дополнительную профессию — профессию автоцензора, — а где такую приобрести? Мне остается лишь руководствоваться следующим соображением: если информация содержит нечто такое, о чем советские источники дают иную информацию или вообще молчат, тогда такая информация является вредной и преступной. Это полный абсурд. Что это еще, обойду молчанием. Лишь напомним пословицу: «жил в лесу, молился пням».

Человеку как сознательному существу совершенно необходимо постоянно получать информацию об объективном мире, к тому же чем всесторонней, тем лучше. Уже в древности признано, что не высказав противоположного, не выберешь лучшего! *Audiatur et altera pars!*

Информационный голод делает человека неспособным верно судить, его мышление обречено на атрофию, если мышление вообще успеет сколько-нибудь развиваться. Человек с атрофированным мышлением — это неполноценный, униженный человек, он превращается в объект манипуля-

ций, является игрушкой, рабом. Человек *должен* знать, чтобы быть в чем-то твердо уверенным. Он должен знать, что о нем, его обществе говорит противник, ему надо уметь аргументированно дать отпор противнику, если такие аргументы имеются.

Девять дней тому назад, 6 декабря, отмечался государственный праздник Финляндии. В Хельсинки состоялось торжественное собрание, посвященное празднику независимости. Финское правительство и финский народ получили поздравления со всего мира, в том числе и от Советского Союза. 5-го декабря с.г. в «Известиях» говорилось: «Многолетние и неизменно добрососедские отношения Советского Союза и Финляндии могут служить примером миролюбивой политики мирного сосуществования. Эти обстоятельства особенно важны сегодня, когда в мире...»

В свое время Россия также торжественно заявила, что на вечные времена отказывается от любого суверенного права как на землю и народ Финляндии, так и на землю и народ Латвии, уважая решительно выраженную волю этих народов к независимому существованию.

Почему же тогда в Риге 18-го ноября не состоялось торжественного собрания? Почему 18-е ноября не отмечается? Почему не пишут «Известия»: «многолетние и неизменно добрососедские отношения Советского Союза и Латвии могут служить примером миролюбивой политики мирного сосуществования. Эти обстоятельства особенно важны сегодня, когда в мире...»?

По той причине, что два преступника, Риббентроп (осужден и повешен в Нюрнберге) и Вячеслав Молотов (не осужден и, незаслуженно забытый, кончает свои дни персональным пенсионером в подмосковном заповеднике политических трупов)*, 23 августа 1939 года подписали секретный договор, как разделить «жизненное пространство» в Прибалтике. И не только Прибалтика мешалась у них под ногами.

* В прошлом году 94-летний сталинец В. М. Молотов был восстановлен в партии и имел «теплую беседу» с К. Черненко (ред.).

Резюмирую. Мое преступление — это перефотографирование книг, хранение фотонегативов, передача трех негативов Фрейманису. Перевод одного обращения. Показ одной книги другому человеку и хранение еще нескольких книг. Запись и хранение сочинения совершенно интимного содержания. Запись на пленку радиопередач и хранение этих пленок. За это я буду осужден. За это государственный обвинитель потребовал признать меня особо опасным рецидивистом и заключить меня на особый режим на 7 лет, кроме того — сослать на 5 лет, конечно не в Крым. Государственный обвинитель перестарался — в моем возрасте и с моим здоровьем 7 лет особого режима более, чем достаточно, чтобы убить меня.

Почему такая жестокость? На самом ли деле мои преступления настолько тяжелы? Нет.

Я не дал ни *исчерпывающих*, ни *всеобъемлющих* показаний. Я вообще не давал показаний, и ни один человек с моей помощью не попал в кабинет к следователю. Этого нельзя простить. И мне не прощают. Мне не прощают и того, что я здесь, перед вами, не отказываюсь ни от своих друзей, ни от своих убеждений.

Обвинитель указал, что я уже был судим за «преступление перед своим народом и Родиной». Это кошунство не требует никакого опровержения. Напомню лишь — чей хлеб ешь, того песню поешь.

Я верю, что эти времена исчезнут, как рассеивается кошмарный сон. Это дает мне силу стоять здесь и дышать. Наш народ много страдал и многому научился и перенесет это мрачное время.

Благодарю мою жену и дочь, моих близких, друзей и доброжелателей за верность и поддержку, моего защитника адвоката Беляна, за благие намерения, благодарю государственного обвинителя, который оказал мне честь, сказав, что Андрей Сахаров является моим единомышленником, и который блестяще доказал свою беспомощность.

Спасибо за внимание.

15 декабря 1983г.

(перевод с латышского)

Эрнст Орловский

О ВЫСТУПЛЕНИИ ВАЛЕРИЯ РЕПИНА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ

*(Конспект заявления политзаключенного В. Репина по
ленинградскому телевидению 1 марта 1983 г.,
с комментариями*)*

«Когда наступает прозрение. О некоторых методах подрывной деятельности западных спецслужб против СССР с использованием так называемого „Фонда помощи”». Передача Ленинградского телевидения, 1 марта 1983, с 19-35 до 20-15.

Передача была объявлена в программе на неделю 21-27 февраля 1983 года на время с 19-40 до 20-20 22 февраля 1983 года (так было сказано в ленинградском выпуске еженедельника «Говорит и показывает Москва», в еженедельнике «Телевидение радио — программы передач ленинградского телевидения и радио» и в программах на неделю, помещенных 18-19 февраля в «Ленинградской правде» и др. ленинградских газетах, а также в ленинградских выпусках газет «Труд», «Известия» и других). Однако в программе, напечатанной в газетах за 22 февраля, эта передача исчезла без замены. (На 19-30 была объявлена — как и было в программе на неделю — передача «И музыка льдин»). Появившийся в 19-30 на экране программы ленинградского телевидения диктор объявил, обращаясь к телезрителям: «Нам представилась возможность показать вам новый документальный фильм Центральной студии документальных фильмов «Пентагон». Ранее объявленные на это время передачи будут показаны в другое время.

Во вступительном слове ведущий говорил об американских империалистах, о нейтронной бомбе, об усилиях США разместить в Европе ракеты средней дальности действия с

* Самиздатский материал, публикуется без согласия автора (*ред.*).

ядерными зарядами и о подрывной деятельности радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Затем он сообщил, что перед телезрителями выступит с заявлением арестованный житель Ленинграда Репин, который был распорядителем в Ленинграде «Фонда помощи политзаключенным и их семьям», финансируемого из-за границы и используемого для инспирирования негативных процессов в советском обществе. Остальная часть передачи состояла в том, что Репин читал это заявление, написанное от руки. Пачка этих рукописных листов была показана телезрителям в том числе первый и последний листы. Репин читал громко, четко, размеренно, без видимых эмоций; прочитав лист, откладывал его и переходил к следующему, временами останавливался и пил воду.

«Я, Репин Валерий Тимофеевич, в декабре 1981 года был привлечен к уголовной ответственности за свою антисоветскую деятельность. До ареста я был распорядителем в Ленинграде «Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям».

Репин говорит, что в декабре 1981 года он был привлечен к уголовной ответственности. Известно, однако, что он был в первых числах декабря 1981 года арестован и с тех пор находится под стражей. В советской практике и в правосознании среднего советского человека эти понятия (привлечение к уголовной ответственности и арест) являются практически синонимами. Но не так обстоит дело даже по советскому закону, а тем более по Международному пакту о политических и гражданских правах (в котором участвует СССР) и по практике многих государств. Пункт 3 статьи 9 Пакта предусматривает, что содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, хотя освобождение из-под стражи может быть обусловлено представлением гарантий явки на суд и гарантий явки, в случае необходимости, для исполнения приговора. Поскольку Репин имел семью (жену и родившегося перед самым его арестом ребенка), жилье и работу, у следственных органов не было ни малейших оснований предполагать, что он может скрыться от следствия, суда или от исполнения приговора. Если в этом были хоть какие-то сомнения, следствие могло, в соответствии со ст. 89 УПК

РСФСР, применить к Репину подписку о невыезде, личное поручительство, поручительство общественной организации или залог. Применение при этих обстоятельствах к Репину содержания под стражей является нарушением Пакта и нарушением статьи 29 Конституции СССР, предусматривающей соблюдение прав человека и добросовестное выполнение Советским Союзом обязательств, вытекающих из заключенных СССР международных договоров. Правда, часть 2 ст. 96 УПК РСФСР и часть 2 статьи 34 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик предусматривают, что к лицам, обвиняемым в совершении наиболее тяжких преступлений, заключение под стражу может быть применено по мотивам одной лишь тяжести преступления (а ст. 96 УПК содержит обширный список таких преступлений, охватывающий более трети всех предусмотренных кодексом составов преступления), но это положение никак не согласуется с общим положением о целях применения заключения под стражу и других мер пресечения (часть 1 статьи 33 Основ уголовного судопроизводства) и прямо противоречит Пакту, а следовательно, и статье 29 Конституции СССР.

Далее, пункт 4 статьи 9 Пакта требует, чтобы законность ареста «безотлагательно» проверялась судом. В советской юридической литературе открыто признается, что в этом пункте советская юридическая практика и законодательство «не вполне» соответствуют Пакту и нуждаются в совершенствовании. Но пока это требование Пакта не выполняется и не было выполнено в деле Репина. Таким образом, был нарушен Пакт и статья 29 Конституции СССР.

Далее, советское законодательство (часть 3 статьи 34 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и ст. 97 УПК РСФСР) предусматривает, что срок содержания под стражей не должен превышать двух месяцев, при особой сложности дела этот срок может быть продлен вышестоящим прокурором до трех и до шести месяцев с момента ареста, а в исключительных случаях Генеральный прокурор СССР может продлить этот срок до 9 месяцев с момента ареста; срок 9 месяцев является предельным, и закон не предусматривает его продления. Генеральный прокурор вправе в исключительных случаях продлить срок

следствия и свыше 9 месяцев, но без продления срока содержания обвиняемого под стражей. Все это очень ясно сказано в законе и подтверждено в комментарии к УПК РСФСР под редакцией А. М. Рекунова (ныне — Ген. прокурор СССР) и А. К. Орлова (пред. Верх. суда РСФСР), см. на стр. 135 пункт 9 комментария к ст. 97 и на стр. 180 пункт 8 комментария к статье 133 (Москва, «Юрид. лит.», 1981). Все эти положения закона грубо нарушены при расследовании дела Репина. Правда, ему и его родственникам сообщили, будто бы имеется специальный указ Президиума Верховного Совета СССР, продлевающий срок содержания под стражей его персонально. Но невозможно проверить, существует ли на самом деле такой указ: он нигде не опубликован, и его подлинник никому не предъявлен. Если такой указ существует, он является незаконным, неконституционным и не имеет юридической силы. Ни закон, ни Конституция не предоставляют Президиуму Верховного Совета права разрешать отступление от четких требований закона для каких-то категорий лиц, а тем более персонально для отдельных лиц. Все подобные указы (например, о продлении срока содержания конкретных лиц под стражей, о разрешении суду применять смертную казнь по отношению к конкретным обвиняемым — убийцам, валютчикам, коллаборационистам и др., — если возраст обвиняемого, время совершения преступления или другие обстоятельства по закону исключают применение смертной казни, о ссылке академика Андрея Сахарова и др.; некоторые из этих указов упомянуты в советской юридической литературе) полностью подрывают уважение к закону и создают условия для самого разнузданного произвола. Пункт 1 статьи 9 Пакта предусматривает: «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом». Независимо от того, законно ли вообще применение к Репину содержания под стражей, оно заведомо не могло, по советскому же закону, продолжаться свыше 9 месяцев. Содержание под стражей свыше этого срока является произволом, и закон не устанавливает никакой процедуры, в соответствии с которой

можно было бы установить срок содержания под стражей свыше 9 месяцев. Между тем Репина содержат под стражей уже более пятнадцати месяцев. Это — грубейшее нарушение Пакта, закона и Конституции СССР. Помимо вышеназванных положений Пакта, нарушен также подпункт «с» пункта 3 статьи 14 Пакта, предусматривающий, что каждый имеет право быть судимым без неоправданной задержки.

Далее, Конституция СССР 1977 года предусматривает право обвиняемого на защиту (в отличие от действовавшей до 1977 года Конституции, где было предусмотрено право на защиту лишь для подсудимого при разбирательстве дела в суде). Согласно пункту 8 статьи 14 Пакта обвиняемый имеет право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником. Даже официальные советские юристы (например, Строгович) указывают, что эти положения нельзя понимать иначе, как право защитника участвовать в деле с момента предъявления обвинения, и что, пока закон не приведен в соответствие с Конституцией и с Пактом, следователь должен руководствоваться непосредственно Конституцией и допускать защитника к участию в деле с момента предъявления обвинения.¹ Однако на практике так не делается, и Репин тоже в течение более чем года был полностью лишен юридической помощи, что является грубым нарушением как Пакта, так и Конституции СССР.

Время и факты убедили меня...

Я делаю настоящее заявление совершенно добровольно, без какого-либо давления со стороны следствия... Хочу отметить тактичность, чуткость следователя, его внимательное ко мне отношение... Пусть мое раскаяние поможет моим бывшим друзьям и знакомым осознать... Раскаившись в своих преступлениях, я оказал следствию всяческую помощь и, в частности, содействовал получению следствием моего архива.

Каждый может, конечно, сам оценить, может ли такое

1. Ср., напр.: «...сейчас снова ставится вопрос о расширении участия защитника на предварит. следствии таким образом, чтобы защитник допускался с момента предъявления обвинения по всем делам» (Строгович, «Курс сов. уголов. процесса», Москва, 1968, т. 1: 240).

заявление, с учетом его формы и содержания, быть подготовлено без участия сотрудников КГБ. И — является ли давлением сам факт незаконного содержания под стражей в строгой изоляции, без юридической помощи в течение 15 месяцев (если даже не было более конкретных актов давления)? Что касается заверений Репина в тактичности и чуткости следователей, то они как две капли воды напоминают аналогичные заверения обвиняемых по знаменитым московским процессам 1936-38 годов. Прочтите, например, в стенограмме по делу «право-троцкистского блока» (дело Бухарина, Ягоды и др., март 1938 года, стенограмма издана Юриздатом в Москве в 1938 году на русском языке и на ряде иностранных языков) последнее слово подсудимого Акмаля Икрамова — как он мучил добрых, чутких, тактичных следователей и лично милейшего Николая Ивановича Ежова, отказываясь признать себя врагом народа, изменником Родины, гнусным мерзавцем. Икрамов был признан виновным, осужден к смертной казни и расстрелян. Но уже в том же году «оказался» врагом народа и Ежов. А сейчас в любом советском справочном издании Акмаль Икрамович Икрамов назван видным советским государственным и партийным деятелем, патриотом и...

Я родился в Ленинграде в 1951 году в семье служащего. Я работал выпускающим в редакции газеты «Ленинградский рабочий». У меня была хорошая, интересная работа, жилье, семья. Как же я дошел до...

Началось с того, что я заинтересовался проблемой прав человека в нашей стране и за рубежом. Не имея ни специального образования, ни жизненного опыта, я тем не менее самонадеянно думал, что разберусь сам в этих сложных проблемах. Поскольку я полагал, что советская пропаганда необъективна в этих вопросах, я стал регулярно слушать западные радиостанции и незаметно подпал под их влияние.

В 1976 году я познакомился с Валерией Ивановой Исаковой, женой Георгия Валентиновича Давыдова, осужденного в 1973 году и отбывавшего в то время наказание. Она настойчиво просила меня слушать западные радиостанции, уверяя, что только так я мог узнать правду. И я следовал этим советам. От Исаковой я регулярно получал для чтения различную антисоветскую литературу, в первую очередь — произведения Солженицына и клеветнический

журнал «Хроника текущих событий». Исакова была в то время распорядителем в Ленинграде «Русского общественного фонда помощи», который создан западными спецслужбами. Я узнал от нее, что представляет собою этот Фонд на самом деле. Я помогал Исаковой в ее деятельности как распорядителя Фонда. Через Исакову я познакомился с Ариной Сергеевной Жолковской-Гинзбург, которая была тогда главным распорядителем Фонда в СССР. Как Исакова, так и Жолковская-Гинзбург активно занимались сбором всякого рода клеветнической информации. По просьбе Исаковой я ездил в Москву, привозил от Жолковской-Гинзбург деньги, навещал родственников политзаключенных, получал у них информацию (*здесь не сказано «клеветническую»*) и через Ивана Ковалева передавал эту информацию (*опять не сказано «клеветническую»*) в «Хронику текущих событий» — клеветническое издание, нелегально переправляемое на Запад. Эти материалы использовались также радиостанцией «Свобода» для нанесения ущерба политическому престижу СССР.

(Зеркало виновато в том, что рожа крива?)

Я участвовал также в составлении ежеквартальных отчетов о деятельности Фонда.

Так я вступил на путь преступной антисоветской деятельности. Я не задумывался тогда, какой вред...

Исакову часто посещали иностранные туристы, они привозили различные вещи как для Исаковой лично (*умалчивает, что у Исаковой трое детей*), так и для продажи, с тем чтобы на вырученные деньги можно было приобрести информацию (*это расходуется с дальнейшим*), оплатить размножение антисоветской литературы (*здесь умалчивает о помощи семьям политзаключенных, хотя говорит об этом в других местах*). Иностранцы увозили на Запад полученную от Исаковой информацию для передачи знакомому Исаковой, бывшему гражданину СССР Крониду Аркадьевичу Любарскому. Мне известно, что ранее Любарский жил в Москве (*точнее, под Москвой*), был судим за антисоветскую деятельность и после отбытия наказания выехал из СССР по каналу эмиграции. В Израиль он не поехал, а обосновался в ФРГ, в Мюнхене.

(Он или авторы его заявления наверное хотели сказать «по каналу эмиграции в Израиль», но это сказано не было. Умалчивается о том, что Любарский — кандидат физ.-мат.

наук, астроном, и ему было отказано в предоставлении работы по специальности и в прописке в Москве или под Москвой; умалчивается также, что, еще будучи в заключении, Любарский проявил себя как один из руководителей советских политзаключенных.)

В Мюнхене Любарский стал заниматься враждебной деятельностью против СССР, занялся составлением и редактированием издаваемого в Брюсселе бюллетеня под названием «Вести из СССР», где печатаются нелегально поступающие из СССР материалы, которые после редактирования Любарским приобретают явно антисоветский характер.

(Значит, до редактирования Любарским эти материалы не были антисоветскими и клеветническими? Тогда очень просто было бы избежать их искажения враждебными радиостанциями: надо было бы поместить эти материалы в «Правде» или хотя бы в «Голосе Родины» в их неискаженном виде. Кстати, на основе личного знакомства с Исаковой, Давыдовым, Любарским и с отдельными номерами «Хроники текущих событий» и «Вестей из СССР» могу констатировать, что на меня производит впечатление скрупулезная добросовестность этих людей и этих изданий: ведь в некоторых случаях я мог сопоставить публикации этих изданий с лично мне известными сведениями.)

Любарский сотрудничает с радиостанцией «Свобода», финансируемой ЦРУ США, и использует полученную им информацию в выступлениях по этой радиостанции, он передает такую же информацию в другие издания враждебно-го нашей стране характера.

В 1977 году Исакова уехала из Ленинграда в ссылку к мужу и поручила мне выполнять обязанности распорядителя Фонда в Ленинграде. Я не осознавал тогда в полной мере, что тем самым я стал на путь преступной деятельности, стал активным помощником врагов нашей страны. Превыше всего была для меня тогда дружба этих людей, которые казались мне героями, борцами за права человека, хотя в действительности они были изменниками своему народу.

В середине 1979 года Исакова и Давыдов вернулись в Ленинград, тогда я лично познакомился с Давыдовым. В доме у Давыдова и Исаковой было много антисоветской литературы, часто там можно было видеть иностранных

визитеров. Среди знакомых Давыдова преобладали люди, отбывшие или отбывающие наказание, он имел с ними постоянную переписку и, используя материалы этой переписки, составлял и отправлял на Запад клеветническую информацию. На имя Давыдова стали приходиться посылки и бандероли от выехавших из СССР антисоветчиков. Давыдов ездил в Москву, в Таллин, спрашивал бывших политзаключенных об их жизни в исправительно-трудовой колонии, о фамилиях тех, с кем вместе они отбывали наказание, и вписывал эти данные в список политзаключенных, имевшийся у распорядителя Фонда.

В разговоре со мной Давыдов неоднократно повторял: моя главная цель — отправка собранной информации на Запад, в частности — моему другу Крониду Любарскому, «с тем, чтобы эта информация использовалась против существующего в нашей стране строя». Любарский неоднократно писал Давыдову, что сможет помочь ему и его семье устроиться в ФРГ, найти подходящую работу.

В апреле 1980 года Давыдов, понимая, что он может быть еще раз — рано или поздно — привлечен к уголовной ответственности за свою деятельность, вместе с семьей эмигрировал из СССР, обосновался в ФРГ, стал сотрудничать с радиостанцией «Свобода», систематически выступал по этой радиостанции с клеветническими передачами.

Перед отъездом Давыдов подробно проинформировал меня, как заниматься сбором информации, которая должна быть использована в идеологической борьбе против СССР. Он также просил меня пополнять так называемый (?) список политзаключенных, искать новых лиц, осужденных за антисоветскую деятельность.

(Видимо, не только за антисоветскую деятельность, но и за так называемое «распространение клеветнических измышлений», «нарушение правил об отделении церкви от государства», «массовые беспорядки» и другие подобные преступления, хотя и не относимые официально к «антисоветской деятельности»).

Давыдов обещал присылать за этой информацией иностранных туристов.

Что же представляет собой «Русский общественный фонд помощи политзаключенным и их семьям»? Фонд создан в 1973 году.² Было объявлено, что директором-распорядителем

2. Точнее: Фонд создан в апреле 1974 г..

Фонда на Западе является жена Солженицына Наталья Светлова и что средства Фонда состоят из гонораров за издание произведений Солженицына: поэтому Фонд иногда называют солженицынским

(это последнее замечание было, кажется, сказано им раньше, а может быть, даже ведущим в его вступлении),

но надо полагать — а об этом умалчивается, — что по уставу Фонда гонорары Солженицына — не единственный источник его пополнения. В уставе Фонда сказано: «Помощь, оказанная Фондом, не налагает никаких обязательств на тех, кому Фонд помог». Но устав Фонда — это лишь реклама, в действительности же деятельность Фонда приносит огромный вред в нашей стране, ставит в полную зависимость от Запада руководителей Фонда в СССР и их сообщников. В ранних документах Фонда даже говорилось, что цель Фонда — материально и морально поддерживать тех, кто занимается антисоветской деятельностью, а это уж вовсе не вяжется с благотворительностью.

(Надо понимать так, что эти документы были впоследствии отменены? Да, впрочем, и в «ранних документах» использовались, надо полагать, не эти выражения.)

Все, кто получают помощь Фонда, чувствуют себя обязанными в настоящем и в будущем за полученные деньги продолжать антисоветскую деятельность, снабжать информацией тех, кто дал им деньги. Фонд не помогает тем, кто отказывается от продолжения борьбы с советской властью.

(Это утверждение звучало бы гораздо убедительнее, если б был указан его источник, например: устав Фонда, или полученная им письменная инструкция, или устное указание Давыдова, или Любарского, или Ходоровича, или его собственное решение как ленинградского распорядителя Фонда, и если б он привел примеры людей, которым было отказано в помощи из-за их отказа «продолжать антисоветскую деятельность»).

Через приезжих иностранцев я передавал собранную информацию на Запад. Финансируют Фонд спецслужбы США.

(И это утверждение было бы гораздо убедительнее, если б были указаны источники, его подтверждающие).

Эти же спецслужбы финансируют такие центры лжи и

клеветы, как радиостанции «Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки».

Сейчас главным распорядителем Фонда в СССР является житель Москвы Сергей Ходорович. От него я получал денежные суммы, ему я возил информацию о деятельности Фонда в Ленинграде. До него распорядителем Фонда был Александр Гинзбург — ближайший соратник Солженицына, затем Татьяна Ходорович — сестра (*разве родная?*) Сергея Ходоровича, которую сменила Арина Гинзбург — ближайшая подруга Натальи Светловой, жены Солженицына.³ Все эти лица выехали на Запад. Такие люди, как Гинзбург, Татьяна Ходорович, Исакова, Давыдов, Любарский и другие, пользуясь вывеской Фонда и с помощью своих единомышленников, оставшихся в СССР, в том числе и с моей помощью, получают нужную информацию. Там эту информацию переделывают и извращают так, как это нужно хозяевам радиостанциям, чтобы получить свою долю прибыли (?), и затем передают в эфир, печатают в журналах. ЦРУ мало интересуется, насколько правдива покупаемая им информация. Но это я не осознавал. Выехавшие антисоветчики под диктовку пропагандистских центров Запада льют потоки лжи и клеветы на страну, которая их вырастила, дала им возможность учиться и работать. Они не понимают (!), что стали яростными врагами своей страны. Но им должно быть понятно одно: правду о нашей стране нельзя замолчать. Я уверен, что каждый советский человек способен отделить правду от лжи(!).

Среди 270-миллионного населения нашей страны есть отдельные лица, которые оказывают услуги дельцам Запада, преследуя свои корыстные цели: улучшить свое материальное положение, создать себе имя в расчете на последующий отъезд. Им активно помогает Фонд.

Простой подсчет показывает, что на деньги Солженицына Фонд не мог бы существовать длительное время.

(Если это столь простой подсчет, почему бы его не привести?)

Только в Ленинграде за два с половиной года мною были

3. Точнее: А. Гинзбург — с апр. 1974 (3. 2. 77 арестован); М. Ланда, К. Любарский и Т. Ходорович — с 4. 2. 77 (6. 7. 77 М. Ланда отправлена в ссылку, 1. 10. 77 и 6. 11. 77 соотв. К. Любарский и Т. Ходорович уехали из СССР); Ирина (Арина) Гинзбург и С. Ходорович — с 6. 11. 77 (1. 2. 80 И. Гинзбург уехала из СССР, 6. 4. 83 С. Ходорович был арестован).

израсходованы на помощь осужденным за государственные (не за любые государственные и не только за государственные!)

преступления и на сбор информации весьма значительные суммы.

(Какие же?)

В мои обязанности как ленинградского распорядителя Фонда входило оказание материальной помощи заключенным, отбывающим или отбывшим наказание за антисоветскую деятельность (*и др.?*), и получение от них сведений. Для сбора сведений я использовал вопросник, присланный мне Любарским и Давыдовым в двух экземплярах. Вопросник был прислан по дипломатической почте через Генконсульство США в Ленинграде. Конкретно, вопросник мне передали гувернантка Генконсульства Элизабет Вуд и стажер Ленинградского университета имени Жданова, гражданин США Турнбалл Даниэль. Этот вопросник выходит за рамки обычной диссидентской информации, он содержит около 70 вопросов. Перечислить все вопросы невозможно, назову лишь некоторые

(видимо, наиболее «страшные», а остальные, надо понимать, вообще безобидные):

количество и категории осужденных, содержащихся в исправительно-трудовом учреждении; фамилии и звания должностных лиц учреждения; количество солдат охраны и их вооружение, места расположения и системы охраны; внутренний распорядок исправительно-трудового учреждения; настроение заключенных; методы борьбы с администрацией тех осужденных, которые продолжают свою антисоветскую деятельность; предприятия, на которых используется труд заключенных, и характер производимой ими продукции. То есть вопросник предусматривал сбор сведений, составляющих государственную тайну.

(Перечни сведений, относящихся к государственной тайне, исчезли из комментариев к уголовному кодексу и других официальных изданий; очевидно, они расширены до неприличия и потому сами, как ни странно, засекречены; но я думаю, не ошибусь, если буду утверждать, что в западных странах все или почти все перечисленные выше сведения отнюдь не являются государственной тайной — даже если

приведенные формулировки точно воспроизводят формулировки вопросника.)

Такого рода сведения вряд ли могли интересовать только Любарского и Давыдова. Эти сведения были нужны их хозяевам для раздувания гонки вооружений (?) и для создания у западного читателя представления, что жизнь в СССР представляет собой сплошную полосу обысков, допросов, арестов. Я занимался сбором информации в соответствии с этим вопросником, брал у различных лиц копии приговоров и обвинительных заключений.

(Но ведь эти документы, выдаваемые на руки подсудимым, никак не могут считаться содержащими государственную тайну! Или, быть может, это клеветнические документы? Тогда должны быть привлечены за антисоветскую деятельность к уголовной ответственности те следователи, прокуроры, судьи, которые эти документы составляли!)

Я вносил новые фамилии в список так называемых политзаключенных. Поручал произвести такие опросы своим знакомым, используя в этих целях деньги Фонда.

(Неясно, на что шли деньги Фонда — на помощь опрашиваемым, на оплату транспортных расходов или, скажем, — как, по-видимому, поняла часть телезрителей — на оплату тем, кто проводил опросы?)

Интересуясь ходом рассмотрения уголовных дел, посещал с этой целью судебные заседания.

(И это — преступление?!)

Оказывая материальную помощь осужденным и их семьям, я своими действиями (!) давал им понять, что даром деньги не дают, и таким образом я стимулировал враждебную деятельность этих людей.

Чтобы полученную и — как я потом понял — клеветническую информацию обработать и приготовить к отправке на Запад, я использовал средства Фонда для приобретения фотоаппаратуры, а также магнитофонов для записи в судах.

(Что же, и запись судебного заседания — это тоже клеветническая информация?!)

Ко мне приезжали иностранные туристы, которые по просьбе Давыдова и Любарского привозили мне или покупали в магазинах «Березка» и передавали мне различные

вещи для нужд Фонда. Им я также передавал клеветническую информацию; они выражали недовольство, если у меня такой информации не было. Как я потом понял, их поездки оплачивались различными зарубежными центрами (*здесь он не говорит «подрывными»*) — и уехать с пустыми руками они не могли.

Среди моих знакомых иностранцев, которые помогали мне в моей антисоветской деятельности, могу назвать, например, следующих: — В начале 1980 года я передал Любарскому и Давыдову несколько писем с информацией через гражданина Канады Роберта Бакстера, стажера одного из ленинградских вузов; он переслал на Запад эти письма по дипломатической почте.

— В конце 1980 и первой половине 1981 года я передал около 10 писем для Любарского и Давыдова с клеветнической информацией, а также сведения, собранные с помощью вопросника, через уже упоминавшихся Элизабет Вуд и Турнбалла Даниэля, а также через стажера Ленинградского университета имени Жданова Джерри Сур, они отправили эти сведения за границу, используя дипломатическую почту Генконсульства США в Ленинграде.

(Я никогда не слышал, чтобы Ленинградский университет в разговоре, а не в официальных документах, назывался с упоминанием Жданова — в отличие от, скажем, Герценовского института; настойчивое упоминание Жданова может указывать на то, что эту часть заявления составляли официальные лица).

Я передал также сведения об условиях содержания государственных преступников, их призывы к бойкоту Олимпийских игр в Москве, обращения к участникам Мадридской встречи государств-участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

— В 1979-1981 годах в Ленинград в качестве туриста неоднократно приезжала гражданка Голландии Свильденс Эллен. Она знала, что я являюсь распорядителем Фонда, привозила разные вещи, просила и получала у меня клеветническую информацию. Из бесед с нею мне стало известно, что она не только передавала получаемую информацию Любарскому, но и сама использовала ее для клеветнических статей в западных изданиях.

— В тот же период неоднократно приезжали в Ленинград туристки из Голландии Лаура Старинк и Хэлла Роттенберг, члены «Международной Амнистии»; их я также снабжал

подробной информацией. Они привозили фотоаппаратуру, пишущие машинки, которые я и мои единомышленники использовали для размножения антисоветской литературы с целью распространения ее среди советских граждан. По их же (*Старинк и Роттенберг*) поручению стажер из Голландии Ян Смелт в 1981 г. приобрел в «Березке» некоторые вещи, которые я реализовал

(неясно, это были деньги Фонда или Амнистии).

Приезжал также иностранец, который представился как врач-психиатр, действующий по поручению бывшего гражданина СССР Ярым-Агаева, проживающего в США и являющегося членом американской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений; он просил информацию о якобы имевшем место в СССР использовании психиатрических больниц в борьбе с инакомыслящими.

Я использовал для проведения враждебной деятельности отдельных осужденных, которые в ответ за оказание им материальной помощи систематически поставляли мне клеветническую информацию и втягивали в это дело других осужденных. Среди них:

— Вячеслав Кузнецов, осужденный за особо опасное государственное преступление и ряд уголовных преступлений

(да разве человек не под диктовку КГБ может так сказать, вместо того чтобы сказать конкретно, за что осужден?!),

неоднократно через жену Наталью Кузнецову, приезжавшую к нему на свидания, передавал сведения о якобы имевших место притеснениях в отношении его, требования и призывы к общественности Запада.

— Аркадий Цурков, осужденный за антисоветскую деятельность, неоднократно передавал мне подобную же информацию через свою жену. (Как мне стало известно, Кузнецов в последнее время встал на правильный путь и осудил свою враждебную деятельность.)

(Неужели и это — не подсказка КГБ?!)

Путем оказания материальной помощи я стимулировал враждебную деятельность не только осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, но втягивал в эту деятельность изменников Родины, фашистских пособников, воров, порнографистов. Например, оказывалась постоянно помощь

— Юрию Васильеву и Галине Селивончик, осужденным за попытку вооруженного захвата самолета с целью его угона за границу; причем они ставили при этом под угрозу жизнь всех пассажиров самолета.

Оказывалась также помощь

— Ткачуку, осужденному за измену Родине в годы войны, убивавшему советских людей

(бандеровец, т. е. укр. националист);

— Карповичу, поступившему в 1943 г. на службу в немецкое карательное подразделение и принимавшему непосредственное участие в истреблении советских граждан (неужели он сидит с тех пор?! ведь прошло 40 лет! Скорее всего, он давно отбыл наказание за те преступления и теперь сидит по другому обвинению);

— Михаилу Лебедю, осужденному за несообщение о готовящемся государственном преступлении и занимавшемуся изготовлением порнографических материалов;

— Владимиру Михайлову, осужденному за хулиганство, и многим другим. Я втягивал в антисоветскую деятельность родственников заключенных, которые, получая от меня материальную помощь, «подпадали под мою зависимость». В связи с этим «они снабжали меня информацией, в том числе и клеветнической, выполняли другие мои поручения (отправляли посылки, денежные переводы); среди них: Яков Федорович Лубман, Дора Аркадьевна Казачкова, Наталья Лесниченко, Вячеслав Долинин, Галина Михайлова, Ирина Цуркова, Наталья Кузнецова, Лев Волохонский

(чей же он родственник? Ниже он упомянут еще раз. Из числа перечисленных лиц в 1982 году арестованы Долинин, Цуркова, Волохонский).

Мне оказывали помощь и те, кто уже отбыл наказание, среди них: Анатолий Иванов, Лев Волохонский, Леонид Павлов.

Помощь этих людей оплачивалась из средств Фонда. Из этих же средств я платил машинисткам, фотографу, которые по моей просьбе размножали клеветнические документы и антисоветскую литературу (*фамилии не называет*). «Это показывает, что получаемая информация оплачивалась, а для некоторых являлась средством наживы» (!).

«Поэтому (?), получая информацию от людей, которые ради наживы или других личных интересов преподносили ее в выгодном для себя свете

(а быть может, порой по заданию КГБ подбрасывали неверную информацию с целью дискредитации того, кто будет ее использовать?),

я не мог проверить правдивость тех или иных сведений и в первоначальном виде посылал ее на Запад».

(Значит, он никак не виновен в сборе клеветнической информации, ибо клеветнические утверждения — это лишь заведомо ложные для того, кто их передает.)

«Там эту информацию, естественно, не проверяли и не пытались проверять, потому что их устраивала любая информация, пусть даже заведомо (для кого?) лживая, лишь бы она была получена из СССР». «Таким образом, становится очевидным (?), что Фонд — это не благотворительная, а антисоветская организация, деятельность которой направляет ЦРУ США». На деньги Фонда предпринимаются попытки создания в нашей стране оппозиции из разного рода преступных элементов, их родственников и знакомых. Собирается не только клеветническая информация, но и сведения разведывательного характера.

«Не подумайте, что мое заявление является попыткой смягчить мое наказание, которое я заслужил. Хотя многие, особенно те, кто знал меня ранее и оказывал мне помощь в моей антисоветской деятельности, именно так могут и подумать. Нет — время и факты побудили меня пересмотреть мою прежнюю враждебную деятельность, отказаться от своих прежних враждебных убеждений, навсегда осудить себя и свое прошлое, к которому не может быть возврата, какой бы карой ни пришлось искупать вину перед нашим народом. Цель моего заявления — дать возможность вам, мои друзья и единомышленники, всем тем, кто отбывает наказание и помогает врагам нашей страны, убедиться, увидеть, с чего я начал и как очутился на грани измены Родине. Пусть приведенные факты помогут вам понять свои заблуждения и вовремя остановиться. Для этого требуется совсем немного — нужно найти в себе силу воли, побороть в своей душе боязнь ответственности перед законом и народом. Подумайте, возможно, ваше первоначальное мнение, которое могло у вас возникнуть обо мне, изменится и многие из вас скажут мне спасибо. Со временем вы сами это поймете. Лучше, чтобы вы поняли сразу, пока с вами не случилось того, что случилось со мной».

Он сказал: «очутился на грани измены Родине». Как стало известно, в начале 1983 года сотрудники КГБ произвели опись имущества Репина. Это означает, что ему предъявлено обвинение в измене Родине, которое сперва не было предъявлено, хотя, по-видимому, все следствие велось по признакам этой статьи. Понятие «измены Родине» в действующем УК даже шире, чем в кодексе сталинских времен, и включает сбор даже правдивой и несекретной, даже опубликованной информации, если это делается по заданию иностранной разведки (это обстоятельство вряд ли можно доказать, даже если б это было на самом деле так, и потому можно опасаться, что следствие будет принимать это без доказательств) для использования в ущерб интересам СССР (а если следователь даже признает, что не было задания иностранной разведки, то это будет лишь значить, что нет измены Родине в форме шпионажа, но... есть измена Родине в форме оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР — это было, в частности, главным обвинением против Щаранского). Изложенные положения закона восходят к статье 58-4 Уголовного кодекса 1926 года и опираются на формулировку, предложенную лично В. И. Лениным в его записках Д. И. Курскому от 15 и 17 мая 1922 года (см. ПСС Ленина, т. 45, сс. 189-191). Однако Ленин, предлагая такой закон, не говорил ни о демократии, ни о правах человека, а писал: «Суд должен не устранить террор, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого». Закон, основанный на таких соображениях (а ведь за сбор правдивой, открыто опубликованной информации по ныне действующему закону может грозить расстрел), явно противоречит как действующей Конституции СССР (а пожалуй, даже и Конституции 1936 года), так и Пакту о гражданских и политических правах (в частности, статье 19, пунктам 2 и 3).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

США И ПРАВА НЕРУССКИХ НАРОДОВ СССР

(Интервью Богдана Нагайло* с помощником государственного секретаря США по вопросам прав человека Эллиотом Эйбрамсом.)

Нагайло: На Западе кое-кто привык считать, что вопрос прав человека в Советском Союзе в основном касается групп отважных русских правозащитников и евреев, добывающих права на эмиграцию. Однако известно, что советские концлагеря и тюрьмы переполнены нерусскими патриотами, которые отстаивают права своих народов. Как относится нынешняя американская администрация к стремлениям нерусских народов СССР?

Эйбрамс: Мы озабочены судьбой нерусских народов СССР и поддерживаем их стремления. В Соединенных Штатах мы очень много внимания уделяем этому вопросу, делая акцент на отстаивании национальных прав в прибалтийских странах и на Украине. Если прочитать выступление американских представителей на различных конференциях, посвященных проверке выполнения Хельсинкских соглашений, то можно убедиться, что мы упоминаем немало украинских героев, борцов за национальные права. Мы понимаем: несмотря на то, что в разное время различные группы в СССР по-разному проявляют свою активность (или же на одни группы обращают больше внимания на Западе, чем на другие), речь не может идти о борьбе какой-то одной группы. Это борьба всех народов СССР за свою свободу.

* Богдан Нагайло — политический обозреватель, сотрудник радио «Свобода».

Нагайло: На Западе нередко считают, что стремления нерусских народов СССР ограничиваются только достижением культурной автономии. Однако, если судить о положении вещей по документам украинской, литовской, армянской и грузинской правозащитных групп «Хельсинки», станет совершенно ясно, что для нерусских главный вопрос — это национальное самоопределение. Признается ли теперешней американской политикой это право народов на самоопределение?

Эйбрамс: По моему мнению, такие группы как, например, Хельсинкская группа с центром в Киеве, большинство членов которой теперь находится за решеткой, выдвигала целый комплекс вопросов. Эти вопросы касались прежде всего проблем личной свободы (например, свободы религии или свободы слова), а также требований большего объема политических прав (например, свободы собраний или профсоюзных прав.) Все эти права гарантированы Хельсинкскими соглашениями, которые подписало правительство Советского Союза. Кроме того, выдвигались и вопросы, касающиеся национальных прав (и на Украине, и в других нерусских республиках), т. е. права на родной язык, культуру и традиции. Это связано с национальным самоопределением и отдельными политическими правами. Конечно, мы еще далеки от того, чтобы четко определить, каковы именно стремления населения Украины, поскольку ему их выразить запрещено. Однако, несмотря на все это, мы считаем (и это главное, на чем мы акцентируем внимание), что гарантия индивидуальных свобод и сохранение традиций и истории Украины — это абсолютный минимум, на который имеет право украинский народ.

Нагайло: На протяжении последних лет состоялось немало акций протеста и демонстраций в Грузии, прибалтийских республиках и в других частях Советского Союза, в ходе которых нерусские подвергали критике национальную политику Кремля, осуждая наступление режима на их права в области языка, на их национальную самобытность. К тому же в нерусском самиздате постоянно встречается такое понятие как *русификация*. Какую позицию занимает

Государственный департамент США по наболевшему вопросу русификации?

Эйбрамс: Для нас в этом деле нет сомнений. Мы выступаем против русификаторской политики, которая несомненно проводится советским правительством. Это вовсе не естественный процесс, протекающий самостоятельно на протяжении десятилетий. Цель советской политики — уничтожить национальные традиции народов. Например, мы знаем, что советские власти все больше поощряют этнических русских селиться в прибалтийских республиках, чтобы там не увеличивался процент местного населения. Мы знаем также, что советские власти стараются добиться того, чтобы в украинских или грузинских школах не воспитывали детей в уважении к национальным традициям. Мы против этих мер. Мы считаем, что такие меры нарушают права человека и что они не отвечают интересам населения и нарушают право жителей нерусских республик обучать своих детей истории и культуре своего собственного народа.

Нагайло: На Западе уделяют большое внимание праву на эмиграцию. Иногда возникает такое впечатление, что, когда речь идет о населении Советского Союза, право на эмиграцию касается только евреев, немцев и армян. Однако известно, что немало украинцев, жителей прибалтийских республик (и верующих инакомыслящих) находятся в заключении за то, что они добивались права выезда из Советского Союза. Считает ли американское правительство, что право на эмиграцию распространяется на всех жителей СССР?

Эйбрамс: Это очевидно. Ведь право это признано во всех международных соглашениях. Мы, например, подняли этот вопрос в переговорах с Фиделем Кастро. На Кубе нет национальных меньшинств. Таким образом речь там шла исключительно о кубинцах. Мы настаиваем на том, чтобы кубинцы имели право эмигрировать из своей страны. Мы также детально обсуждали этот вопрос с румынским правительством. Для нас вопрос состоит не в том, кем является данный человек, какова его религия или национальная принадлежность. По нашему мнению, право на

эмиграцию — это одно из основных прав человека, которое распространяется на всех без исключения.

Нагайло: Подавляющее большинство находящихся в заключении членов разных правозащитных групп «Хельсинки», возникших в Советском Союзе во второй половине 1970-х годов, — это нерусские поборники прав человека и национальных прав своих народов. Теперь, когда международное внимание приковано к вопросу о судьбе выдающегося правозащитника Андрея Сахарова, не возникает ли угроза, что этих менее известных, но не менее мужественных политических заключенных забудут?

Эйбрамс: Несомненно, такая угроза существует. И мы должны быть этим озабочены. На наш взгляд, судьба такого выдающегося человека, как Сахаров, привлекает внимание к общей проблеме прав человека в Советском Союзе. И это позитивная сторона явления. Жаль, что люди в Грузии, в прибалтийских республиках или на Украине не имеют возможности узнать, как часто мы вспоминаем о их борьбе за права человека. Мы постоянно вспоминаем о них на международных форумах. Героическая фигура Сахарова помогает нам привлекать внимание всего мира и к их проблемам. Речь идет не только о правах человека для русских, но и о правах человека для всех жителей Советского Союза.

Нагайло: В заключение я хочу затронуть вопрос об американском консульстве в Киеве. На протяжении 1984 года представители американского правительства уже несколько раз заявляли о том, что они прилагают усилия, направленные на открытие американского консульства в столице Украины. Как Вы считаете, открытие американского консульства в Киеве отвечало бы принципам Хельсинкских соглашений?

Эйбрамс: Я думаю, что да. Однако ввиду напряженных взаимоотношений Вашингтона и Москвы это дело все еще существенно не продвинулось вперед. Мы надеемся, что открытием американской дипломатической миссии в Киеве, мы продемонстрируем украинскому народу, что мы заботимся о нем и помним о его нуждах. Я должен добавить,

что американское правительство поддерживает близкие отношения с американскими украинцами, которые решительно поддерживают идею открытия консульства в Киеве, усматривая в этом способ для поддержания связей со своими братьями на Украине.

Новое издание «Сучасности»:

FOCUS ON UKRAINE

DIGEST OF THE SOVIET PRESS

Volume 1

Published by S. S. S. S. S.

No. 1

ИСЛАМ В СССР ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЯ В АФГАНИСТАН

С момента оккупации Афганистана советскими войсками в декабре 1979 г. в политической жизни южных окраин СССР произошли некоторые драматические изменения, осложнившие общий климат отношений между центральным советским руководством и руководителями мусульманских республик СССР — отношений, которые после падения Хрущева складывались как безоблачные отношения дружбы и сотрудничества, сейчас выявляют признаки напряженности. На Западе до сих пор почти не было упоминаний об этих событиях, и о них все еще нельзя говорить сколько-нибудь уверенно. Они могут стать началом новой советской стратегии по отношению к мусульманам в Советском Союзе и мусульманскому миру за его пределами. Но возможно, что это лишь приспособительная тактика. Также нельзя точно установить, что же стоит за такими изменениями: являются ли они следствием побочных явлений войны в Афганистане, влиянием иранской революции, все более агрессивной китайской пропаганды, роста фундаменталистских тенденций в исламе в СССР (аналогичного тому, что наблюдается и в других местах), или же результатом совместного действия всех этих факторов.¹

* Статья опубликована в журнале «Central Asian Survey», N 1, Оксфорд, июнь 1982, сс. 65-78.

Александр Беннигсен — профессор Сорбонского университета, специалист по проблемам ислама. Предметом его специализации, в частности, является положение мусульман в Советском Союзе.

1. Наше знакомство с политической жизнью Средней Азии и Кавказа ограничено и односторонне. Мало мусульманских самиздатских публикаций дошло на Запад, а те что дошли касаются в основном крымских татар и месхи-турок. За рубежами Советского Союза не слышно голосов среднеазиатских диссидентов, если таковые вообще существуют. Поэтому мы вынуждены ссылаться почти исключительно на советские официальные источники.

Новая антирелигиозная кампания

Наиболее знаменательным и неожиданным событием в развитии советско-исламских взаимоотношений со времени оккупации Афганистана была начавшаяся в 1980 году интенсивная противоисламская пропагандистская кампания с использованием всех средств массовой информации. Эту кампанию можно сравнить с последним наступлением на ислам при Хрущеве. По данным журнала «Книжная летопись» в 1980 году в СССР вышло в свет 154 антирелигиозные книги и брошюры. Из них 27 (т. е. 17,5%) были посвящены исламу.² В отличие от 1970-х годов, когда главный удар был направлен на Северный Кавказ, нынешняя кампания нацелена в основном на республики Средней Азии. В 1982 году эта кампания проявилась в полную силу. Из 195 антирелигиозных книг и брошюр, изданных в СССР в последнее время, 44 (т. е. 22,6%) направлены против ислама.³

Характер кампании 1980-81 годов в общем не отличается от пропаганды 1970-х годов. Хотя с тех пор масштабы кампании резко возросли,⁴ она вовсе не стала более

2. Из этого общего числа: 2 издания касаются ислама вообще, 7 — ислама в Узбекистане, 4 — в Туркмении, 2 — в Таджикистане, 2 — в Казахстане, 2 — в Дагестане, 2 — на Северном Кавказе, 2 — в Азербайджане, по одному — у чеченцев, уйгуров, татар, осетин, киргизов, и каракалпаков. 14 изданий — на русском языке, 5 — на узбекском, 2 — на азербайджанском, 2 — на казахском, по одному — на туркменском, уйгурском, таджикском и осетинском.

3. Из этого числа: 4 издания касаются ислама вообще, 3 — ислама в Узбекистане, 3 — в Таджикистане, 2 — в Казахстане, и по одному — в Киргизии, Туркмении, у уйгуров. 8 изданий — на русском языке, 3 — на узбекском, по одному — на киргизском, туркменском, и уйгурском. В 1978 году из 144 антирелигиозных книг и брошюр, изданных в СССР, 32 (т. е. 22,2%) были посвящены исламу (в 1976 году — 11,3%).

4. По данным А. Артёмьева («Текущие задания атеистической пропаганды», «Казахстан коммунист», Алма-Ата, № 11, 1980, сс. 36-41, на казахском языке), в Казахстане было 84 «Народных университета научного атеизма» (более 10 тысяч студентов). Университеты в Алма-Ате и Караганде имели специальные «Отделения научного атеизма» (более тысячи студентов). В первые шесть месяцев 1981 г. в Таджикистане было прочитано около 4 тысяч антирелигиозных лекций и показано 30 антирелигиозных фильмов (см. С. Дабеева, «Не без помощи», «Коммунист Таджикистана», 31 октября 1980 г.)

остроумной и продолжает обыгрывать, в основном, все одни и те же темы: несовместимость науки и религии, преимущество коммунистической морали над религиозной моралью, необходимость искоренения зловредных «пережитков прошлого».

Все же для нынешней кампании характерны две темы, прежде редко используемые, — темы, на которые мы должны обратить особое внимание. Первая тема — обеспокоенность антисоциальной и антисоциалистической природой ислама. Вторая — возросшая опасность контрпропаганды. Обращая внимание на вторую проблему, заместитель руководителя Секции пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана утверждал, что:

«Повсюду религиозные фанатики научились приспосабливаться к новым условиям социально-экономической жизни... В результате наблюдается возрождение активности различных религиозных организаций. На место стариков в христианские церкви и в ислам приходят молодые.»⁵

Заместитель руководителя не уточнял, о каких «новых условиях социально-экономической жизни» идет речь.

Можно заметить еще один интересный сдвиг. В 1970-х годах советская власть развернула широкую кампанию против «параллельного ислама», имея в виду в первую очередь *суфизм*, который — как в то время казалось — особенно угрожал с Северного Кавказа. Нынешняя кампания, хотя не исключает и Северный Кавказ, все-таки в первую очередь направлена против среднеазиатских республик. Особое внимание уделено Казахстану и Туркмении, где родоплеменная структура местного общества хорошо сохранилась.⁶ Первый секретарь ЦК КП Казахстана и член Политбюро Кунаев в феврале 1981 г. сокрушался о том, что отпавлений религиозных обрядов в Казахстане не ста-

5. А. Артемьев, там же, сс. 39-40.

6. Уже в 1965 году один таджикский специалист по антирелигиозной пропаганде писал: «Сегодня единственным религиозным пережитком, препятствующим окончательной победе научно-материалистического мировоззрения в нашей республике, является вера в ишанов (шейхов ордена суфи)» (А. Сафаров, «Бакиманданго-йи Парастеш-и Ешаго, ва Рогго-йи бартафард кардани Онго дар Таджикистон», Душабе, 1965, стр. 3, на таджикском языке).

новится меньше и что даже члены партии принимают в них участие.⁷ (По слухам — и сам Кунаев не может стоять вне подозрений, поскольку несколько лет тому он устроил богатую обрядовую церемонию и банкет в честь обрезания своего сына и пытался скрыть от населения этот семейный праздник при помощи кордона из частей МВД).

На съезде Коммунистической партии Туркмении в январе 1981 г. было высказано недовольство тем, что райкомы и партийный аппарат неохотно проводят антирелигиозную пропаганду. В результате — «самозванные муллы и ишаны (суфийские проповедники) засели в разных «священных местах».⁸ Туркменская газета поведала об одном очень любопытном случае — своеобразной истории Джекилла и Хайда. Газета рассказывает об учителе истории и члене партии, который «прививая правильные материалистические взгляды своим ученикам, во время уроков превращался в суфийского ишана».⁹ 9 января 1982 г. «Туркменская искра» опубликовала длинную и довольно необычную статью, озаглавленную «Настоящее лицо ишана — правда о священных местах». В статье особое внимание уделяется крепости Динли Кваля, где акбальское племя Теккейского союза дважды сражалось с русскими войсками: в 1879 г. — одержав победу и отразив наступление русских, в 1881 г., когда русским войскам удалось взять приступом крепость, после чего они вырезали все население. Среди руководителей сопротивления был ишан Курбан-Мурад, наследственный шейк суфи, который случайно не погиб во время массовой резни. Сегодня Курбан-Мурад почитается святым, а его могила в Динли Кваля является центром активного попомничества, значение которого, видимо, скорее политическое, чем религиозное («Среди паломников есть также и неверные»). Авторы статьи осуждают ишана как фанатика ответственного за истребление туркменского населения. Завуалированный смысл обвинения относится не столько к далекому прошлому

7. «Казахстанская правда», 5 февраля 1981, (в В. Brown, «The Phenomenon of self-appointed Mullahs», Radio Liberty Research, 220/81, 28 мая 1981.)

8. «Правда», 19 января 1981.

9. «Туркменская искра», май 1981. Случай этот детально описан у Брауна.

туркменского народа, сколько к сегодняшней ситуации в Средней Азии. Читателям предлагается взгляд, что приверженцы суфизма — а шире, все религиозные «фанатики» — это предатели, которые приведут туркменов к гибели. Нетрудно заметить, что здесь учтена также ситуация в Иране, ее реальное или потенциальное влияние на советскую Среднюю Азию. Все сказанное может относиться и к афганским партизанам. Ясно, что авторы хотят убедить читателей в том, что всякое сопротивление России безнадежно ввиду перевеса ее военных сил. Вина за кровопролития и даже массовую резню, с этой точки зрения, лежит не на русских, совершавших все это, а на безответственных руководителях оппозиции, которые без всякой надежды на успех ведут свои народы на конфронтацию с несокрушимой силой.

В Азербайджане кампания против «параллельного ислама» также набирает силу. В журнале *«Наука и религия»* (май, 1980 г.) А. Фатуллаоглу из Баку осуждает эксплуатацию «святых мест» сторонниками суфизма. Эти места, утверждает он, «стали центрами активной религиозной пропаганды и трамплином для распространения предрассудков.»¹⁰

Повседневная противоисламская кампания и кампании минувших лет во многом сходны, но есть одно, наводящее на мрачные размышления, отличие: кампания 1980-81 годов практикует грубый, топорный подход — в противоположность «научной» и довольно сдержанной пропаганде послехрущевского периода. Теперь же всем коммунистам и просто честным советским гражданам напоминают о том, что они *обязаны* принимать участие в «беспощадной борьбе против религии, которая отравляет умы, и против пережитков прошлого.»¹¹

Опасность «империалистической подрывной деятельности»

В отличие от кампании 1970-х годов центральная и

10. А. Фатуллаоглу, «Простые секреты „святых мест“», Наука и религия, N 5, май 1980, стр. 31-33.

11. А. Артемьев, там же, стр. 41.

местная власть беспрерывно предостерегает сегодня население Средней Азии об опасности иностранной подрывной деятельности и возрождения местного национализма, либо инспирированного извне, либо связанного с внутренними причинами. Эти предостережения подкрепляются непрямыми, но тем не менее весьма впечатляющими намеками; проводимые в это же время кампании восхваления пограничных войск, которые подчинены КГБ, ни у кого не должны оставить сомнений, в том, что советский режим всегда готов дать отпор «империалистическим провокациям». Так, в 1980 году органы печати кавказских республик много раз сообщали о действительных или воображаемых нарушениях советских границ «иностранными агентами», причем эти сообщения неизменно заканчивались замечанием о задержании виновника бдительными защитниками советских рубежей.

Богатая литература, прославляющая Красную армию, пограничные войска и КГБ с акцентированием внимания на славных традициях «наших храбрых чекистов» и «железного Феликса», не менее показательна.

В декабре 1980 г. советские средства массовой информации особенно широко сообщали о нескольких партийных конференциях КГБ и пограничных войск Закавказского и Среднеазиатского военных округов. В этих конференциях принимали участие высшие партийные руководители, руководство КГБ и старший командный состав Советской Армии.¹² Особенно подчеркивалась необходимость «повышать бдительность и боевую готовность наших частей, чтобы обеспечить нерушимость наших границ»,¹⁴ и «срывать маски с чуждой идеологии», прикрывающей агрессивную политику «империализма и маоизма».¹⁵

Особенно многозначительным было торжественное пра-

12. «Красная звезда» от 20 декабря 1980 — о партийной конференции среднеазиатских пограничных войск, которая состоялась в Ашхабаде 19 декабря 1980; «Заря востока» (Тбилиси) от 13 декабря 1980 — о партийной конференции закавказских пограничных войск, состоявшейся в Тбилиси 13 декабря 1980; «Казахстанская правда» (Алма-Ата) от 24 декабря 1980 — о партийной конференции Восточного пограничья, состоявшейся в Алма-Ате 23 декабря 1981 г.

13. «Заря востока», 13 декабря 1980.

14. «Красная звезда», 20 декабря 1980.

15. «Казахстанская правда», 24 декабря 1980.

здование 60-летия КГБ Азербайджана, состоявшееся 23 декабря 1980 г. в Баку. Возглавлял это мероприятие Гейдар Алиев, тогда первый секретарь ЦК компартии Азербайджана (в прошлом генерал КГБ, а ныне член Политбюро ЦК КПСС и первый заместитель председателя Совета Министров СССР). В своем докладе он восхвалял «славный путь азербайджанского КГБ» и «славные чекистские традиции: безграничную преданность, отвагу, моральную чистоту и непримиримость в борьбе против врагов революции.»¹⁶

Фактически общий стиль работы среднеазиатских и закавказских средств массовой информации в последнее время очень изменился. В 1970-х годах они преимущественно подчеркивали классическую тему «ленинской дружбы» между национальными меньшинствами и русскими. Теперь же внимание акцентируется на способности центра — т. е. русских — поддерживать порядок на окраинах и успешно ликвидировать различные местные и иностранные подрывные элементы.

С начала оккупации Афганистана очень популярной стала одна тема — судьба басмачей, среднеазиатских повстанцев, которые сопротивлялись русскому повторному завоеванию Средней Азии в 1920-х годах. В прошлом на эту тему было наложено табу. Сейчас же вышло несколько больших исследований, посвященных этому явлению. Басмачи часто упоминаются в воспоминаниях, исторических исследованиях и романах на языках народов Средней Азии. В основном изображение басмачей во всех этих книгах имеет мало общего с исторической реальностью. Особое внимание к басмачеству и новая трактовка этого явления имеют чисто политическое значение — делается это все для мусульман Средней Азии и русских, принимающих участие в афганской войне.

В современной советской литературе постоянно выделяются два аспекта борьбы с басмачами в 1920-х годах. Во-первых — утверждается, что басмачество было сильным движением прежде всего потому, что получало широкую помощь извне, что подлинным организатором и вдохновителем движения басмачей был англо-американский им-

16. «Бакинский рабочий», 25 декабря 1980.

периализм, оснащавший басмаческие «банды» оружием, техникой, деньгами, советниками, даже обмундированием.¹⁷ Во-вторых — продолжительность басмаческого движения (по некоторым оценкам басмачи действовали против русских чуть ли не до середины 1930-х годов, хотя почти все сходятся в том, что активность их действий уменьшилась в конце 1920-х годов) объясняется лишь тем, что Советский Союз был в то время совсем слабым. Это утверждение демонстрирует гибкость советской исторической науки, которая в 1920-х годах стояла совершенно на противоположных позициях, т. е. уверяла всех в быстрой советской победе.

Смысл такого подхода к вопросу о басмачах — довольно прозрачен. Мусульманам Средней Азии власти как бы говорят: «Мы вас били раньше и, если будет нужно, побьем снова». Для русских смысл этого обращения несколько иной: «В 1920-х годах, когда советская власть была еще совсем слабая, мы победили сильное и хорошо организованное восстание, поддерживаемое могущественными силами извне. Сегодня советская армия — сильнейшая в мире, и она, очевидно, подавит афганское восстание. Упадок басмаческого движения был исторически предопределен — такой же конец неминуемо ожидает и афганских бунтовщиков.»¹⁸ Вопрос о басмачах все чаще прямо связывают с войной в Афганистане. Например в статье, опубликованной в газете «Коммунист Таджикистана (13 января 1982 г.) и озаглавленной «Басмачество — уроки истории», автор поясняет, что задолго до партизанской войны в Афганистане Советский Союз в борьбе с басмачами уже преподал врагам серьезный исторический урок. Р. Масов (автор статьи) также намекает, что афганская война будет продолжаться еще какое-то время — ведь для того, чтобы управиться с басмачами, тоже потребовалось время.

Советская власть внимательно следит за тем, чтобы события в Иране и Афганистане не стимулировали среди мусульман в Советском Союзе антирусского или про-исламского национализма. Опять же: любое, очевидно

17. Б. Тулепаев, рецензия в газете «Правда» (19 января, 1982) на новую книгу о басмачах А. Зевелева, Ю. Полякова и А. Чугунова «Басмачество, возникновение, сущность, крах» (Москва, 1981).

18. Б. Тулепаев.

нежелательное, усиление националистических настроений в Средней Азии советский режим рассматривает как следствие иностранной пропаганды и деятельности агентов. Выразительнее всего высказалась по этому поводу О.С. Реджепова, высокопоставленный руководитель компартии Туркмении. В статье, опубликованной в «Известиях Академии Наук Туркменской ССР» (апрель 1981 г.), Реджепова подвергла острой критике работы некоторых западных ученых, после чего признала, что большая и хорошо вышколенная армия идеологических диверсантов, оснащенных новейшей техникой, используется в холодной войне, которую ведут империалисты против СССР. Она признала, что нельзя недооценивать ни этой реакционной силы, ни ее способности влиять на сердца и умы советских людей. На интеллигенцию, по мнению Реджеповой, возлагается особая ответственность в этой борьбе против вражеской идеологии и пропаганды. И не только потому, что ее долг перед народом и партией — срывать маски с фальшивой, клеветнической буржуазной пропаганды, но также и потому, что интеллигенция является одним из главных объектов идеологических маневров империалистов. «Именно среди наших интеллектуалов наши враги ищут потенциальных диссидентов...»¹⁹

Другие предостережения перекликаются с предупреждениями Реджеповой. Все они отличаются откровенностью в признании того, что националистические идеи имеют большую притягательную силу у среднеазиатских народов, а особенно у местной интеллигенции. Например, К. Назиров в своей публикации в «Коммунисте Таджикистана» (5 января 1982 г.) пишет о деятельности империалистов в Средней Азии, основной целью которой является натравливание друг на друга русских и местных жителей. Наиболее опасными врагами он считает такие институции, как радио «Свобода», Русский исследовательский центр при Гарвардском Университете и Русский институт при Колумбийском университете, а также Терезу Раковску-Гармстон из Карлтонского универси-

19. О. С. Реджепова, Национализм — идеологическое оружие империалистической диверсии, «Известия Академии Наук Туркменской ССР. Серия общественных наук», Ашхабад, 1981, 4, стр. 15.

тета в Оттаве. Назиров пишет: «Мы не можем недооценивать ни идеологической силы мировой буржуазии, ни ее способности влиять на советские республики. Идеологические мифы империалистов могут быть очень опасны.» М. Узбеков в газете «Правда Востока» (1 января 1982 г.) добавляет к списку идеологических диверсантов Би-Би-Си, «Голос Америки», Институт исследования ислама в Пакистане, а также организацию в Джаккарте под названием «Турки за освобождение Туркестана». Опять же некий И. Аносликин в газетах «Правда Востока» (7 января 1982 г.), «Советская Киргизия» (17 января 1982 г.) осуждает попытки «империалистов» и местных националистов воскресить «местничество» и идеализацию «прошлых и реакционных традиций и обычаев».

Предостережения против «империалистической подрывной деятельности» и возрождения национализма особенно многочисленны в трех республиках, граничащих с Ираном и Афганистаном — в Туркмении, Таджикистане и Азербайджане. Они свидетельствуют о некотором беспокойстве советских в связи с конкретной угрозой — угрозой влияния на население этих республик событий на клочковатом Ближнем Востоке. Рано еще судить, является ли это опасение обоснованным.

«Религиозный терроризм»

По свидетельству советских граждан, посещающих Запад, информация о террористической деятельности и о судебных процессах т.н. «религиозных фанатиков» регулярно появляется в местной среднеазиатской прессе, т.е. в органах печати, которые недоступны западным исследователям. Большая часть этих материалов перепечатывается в разных антирелигиозных брошюрах, выходящих в мусульманских республиках. Именно они являются главным источником нашей информации о «религиозном терроризме».

Наиболее известный террористический акт — успешное покушение 4 декабря 1980 г. на жизнь Султана Ибрагимова, Председателя Совета Министров Киргизской ССР, совершенное на курорте в Ферганской долине. Об этом убийстве было кратко сообщено в «Правде» от 5 декабря, без каких-либо комментариев (если не считать того, что было

сказано, что министр *погиб* возрасте 54-х лет). Не следовало ни каких-либо пояснений, ни сообщений об аресте убийцы. Однако, по словам должностного лица, говорившего по телефону с корреспондентом АФП, «убийство имело политические мотивы». «Это была провокация перед открытием XXVI съезда КПСС.»²⁰ Западные журналисты в Москве передавали: «Неофициальные сообщения из Москвы дают иное, более правдоподобное объяснение — Султан Ибрагимов был вероятно убит мусульманскими националистами.»²¹

Со времени войны нам ничего не известно о каких-либо волнениях среди мусульманских националистов в Киргизии. Поэтому очень мало вероятно, чтобы какая-то подпольная политическая группа была ответственна за покушение на жизнь высокопоставленного члена партии. С другой же стороны, в киргизской прессе есть довольно много информации о «преступных» религиозных организациях,²² приверженцы которых должны были бы нести ответственность за убийство.

Такой организацией является суфийское братство «Волосатых ишанов» (Чачтуу Ешандер — по-киргизски), диссидентское ответвление мистического братства *Ясавия тарика*,²³ основанного в конце 1920-х годов в восточной, киргизской части Ферганской долины, и распространившегося на узбекскую и таджикскую территории. Братство практиковало *зикр*²⁴ с экстатическими песнями и танцами. Советские источники информации обвиняли «Волосатых

20. AFP, Москва, 5 декабря 1980, FDIS-Sov., 80/237, 8 декабря 1980.

21. «Economist» (Лондон), 17-23 января 1981.

22. Сатыбалды Мамбеталиев, «Пережитки некоторых мусульманских течений в Киргизии и их история» (Фрунзе, 1969); его же, «Суфизм жана анинг Киргизистангаги агимдари» (Фрунзе, 1972, на киргизском языке); сборник документов, опубликованный Центральным архивным отделом Киргизской ССР, «Против религиозного обмана и мракобесия» (Фрунзе, 1970).

23. Братство было основано в 12 ст. поэтом-мистиком Ахмедом Ясави. Его могила в городе Туркестан — одно из самых почитаемых мест в Средней Азии.

24. Совместные молитвы (как тихие, так и в полный голос, с песнями и танцами), которые являются основными элементами ритуала *суфи*.

ишанов» в антисоветской деятельности и тесном сотрудничестве с басмачами. После 1928 года братство ушло в подполье, но оно было «разоблачено» в 1935–36 гг. и, согласно советским источникам, частично «ликвидированно». ²⁵»

Тарику «наново открыли» в 1959–60 годах. Тогда арестовали нескольких предводителей братства, которые были отданы под суд и приговорены к ссылке. Членов братства обвинили в активной подрывной деятельности, в «подготовке свержения советской системы» и замены ее теократическим режимом *мусульманабадом*. ²⁶ Участники *тарики* отказывались платить налоги, не посылали своих детей в советские школы, старались избежать воинской повинности и активно вели антисоветскую пропаганду.

И все же братство выжило. Как это отметил один киргизский специалист Мамбеталиев: «Невозможно одним ударом уничтожить секту с таким большим опытом подпольной деятельности». После 1963 года братство стало тайным сообществом, участники которого практикуют *такию* — официальное право на отступничество. ²⁷

В январе 1981 года советская пресса подала еще одну необычную информацию о мусульманском религиозном терроризме — на этот раз на Северном Кавказе. Информация эта содержалась в статье некоего Дмитрия Безуглого, редактора журнала «Грозненский рабочий» (г. Грозный, Чечено-Ингушская АССР), в московском периодическом издании «Журналист». Автор, вероятно большой чин КГБ, так описывает давление создаваемое «реакционными сектантами» на население Чечено-Ингушской республики:

«Значительная часть населения нашей республики находится под сильным влиянием мусульманской религии. Некоторые церковники и сектанты, используя переплетения

25. Сатыбалды Мамбеталиев, Суфизм..., стр. 47–52, цитируя газету Правда Востока от 24, 25, 26 октября и 5 ноября 1935 г.

26. «Против религиозного обмана...», сс. 159–165. В этой книге приведены документы касающиеся судебного процесса проповедников секты, который состоялся 10–12 августа 1963 г. в Ажелалабаде; см. также С. Мамбеталиев, «Перезжитки...», сс. 38–39.

27. «Перезжитки...», сс. 38–39. *Такия* — законное право на отступничество, которое традиционно практиковали шииты, жившие во враждебной среде суннитов.

различных религиозных и национальных чувств, разжигают фанатизм и ненависть к чужим. Находясь под влиянием т. н. «религиозной власти» (общепринятое на Северном Кавказе название руководителей братства *суфи* — А. Б.), фанатики запугивают и преследуют русских учителей и других представителей нашей интеллигенции.»

Чтобы проиллюстрировать это давление, Безуглый приводит поразительный пример религиозного терроризма:

«Несколько лет назад войска МВД убили „фашиста“ — одного из тех предателей, что во время последней войны пытался вонзить нож в спину советской власти. Этот бандит, Хасаки Магомедов, убил 40 коммунистов, советских активистов и комсомольцев. „Грозненский рабочий“ рассказал об этом в статье под названием „В тени Корана“ (бандит носил на груди миниатюрный Коран) и поставил такой вопрос: „Как могло случиться, чтобы гитлеровский бандит мог выжить в течение 30 лет... сая смерть и террор?“ Немало людей знало о бандите, но его прятали, т. к. было бы позорным нарушением традиционного гостеприимства горцев — 'выдать кого-либо' власти, даже убийцу.»²⁸

Действия этого абрека,²⁹ который несмотря на свой преклонный возраст, терроризировал край около сорока лет, были возможны только благодаря религиозным обычаям, бытующим в Чечено-Ингушетии. Приверженцы суфизма играли важную роль в восстаниях в Чечнев в 1941-43 гг. (следствием этих событий была высылка всего населения в феврале 1944 г. и ликвидация республики как административной единицы).³⁰ Особенно активной в это время была *тарики* Батал Гаджи — ветвь *тарики* Кадирия³¹, которая была

28. Дмитрий Безуглый, С позиции бойца, «Журналист», 1981, N 1, сс. 46-48. (обратный перевод с английского).

29. Абрек — «честный разбойник» — традиционная фигура на Северном Кавказе, особенно популярна в Дагестане и в Чечено-Ингушетии. При царской власти абреки были часто религиозными проповедниками, шейхами суфийских тарик.

30. О восстании 1941-43 годов писали: А. Авторханов, Народоубийство в СССР — Народоубийство чеченского народа (Мюнхен, 1952); Patrik von der Muhlen, Zwischen Hackenkreuz und Sowjetsterne - Der Nationalismus der Sowjetischen Orient - Völker im Zweiten Weltkrieg.

31. Кадирия — орден, основанный в Багдаде в 12 ст. Абдулл

основана в конце 19 ст. Батал Гаджи Белгороевым.³² Этот радикальный орден суфи, центр которого и теперь существует в районе Назрана, в горах Ингушетии, со времени своего основания вступил в «священную войну» с русскими. Во время восстания 1941-43 годов во главе ордена стоял Курейш Белгороев, последний сын основателя братства. После поражения восстания Белгороев продолжал оказывать сопротивление в горах до тех пор, пока не был схвачен войсками МВД в 1947 году. Осужденный на 10 лет ссылки в Сибирь и освобожденный в 1957 г., он возвратился в Чечню и, если верить советским источникам, «тотчас же возобновил свою преступную деятельность».³³ Белгороев умер в 1966 г., но его братство, хотя и находится вне закона и преследуется, все еще очень активное. Оно часто упоминается в кавказской прессе как «бандитский суфийский орден». *Тарика* имеет свои собственные уголовные суды, собственный бюджет, сеть школ Корана, тайный дом молитвы и даже, если верить советским источникам, собственную группу самообороны.

Все это наводит на мысль, что абрек, описанный Дмитрием Безуглым, был членом *тарики* Батал Гаджи. Тот факт, что население предоставляло ему убежище, объясняется скорее не средневековой традицией гостеприимства, а много более сильной религиозной солидарностью. Создается впечатление, что статья в «Журналисте», как и другие такие же призывы к борьбе с религиозным фанатизмом, — это всего лишь психологическая подготовка к более серьезной и

Кадир-аль-Жилани, распространил на Северном Кавказе в конце 1850-х годов кумик Кунта Гаджи Кишиев, который умер в Сибири в 1867 г. После его смерти *тарика* разделилась на несколько ветвей (*вирд*), среди которых орден Батан Гаджи был наиболее пуританским и ксенофобским. Члены этого вышеуказанного ордена принимали участие во всех антисоветских восстаниях на Северном Кавказе после 1920 г. Между 1928 и 1936 гг. девять сыновей и семь внуков Батала Гаджи Белгороева, основателя братства, были убиты в боях или казнены советскими.

32. Об этом братстве см. Гусаин Мамлеев, «Реакционная сущность юридиказма» (Грозный, 1970); его же, «Некоторые особенности ислама в Чечено-Ингушетии» (Грозный, 1970); А. Тутаев, «Реакционная секта Батал Гаджи» (Грозный, 1968), и М. М. Мустафинов, «Зикризм и его социальная сущность» (Грозный, 1971).

33. А. Тутаев, стр. 8.

сильной атаке на «параллельный ислам». Различные братства *суфи*, по-видимому всерьез угрожают спокойствию в советских мусульманских республиках. Эту угрозу советская пресса все чаще вынуждена признавать. Непонятно, действительно ли возросла активность *суфи* или только усилилось внимание к ней со стороны советских властей, в связи с нынешними событиями в Иране и Афганистане. Но и в том и в другом случае возрождение интереса к суфизму в Советском Союзе заслуживает внимания.

Народнические тенденции среди мусульманской интеллигенции в СССР

В советской Средней Азии продолжается общая эволюция советского ислама в направлении *мирасизма* — возрождения дореволюционного национального наследия. Этой эволюции способствует во многом журнал официального мусульманского «истеблишмента» в СССР «Мусульмане советского Востока». Журнал идет в авангарде реабилитации *джадидов* — модернистов-реформаторов XIX в. В 1981 году в процессе эволюции в сторону *мирасизма* замечены некоторые новые элементы. Они могут остаться незначительным явлением, без каких-либо серьезных последствий, но могут быть и свидетельством перемен в национальном самосознании элиты — перемен, с которых начнется новая глава в истории мусульманского национализма в СССР. Наши знания о народнических тенденциях, к сожалению, очень поверхностны, т. к. они базируются в основном лишь на личных контактах с зарубежными мусульманами, а не на письменных источниках.

До недавнего времени движение *мирас* занималось главным образом повторным открытием великих предков: властителей, ученых, поэтов, религиозных философов и др. Ныне оно все больше интересуется революционным простым «людом» — *халк*, или точнее «бедным людом» — *кара халк*, который должен быть более тесно связанным с национальными традициями, чем русифицированная «прозападная» элита. Эта новая заинтересованность в «простолюдине» особенно сильна среди молодого поколения интеллигенции, в том числе и среди молодых членов партии.

Такой сдвиг не является чем-то беспрецедентным — это отрыв от «истеблишмента» недовольных элементов. Действительно, таких примеров множество почти во всех обществах, не исключая русское, где в середине XIX века родилось «хождение в народ» — движение молодых русских дворян и интеллигентов. Но в Средней Азии такое движение очень опасно. Это нечто большее, чем просто проявление неудовлетворенности и временная оппозиция нормам коммунистической жизни. Это одновременно и проявление скрытого национализма. Не следует забывать, что именно *халк*, а не элита, оказывал сопротивление русскому завоеванию в XIX в., установлению русского господства. С ним связано движение Шамиля на Кавказе, восстание кочевых племен в Средней Азии в 1916 г., басмаческое движение, восстание в 1920-23 годах в Дагестане, Чечне и др.

Усиление китайского давления

Усилением китайской антирусской пропаганды в связи с развитием недавних событий в Центральной Азии, объясняются оборонительные меры советского режима по отношению к исламу. С 1980 года китайское правительство начало осторожно следовать советской практике использования религиозных проповедников в качестве пропагандистов и послов. Впервые китайские мусульманские духовные лица появились в зарубежном мусульманском мире. В январе 1981 года Салиг ан-Шинвей, имам мечети «Донгси» в Пекине, был приглашен в Пакистан и стал одним из 12 членов Исполнительного комитета Исламского координационного совета Мусульманской Лиги. Первым его делом было выступление с резкими нападками на «советский империализм» и выражением глубокой озабоченности убийством мусульман в Афганистане. Он призвал требовать вывода советских войск из Афганистана.

Безусловно, еще рано рассчитывать на возможное влияние новой происламской политики Китая на Среднюю Азию. Но похоже, что советский режим относится к возможности такого влияния вполне серьезно. И это наглядно выражено в возросшем числе антикитайских статей и радиопередач в Средней Азии. Интересно было бы знать,

способны ли китайцы играть роль «лучших друзей ислама», и не окажутся ли они, в большей мере чем русские, подготовленными к использованию ислама в своих далекоидущих целях. В Китае ислам для многих чуть ли не «национальное вероисповедание» (половина мусульман в Китае — это этнические китайцы), в то время как для русских он всегда был и по сей день остается враждебным и чужеродным явлением.³⁴

Выводы

Поскольку наше знание проблемы пока еще ограничено, было бы рискованно делать какие-то окончательные выводы. И все таки есть достаточно свидетельств того, что советское руководство считает первые признаки кризиса на Ближнем и Среднем Востоке настолько опасным, что полагает необходимым принять серьезные меры для изоляции и защиты своих мусульманских территорий от чуждого влияния. Возникает вопрос, возможен ли «железный занавес» (или, может быть «железный ковер») в условиях дестабилизации Ближнего Востока? Похоже на то, что советское руководство заново определяет свое отношение к мусульманским учреждениям и к самому факту существования ислама в советском государстве. Если всерьез принимать собственные ссылки советских на усиление активности различных «подрывных элементов», религиозных террористов и других «фанатиков», а также тех молодых людей, что вновь открывают свои мусульманские корни, то логично сделать вывод: любая попытка изоляции советских мусульман от остального мира (или даже только от событий в Иране и Афганистане) представляется очень сложным делом. От того, насколько советскому режиму удастся справиться с этим заданием, будет зависеть будущее Советского Союза.

34. В 1980 г. американский посетитель насчитал около 100 «действующих» мечетей в относительно скромном городе Турфан, тогда как в Бухаре, одном из наиболее престижных исторических центров ислама, есть лишь две мечети. Ташкент четвертый по величине город СССР, имеет только 12 «действующих» мечетей. В 1980 г. китайское правительство восстановило арабскую письменность для уйгурского и казахского языков на территории Синдзяна (вместо латинского алфавита, которым пользовались с 1973 г.).

ЦЫГАНЕ*

По названию «цыгане» многие европейцы сразу узнают одну и ту же хорошо известную экзотическую народность. Так называют ее, конечно, соответственно особенностям своего языка все славяне, румыны, венгры, немцы, французы и др. Турки тоже употребляют этот этноним. Но в других местах эту народность называют или не совсем так, или совсем не так. В Италии, например, цыгане уже *zingaros*, в Испании и в Южной Франции — *gitanos*; у французов есть и еще одно название *bohémiens* т. е. «богемцы». Для англичан цыгане — *gypsy*, для современных греков — *giphtoi*, что в обоих случаях значит просто «египтяне». Египетский след ведет и к другому венгерскому названию цыган — «*fharae*» («народ фараона»). Подобные названия или прозвища давали цыганам и в других местах: бессарабских цыган называют «лаеши»; крымских — «кельмеши». У финнов есть для этой народности этноним *nustalaiset*, т. е. «черные», у голландцев — *heydens* — «язычники», а вот шведы и датчане называли цыган татарами. Очень пестры и азиатские этнонимы цыган. Для иллюстрации вот такой ряд этнонимов: «карбут», «поша», «дзат», «карачи», «лули(лури)» и др. — на просторах Ближнего Востока; «боша» — армянское название; «джат» — афганское; «белуджи», «мезанг», «ага» — среднеазиатские. Америка знает цыган как «колдераров», «ловаров». Все вышеприведенные этнонимы распространены лишь на определенной территории, пусть и значительной, и цыгане, проживая на этой территории, могут и не догадываться о том, как их называют в других местах. В эти этнонимы разные народы вкладывали свое представление о цыганах, в частности об их происхо-

* На украинском языке работа историка и юриста Евгена Крамара. опубликована в книге «Дослідження з історії України» (изд. «Смолоскип» Торонто-Балтимор, 1984 г.). Перевод печатается с незначительными сокращениями.

ждении. Возьмем этноним «цыгане». Некоторые связывают его с гомеровскими синтами. В прошлом некоторые исследователи полагали, что происхождение этого названия связано с дунайскими синами, о которых писал Геродот (V в. до н. э.) и которые сами себя считали выходцами из Мидии (Азия). Довольно распространено мнение о происхождении названия «цыгане» от греческого *Atsinkonos* (*Athinganos*) — так в средневековье назывались жители определенной местности в Малой Азии. По убеждению византийцев, именно оттуда вышли цыгане, поэтому они и дали им такое название. В тогдашней Византийской империи официальным языком был греческий, однако греки, как уже было сказано, сохранили «египетское» название цыган, которое, кстати, может происходить и от названия горы *Гур* в Пелопоннесе, где была цыганская колония. Получилось, что через Византию название «цыгане» усвоили другие народы.

Происхождение «египетских» названий цыган связано с предположением, что цыгане пришли в Европу из Египта. Наверное, одна из первых цыганских ватаг прикочевала во Францию из Богемии (Чехия) — отсюда «богемцы».

Финское название этимологически прозрачно — от цвета кожи и волос цыган; голландское — из представления об их религии; шведы и датчане либо просто отождествляли цыган с татарами, либо считали их выходцами из татарских краев. А вот — азиатские «дзат (джат)». В Индии и сейчас живет народность с таким названием и к тому же во многом подобная цыганам — возможно, это результат какого-то уподобления или отождествления. Сами же цыгане во всем мире, на множестве своих диалектов называют себя «рома» (в единственном числе — «ром*») или реже — «мануш», что значит «люди».

Для европейцев цыгане долгое время были загадкой, не все о них известно и сейчас, особенно широкой публике. Следовательно стоит коснуться вопросов: кто такие цыгане? откуда, когда, почему и как расселились по миру? каково их этнографическое лицо? и т. д. Цель этой статьи как раз и состоит в том, чтобы на основании существующей литерату-

* В некоторых местах произносится как «лом».

ры и некоторых других материалов дать более-менее удовлетворительный ответ на эти вопросы¹

Ныне цыгане живут во всех частях света: в Европе чуть ли не повсюду, в Азии и Африке — во многих странах. В XIX в. незначительная часть их переселилась в Америку и Австралию. Трудно назвать общую численность цыган в мире; приводят очень широкой диапазон данных: от 2,5 до 8 и даже до 10-12 млн.² По численности цыганского населения первое место принадлежит Болгарии, затем следуют СССР, Румыния, Чехословакия, Югославия, Венгрия, Испания и др. По переписи 1979 г. в СССР проживало 209 159 цыган³; из них на Украине — 34,411, в том числе в Закарпатской области — 5 586.**

Как и в других краях, на Украине издавна заметен цыганский след. Они присутствуют в веренице украинских народных песен, сказок, поговорок, анекдотов. К цыганской тематике обращались такие писатели как С. Воробкевич, С. Руданский, М. Старицкий и другие.

Понятие «цыган» входит в состав поэтической бижутерии «вечер-цыган, ночь-цыганка» и т. п.

Но все это никак не монополия только украинцев. Цыганская тематика есть в произведениях писателей Сервантеса, Гюго, Мериме, Пушкина, Горького, композиторов Листа, Гайдна, Брамса, Рахманинова и т. д. Под влиянием цыганской музыки или музыкантов-цыган возникли даже особые стили: в Испании — фламенго, в Венгрии — вербункоши, а в России, с распространением и на Украину, — цыганский романс. Цыганская тематика отражена и в других жанрах искусства. Все это свидетельствует о давнем и близком знакомстве с цыганами.

1. См. А. В. Герман, Библиография о цыганах, М., 1930; *A Gypsy bibliography*, Ann Arbor, (Michigan) 1971.

2. Большая советская энциклопедия (БСЭ), изд. 3, т. 28, стр. 607.

3. «Вестник статистики», 1980, N 7.

** В этом же официальном источнике количество цыган на Украине не указано, что объясняется и их рассеянием, и соответствующими статистическими правилами. Указанные цифры взяты из служебных статистических материалов.

Когда же именно Европа познакомилась с ними? Если упомянутые Atsinkonos (Athinganos) на самом деле цыгане, то о них сказано в византийских хрониках IX века. Так или иначе, но раньше всего в Европе цыгане появились именно в пределах Византийской империи. Приблизительно в 20-х гг. XIV века они уже были на острове Крит, в 1370 г.— на территории нынешней Румынии (первое упоминание о них, конечно, могло не совпадать с их фактическим появлением). Чешские хронисты заметили цыган в 1416 г. В следующем году большая цыганская ватага с вождями Синделем («царем»), Михали, Андраши и Пануэлем («герцогами») из нынешней Румынии прибыла в Венгрию, откуда цыгане рассеялись по другим частям Европы. Поэтому в литературе расселение цыган по Европе нередко датируется 1417 годом, что неправильно. Затем цыгане прибывают в Италию (1422 г.), во Францию (1427 г.), в Эльзас (нынешняя северо-восточная Франция — 1530 г.), в Англию (1430 г.), в Испанию (1447 г.). В XV веке цыгане попали в Польшу и Литву, а потом и в Россию. По-видимому, позже всего они прибыли в Швецию (1512 г.). Что касается Украины, то следует иметь в виду, что значительная часть ее земель в XV веке входила в состав различных государств: Польши, Литвы, Венгрии, Молдавии. Поэтому появление цыган на украинских землях связано с их появлением в этих странах. Раньше всего цыгане должны были появиться в украинской части бывшей Бессарабии, Северной Буковине и Закарпатье. Наиболее древнее письменное упоминание о цыганах в Польше относится к 1501 г., хотя фактически, конечно, цыгане там (в том числе и на принадлежавших Польше украинских землях) жили и раньше. В том, что это было именно так, убеждает первое письменное упоминание о цыганах в Литовском Великом Княжестве (1501 г.). Великий князь Ягеллончик издал указ, которым утвердил цыганского войта, какого-то Василя, и дал цыганам в Великом Княжестве определенный статус «согласно давним правам», предоставленным предыдущими князьями. Отсюда вывод: цыгане жили в Литовском государстве, и прежде всего на украинских его землях, значительно раньше. Во времена массового расселения цыган по Европе Украина соседствовала и тесно контактировала с землями нынешней Румынии и в частности с молдавским княжеством, где

издавна жили цыгане. В XIV в. цыгане не раз упоминаются в молдавских грамотах, написанных на тогдашнем украинском языке.⁴ И оттуда же и тогда же пришли цыгане на Украину, откуда распространились и по Литве, Польше, России (хотя в эти государства цыгане прибывали и другими путями). Вполне возможно, что какая-то часть украинских цыган прикочевала и из Сербии, т. к. русские цыгане называли украинских также и *servi*, т. е. сербами. Всюду в Европе цыган сначала принимали радушно, за них даже вступались Папы и монархи, поскольку цыгане из конъюнктурных соображений выдавали себя за изгнанных из Египта или откуда-то еще христианских пилигримов. В 1423 г. император Священной Римской империи Сигизмунд I в своем указе назвал цыган верноподданными и распорядился, чтобы цыганскому воеводе Владиславу было оказано в империи всяческое содействие. Однако очень скоро отношение к цыганам резко изменилось. В 1453 г. во Франции их ограничили в правах, а в 1461 г. издали бесчеловечный закон, на основании которого за цыганами охотились как за зверями, не взирая ни на пол, ни на возраст. В 1492 г. цыган изгнали из Испании, обвинив их в незаконных связях с арабами. Наверное, это не дало желаемого результата, потому что через 7 лет их обязали в течение 60 дней поселиться в городах под страхом повторного выселения, а в 1633 г. в Испании вообще запретили цыганам называться своим именем (этнонимом) и говорить на своем языке.

Выгоняли цыган также и другие страны: Швейцария (1510 г.), Англия (1531 г.), Голландия (1545 г.), немецкие государства (1577 г.). Из Германии после этого значительная часть цыган перекочевала в Польшу, Литву. В Польше готовы были в 1551 г. выгнать цыган при условии, что и соседняя Чехия поступит так же. А в 1557 г. польский сейм признал цыган совсем ненужными и постановил выгнать их из страны и в дальнейшем не принимать, однако через 8 лет он вновь вернулся к этому делу в том же плане. В 1578 г. сейм учредил наказание для тех, кто давал цыганам приют, от этого указа очень пострадало Подляское воеводство, где скапливалось

4. Украинские грамоты XV в., Киев, 1965, стр. 89, 102, 107; Словарь староукраинского языка XIV-XV в., т. 2, К., 1978, — «цыганин» и т. д.

много цыган. В 1607 г. шляхта названного воеводства специально просит освободить воеводство от таких разорительных взысканий, что и было сделано, однако старостам приказали и в дальнейшем выгонять цыган.

В литовском Великом Княжестве положение цыган было вначале лучше (в 1569 г. Литва и Польша объединились в одно государство — Речь Посполитую). Согласно 2-му Литовскому статуту (1579 г.) изгонялись лишь цыгане-воры и шпионы; все цыгане освобождались от военной службы, а нищие — от налогов. Однако в 3-м Литовском статуте 1588 г. было распоряжение об изгнании цыган из Великого Княжества, а значит и из принадлежавших ему украинских земель. Конституции сеймов 1589 и 1590 гг. обложили цыган налогом. Но одни только законодательные меры мало что давали, и потому в Речи Посполитой старались влиять на цыган через их вождей. В Европе эти вожди присваивали себе разные названия, соответствующие европейским титулам: король, герцог, воевода, комес, дука, рыцарь. Они избирались на общих цыганских собраниях или их предлагала община, а администрация утверждала. В компетенцию этих вождей входило представительство цыганского общества перед администрацией той или иной страны, сбор податей с цыган в пользу государства, решение разных внутренних дел. В случае злоупотребления властью цыгане могли свергнуть своего руководителя и наказать его унижительной поркой. На территории Речи Посполитой цыганами верховодили цыганские короли (названия «король» по отношению к ним придерживалось и правительство). Известно несколько таких королей в XVIII в.: Урзулецкий, Я. Троцинский, Ф. Богуславский, которых назначал польский король Август II. В Литовском Великом Княжестве много цыган было во владениях князей Радзивиллов, они и назначали своих королей с резиденцией в белорусском городе Мыре — Стефановича (ум. в 1778 г.), Марцинкевича (ум. в 1790 г.), его сына. В иных городах Великого Княжества были другие цыганские короли: Знамеровский (ум. в 1795 г.), Милосцинский. Цыганские короли и на самом деле хотели жить по-королевски. Например, Марцинкевич окружил себя роскошью, почестями, ритуалом и т.д. Место цыганских королей иногда занимали и не цыгане, а польские или

литовские дворяне. В 1789 г. цыгане подняли против своего короля Знамеровского бунт, вызванный его злоупотреблениями; бунт завершился традиционной поркой короля.

Некоторые из названных цыганских королей оставили Речь Посполитую: сын Марцинкевича подался в Мултену, подвластную Турции территорию Румынии; в Турцию перекочевал с цыганской ватагой и Милосцинский.

Институт цыганских королей был известен и в той части Украины, что входила в состав Речи Посполитой (с 1654 г., Левобережная часть Украины вошла в состав Русского государства). На Подолии, например, бытует поговорка: «Седой, как цыганский король». Поговорка подсказывает, что эти короли должны были назначаться из пожилых особ.

В конце XVII в., т. е. в конце своего существования, Речь Посполитая пыталась приобщить цыган к оседлой жизни. В 1791 г. им определили один год для поселения на постоянных местах, но это дело продвигалось очень медленно, а в 1795 г. Речь Посполитая вообще прекратила свое существование и значительная часть украинских земель перешла во владения Российской империи.

Что касается России, то в ней жили цыгане уже в XVI в., однако документальные свидетельства о них являются более поздними. В 1733 г. засвидетельствовано, что им позволено селиться в прибалтийской части империи. В первой половине XVIII в. практиковали приписывать цыган к воинским частям, в пользу которых они платили налоги. В том же году на содержание Изюмского и Ахтырского полков (Слободская Украина — там полк был и административной единицей) дополнительно шли также и сборы с цыган. На Левобережной Украине (Гетманщине) в соответствии с существующим административно-территориальным делением цыгане делились на 10 полков, во главе которых стояли цыганские атаманы. Сбор налогов с цыган поручался откупщику, он же назначал цыганского атамана. Откупщики нередко злоупотребляли своими полномочиями, о чем свидетельствует, например, жалоба цыган на откупщика-цыгана Миненко, которую рассматривал Сенат. Откупная система налогов относительно цыган была упразднена в 1757 г., после чего каждого из них обложили ежегодным налогом в 70 копеек, а цыганских атаманов стала назначать Генеральная военная

канцелярия, которая была центральным учреждением гетманского правительства на Левобережной Украине.

С оседлостью цыган в России, как и везде, дело обстояло плохо. Вот пример: в 1763 г. в Белгородской губернии было 4.471 цыган, но лишь 11 пожелали перейти к оседлости. Правительство всячески пресекало цыганское бродяжничество. В 1765 г. цыганам приказали выбрать постоянное место проживания, в 1783 г. их обложили 3-х рублевой подушной податью — по правовому статусу цыган приравнивали к государственным крестьянам. Было предложено предоставлять им для поселения хорошие места и запретить кочевать. По указу от 1792 г. цыгане Екатеринославщины (Украина) должны были приписаться к разным государственным ведомствам (им не запрещали приписываться в разные цеха и в мещане). Последующее законодательство Российской империи относительно цыган было направлено прежде всего на то, чтобы выкорчевать традиционное кочевничество и в дальнейшем закрепить их. В 1800 г. оседлые цыгане-земледельцы на 4 года освобождались от рекрутской повинности и налогов. Через 2 года Сенат распорядился разделить цыган на мелкие группы, поселить их на государственных землях, запретить выдавать им паспорта для выезда. 1809-й год вновь был отмечен мерами против бродяжничества цыган. Через два года решили: до 1812 года завершить приписку цыган, а с неприписанными поступать как с бродягами. В 1812 г. к Российской империи от Турции отошла Бессарабия, а с ней и немало цыган. Там в 1818 г. цыганам позволялось вступать в мещанские общины, а тех, кто находился на государственных и частных землях, уравнивали с крепостными. В 1839 г. было решено поселить цыган на государственных землях до 1841 г. В 1856 г. на цыган распространили рекрутскую повинность. После реформы 1861 г. (отмены крепостничества) в России законодательство цыганами почти не интересовалось, а предыдущие административные меры желаемых результатов не дали, т.к. невозможно было лишь этими, даже очень крутыми, мерами изменить традиционный уклад жизни всей народности, в частности ее тяготение к кочевой жизни.

В других европейских странах с конца XVIII в. к цыганам стали относиться гуманнее и старались приобщить их к

оседлой трудовой жизни. Особенно внимательно к проблемам цыган относились в Австрийской империи, в состав которой в то время входили и украинские земли: Закарпатье, Галиция, Северная Буковина. Императоры Мария-Терезия и Иосиф II задумали сделать венгерских цыган равноправными с другими подданными. Для них даже придумали название («Uj magyar», новомадьяры). Однако из этого мало что получилось, и тогда с 1768 г. у цыган стали отбирать детей и отдавать в школу — вновь разочарование. И все же в венгерской части империи цыганам жилось лучше всего. Специальная школа для цыган была и в Пруссии, однако в 1873 г. ее вынуждены были закрыть. Иначе было в Румынии, которая пребывала под властью Турции, — там до 1856 г. цыган считали рабами. Сохранились старые грамоты, в которых говорится о награждении землей вместе с цыганами⁵. Правда в 1864 г. цыган решили превратить в оседлых земледельцев, дав им по 2 гектара земли, но цыгане быстро за бесценок распродали землю крестьянам. Новая серия мер ожидала цыган в 20 гг. XX века в СССР. В 1926 г. было принято постановление об их переходе к оседлой трудовой жизни, чему прежде всего должен был способствовать вновь созданный Всероссийский цыганский союз, который однако не оправдал себя в этом деле. Во время коллективизации сельского хозяйства пошли на неслыханное дело: на Украине и Северном Кавказе стали организовывать цыганские колхозы — ничего не вышло. Как раз более ощутимыми были образовательно-культурные достижения. В 1926 г. на основе русского алфавита создали цыганскую письменность. Выходили цыганоязычные журналы: «Романы зоря» («Цыганская заря») и «Нево дром» («Новый путь»). В 1931 г. в Москве начал работать цыганский театр «Ромэн» (действует и поныне), сначала и на цыганском, а с 1940 г. лишь на русском языке. В 30-х гг. ученые опубликовали целый ряд исследований о цыганах. В СССР существует скромная, но все же заметная цыганская литература, оригинальная и переводная⁶. Она заявила о себе в 20-х годах именами О. Германо, М. Панкова и

5. Там же.

6. БСЭ, изд. 2, т. 47; изд. 3, т. 28; КЛЭ, т. 8 — «цыганская литература».

др. Из старшего поколения цыганских авторов можно назвать также И. Безлюдского, И. Рома-Лебедева, О. Панкову, В. Тимофееву, М. Саткевича. Из более молодых — Г. Канти, Л. Мануша-Белугина, В. Романо. Изданы сборники цыганского фольклора. При некоторых филармониях созданы цыганские ансамбли. Особенно много цыганских музыкантов в Закарпатье. В 1956 г. в СССР издан указ о приобщении кочевых цыган к оседлой трудовой жизни — массовое кочевание таборами прекратилось, тем более, что переход цыган через границы стал невозможен. Однако удержать цыган на одном месте, да еще и убедить или заставить их работать, нелегко. В правовом отношении цыгане в СССР — равноправные граждане, хотя шила в мешке не утаишь: их общеобразовательные и социально-культурные показатели очень и очень скромные — дает о себе знать многовековая патриархальная, кочевая традиция. Во время Второй мировой войны цыган в Европе постигла трагическая судьба: немцы физически уничтожили много тысяч цыган.

С конца XVIII в. изучение цыган поставлено на научную основу. В XIX веке исследования расширились и углубились, дав хорошие результаты именно в историко-этнографическом плане. В 1888 г. в Англии создали специальное общество Gypsy Love Society со своим журналом. Но особенно оживилась исследовательская и другая работа, касающаяся цыган, в последние десятилетия нашего времени. С 1971 г. во Франции существует Comité international Rom (Международный комитет цыган); в Великобритании — Institute of Contemporary Research and Documentation (Институт современных исследований и документации цыган); в Америке — Komita Lumiaka Roman andie Amerika (Международный цыганский комитет в Америке); с 1971 г. в Индии — The Indian Institute of Roman Studies (Индийский институт изучения цыган). В 1971 г. в Лондоне состоялся Международный конгресс цыган, в 1976 г. в Индии — Международный цыганский фестиваль. В последнее время в Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Югославии и Польше, а также в Швеции, Финляндии, Франции издано немало произведений цыганских авторов. В Чехословакии и Югосла-

7. Українська радянська енциклопедія, изд. I, т. 16, 335.

вии соответственно на чешском, словацком и сербохорватском языках издаются журналы для цыган. На очереди вопрос о происхождении цыган.

Долго придерживались взгляда, что цыгане якобы изгнанники (выходцы) из Египта. Однако эта версия не подтвердилась. отождествление цыган с гомеровскими синтами и геродотовыми сигинами основывались лишь на фонетическом подобии этнонимов. А некоторые склонны были видеть в цыганах потомков населения легендарной Атлантиды, о которой писал Платон. Соответственно с этими представлениями цыган принимали за древних жителей Европы. В 1783 г. немецкий исследователь Трельман выступил с заявлением об индийском происхождении цыган. Его поддержал земляк Рюдигер. Оба руководствовались антропологическими и особенно лингвистическими соображениями. В следующем веке эту мысль подтвердили ученые Потт Батальяр, Мартилье и др. Сейчас индийское происхождение общепризнано. Однако трудно точно сказать, из какой именно индийской группы произошли цыгане. Поскольку как уже было сказано, в Азии (Сирия, Афганистан) цыган называют дзат (джат), а в Индии есть одноименная народность, очень соблазнительно связать с нею цыган, но одной лишь отмеченной связи явно не достаточно. В Индии есть немало других народностей (например, наты), которые во многих отношениях напоминают цыган. Так или иначе, а предки цыган в древности кочевали где-то по Северо-Западной Индии. В древней Индии господствовала кастовая система (сохранена и поныне), согласно которой определенная группа людей занималась традиционными, наследственными профессиями. Трельман связывал цыган с самой низшей кастой *sudra* (шудра), к которой относились слуги, рабы, т. п. Кстати, к низшему социальному слою в древней Индии принадлежали также и артисты. Есть все основания отнести предков цыган в Индии как раз к этой низшей категории. В пользу этого мнения говорят такие характерные для индийских кастовых низов и для цыган особенности: единобрачие, отсутствие собственной религии; отсутствие письменности; занятие «низкими» профессиями; сознание своего низкого происхождения. Другой вопрос: происходят ли цыгане из какой-

нибудь одной касты или из многих? По мнению русского знатока цыганского фольклора М. Кунавины (XIX в), цыгане происходят из многих различных каст. То, что они занимаются гаданием, — это, по его мнению, у них от высшей касты, браминов; разные ремесла — от касты ремесленников; танцы, музыка, пение — от касты артистов и т. п. Такой взгляд считается неприемлемым, т. к. отчуждение между кастами было настолько значительным, что объединить их в одно целое было невозможно. И еще: одни касты были кочевые, другие — оседлые. Если же когда-то какие-то обстоятельства и заставили каких-то профессионалов покинуть Индию, то не представителей же многих каст одновременно. Другие исследователи, например Баранников, относили цыган к одной касте — артистов. Но общеизвестно, что цыгане владеют и владели многими различными профессиями: они были котельщиками, лудильщиками, золотильщиками, корзинщиками, барышниками лошадей, коновалами, кузнецами, артистами, фокусниками, балагурами, дрессировщиками разных зверей, ворожеями, нищими, ворами и т. д. И прежде всего — кочевниками. Трудно допустить, что вся эта совокупность профессий при строгой межкастовой спецификации и регламентации принадлежала одной касте артистов. Правда, в Индии предки цыган, наверное, не были такими мастерами на все руки, и лишь со временем, в бродячей жизни среди разных народов цыгане освоили новые профессии. Все же предки цыган принадлежали прежде всего, кажется, к низшей касте артистов. Считают даже, что и само название цыган свидетельствует именно о таком происхождении⁷, хотя, честно говоря, самоназвание «люди» с одной стороны может означать и простонародье, челядь и т. п., а с другой — люди (в отличие от рабов) в значении самоуважения.

Как уже отмечено, язык — основное свидетельство индийского происхождения цыган. Цыганский язык принадлежит к новоиндоарийской группе индоевропейских языков. Она неоднородна и распадается на много ощутимо отличных диалектов. Еще Ф. Миклошич в Европе насчитал 13 диалектов. На формирование цыганских диалектов решающее влияние имели языки тех народов, среди которых

7. УРЕ, изд. 1, т. 16, стр. 35.

селились цыгане. Эти влияния настолько показательны, что по цыганским диалектам можно судить и о миграции целой народности. Например, во многих цыганских диалектах очень заметно греческое влияние и не только в лексике, но и в грамматических конструкциях. Отсюда вывод: цыгане продолжительное время соседствовали с греками либо в Малой Азии (Византийская империя), либо в самой Греции. В языке испанских цыган, кроме, конечно, испанских элементов есть те же греческие, а также славянские и румынские — опять вывод: до прихода в Испанию цыгане жили среди греков, болгар, румын. В языке русских цыган можно найти венгерские, польские и немецкие заимствования — это говорит о их маршруте в Россию. А вот в языке украинских цыган нет венгерских, немецких и польских заимствований — таким образом они пришли не из этих стран.

Преобладающее большинство цыган двуязычно, т.е. знают свой язык и язык народа, среди которого живут. Конечно, цыганский язык страдает от ассимиляции, примитивизации, а наличие многих отличных диалектов препятствует развитию цыганской литературы.

Не все цыганские группы сохранили свой родной язык. Некоторые (например, армянские боша) почти полностью слились с армянами. Конечно, старые цыгане лучше знают родной язык, чем молодежь. Об этой проблеме, например, в СССР могут свидетельствовать цифры переписи 1979 г.: из 209.159 цыган родным языком признали цыганский 154.925; русский — 31.132, другие языки — 23.102. К этим «другим» относится и украинский, т.к. на Украине цыгане, как правило, говорят на языке окружающего украинского населения.

Цыганский антропологический тип общеизвестен и тоже убедительно свидетельствует об индийском происхождении цыган: довольно высокие; длинноголовые; заметно скошенный лоб; немного меньший, чем у европейцев, объем черепа; длинный и тонкий, прямой или орлиный нос; быстрый взгляд; довольно смуглый цвет кожи; черные, часто кудрявые волосы.

Если индийское происхождение цыган бесспорно, то остается ответить на вопросы, когда и почему цыгане вышли из Индии. Что касается времени исхода, то обычно называют

приблизительно: конец I-го — начало II-го тысячелетия или, скажем, V-X в., XI в.⁸ Конечно, о точном годе, десятилетии и даже столетии не может быть и речи, т. к. нет документальных свидетельств. Немного проясняет вопрос языкознание.

Дело в том, что некоторые элементы, имеющиеся в цыганском языке, в индийских языках окончательно оформились где-то в X в. Отсюда вывод: цыгане вышли из Индии приблизительно в тот период. Конечно, не исключен и несколько более ранний, или более поздний исход. И вообще цыганское расселение из Индии не было одноразовым актом, а кроме того, выйдя из Индии, предки цыган подолгу задерживались в дороге. Это был, так сказать побочный, немного запоздалый поток великого переселения народов, которое в других местах состоялось раньше.

Что же послужило причиной цыганского расселения из Индии? В те времена на Индию особенно наседали разные мусульманские народы и племена, которые, в конце концов, и покорили ее. Многочисленные индийские вельможи (раджи) держали на службе разные артистические группы (музыкантов, танцоров, певцов, фокусников и т. д.). Все это были низшие касты индийского общества. После мусульманского завоевания индийские раджи утратили свое бывшее могущество, величие и пышность; мусульманские завоеватели принесли и привили новые вкусы — бывшая артистическая братия стала безработной и в поисках пропитания вынуждена была покинуть завоеванную Индию. Это было тем более легко, что и до того предки цыган в самой Индии вели кочевую жизнь. Так в общих чертах выглядит этническая история цыган и история их исхода из Индии.

Быт цыган довольно хорошо описан в литературе (научной и художественной), отражен в цыганском фольклоре, в искусстве других народов. Поэтому в этой статье достаточно отметить лишь немногое.

В религиозном отношении цыгане индифферентны, они усвоили веру народов, среди которых жили. Есть, таким образом, цыгане-христиане (православные, католики, протестанты).

⁸ БСЭ изд 3, т. 28, стр. 608; БСЭ, изд. 2, т. 47, стр. 7; УРЕ, изд. I, т. 16 стр 35

станты) и цыгане-мусульмане. Их религия претерпела определенные метаморфозы, переплетаясь с традиционными представлениями. В обрядах, связанных с рождением ребенка, свадьбой, похоронами очень ощутимы еще прадедовские индийские традиции. В брак вступали и вступают очень рано. Непреодолимой преградой для брака является лишь первая степень родства. Конечно, немало цыганских традиций вступает в противоречие с законодательством соответствующих стран, с чем, однако, цыгане не очень считаются. Девушка до брака относительно свободна и горда, после брака пребывает почти в рабской зависимости от мужа — строгий патриархат. Однако ощутимы и элементы матриархата. Например, муж, вступая в брак, полностью порывает со своим родом, переходит к жене, которая обеспечивает его всем необходимым. Муж может бездельничать, а жена должна разными способами добывать для него еду и все прочее. И дело не просто в лени, но и в традиционном укладе жизни. Часто именно старые опытные цыганки пользуются общепризнанным авторитетом, уважением. О своих детях цыгане, с европейской точки зрения, заботились очень мало: почти босые, голые, грязные, голодные. Правда, девочек опекали немного больше и дольше, а мальчики с 7-8 лет должны были сами заботиться о себе.

Повсюду цыгане делятся на оседлых, полuosедлых и кочевых: оседлые и полuosедлые в свою очередь — на деревенских и городских. Больше всего оседлых цыган в СССР, Румынии, Болгарии. Все эти группы различаются в быту. Оседлые почти полностью избавились от своих традиционных цыганских этнографических черт, слились с окружающим населением. Правда, даже оседлого цыгана можно узнать именно по бытовым признакам: жилище и хозяйство не отличаются особым порядком, опрятностью. В Бессарабии, например, цыгане теснились в полуземлянках (бурдейках). Оседлые цыгане чурались своих кочевых собратьев за их отсталость, некультурность, а кочевые не любили оседлых за то, что те отреклись от цыганства, «побелели».

На Украине с давних времен было много оседлых цыган. Земледельчество не особенно спорилось — землю сдавали в

аренду, или нанимали себе батраков. Кочевали по Украине в основном бессарабские и крымские цыгане, а также прибывшие из других стран. Как правило, цыгане кочевали лишь в теплое время года, а на зиму останавливались по селам и городам, снимая какие-нибудь общественные или частные строения и т. п. Что касается крымских кельменов, то они бродяжничали почти круглый год, за это, а также за выпрашивание милостыни украинские цыгане их не любили. Оседлые цыгане почти никогда не просили милостыню. Кочевая цыганская жизнь проходила на возах, запряженных лошадьми. На возу семья и жалкие пожитки, над возом дугообразное или какое-нибудь другое покрытие от дождя, ветра и холода. Вся группа кочевых цыган — это табор, который формировался преимущественно по родовому признаку. Возглавлял табор вайда — он представлял табор перед местной администрацией или общиной, распорядился общественной цыганской кассой, решал внутренние цыганские дела.

С этнографической точки зрения наиболее интересны, конечно, кочевые цыгане — быт, обычаи, одежда и т. д. Что касается одежды, то цыганская мужская одежда не очень оригинальна, женская — более своеобразна. Цыгане очень любят разные украшения, дорогие или просто блестящие; носят пеструю, ярко, преимущественно красного цвета, одежду, длинные с оборками юбки. А вообще ходить в старой, рваной одежде у цыган с давних пор было своеобразной модой. Сейчас даже имеющие деньги цыгане одеваются с цыганским вкусом, с откровенной нарочитостью. Цыгане вообще довольно веселые, очень шумные, одаренные чувством юмора люди; очень музыкальны, играют на европейских инструментах, в частности на скрипке, очень склонны к импровизации. Их народные песни экспрессивны, лиричны, в них часто присутствует природа. Богат и цыганский эпос. Очевидно, много о чем цыганском сейчас можно говорить лишь в прошедшем времени, т. к. и цыгане, конечно, прогрессируют за счет своей этнографической самобытности.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Рудольф Штейнер

РОЖДЕСТВО

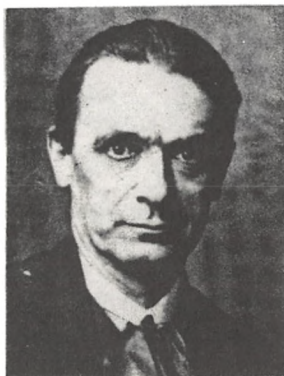
РАЗМЫШЛЕНИЕ ИЗ ЖИЗНЕМУДРОСТИ

(По рождественской лекции)*

Мои дорогие друзья!

Антропософия, верно и глубоко понятая, будет все больше и больше вводить человека в непосредственную жизнь, к которой он не приближается — как обычно думают — благодаря материалистическому образу мыслей, а от которой он, благодаря ему, отчуждается.

Это положение часто высказывалось здесь и в других местах, при том или ином случае, чтобы охарактеризовать миссию антропософского движения. Но современный человек вряд ли встретит его очень сочувственно; ибо многочисленные наши современники держатся мнения, что действительную жизнь — то, что они называют «жизнью» — нужно искать в чем-то совсем ином, а не в том, что может дать Антропософия; и они, конечно, думают также, что Антропософия меньше всего может быть призвана привести человека к деятельной, практической жизни. Но она это все-

* Из журнала «Антропософия», издававшегося на русском языке в 10-х-20-х годах в Париже.

таким образом, как они должны быть разрешены, чтобы человечество получило возможность жить полной жизнью. Все многочисленные искажения, все нездоровые условия нашего времени, все, что называют «вопросами современности», все, что теперь, с той или иной точки зрения, пробуют разрешить дилетантски, все это может быть плодотворно использовано, если наши современники соглашаются проникнуться истиной Антропософии. Однако, это не должно нас теперь особенно занимать; этого надо было только коснуться.

Сегодня Антропософия должна занимать нас больше со стороны чувства и ощущения. Перед нашей душой должна скорее предстать мысль о том, как при более глубоком, исполненном чувства, восприятии жизни человеку как раз в такие дни, как сейчас, наше существование должно казаться особенно отвлеченным, пустынным, рассудочным и логическим. В такие дни, когда наступает один из великих праздников Рождества, Пасхи или Духова Дня, — мы видим, как люди еще продолжают удерживать внешние формы, некоторые внешние обычаи этих праздников. Но очень мало остается того, что живо чувствовали в такие дни в своей душе наши предки. Того глубокого, пронизывающего душу потока чувств, который испытывали наши предки относительно связи человека со всем космосом и с его божественной подосновой. Эти чувства особенно оживали в такие праздники. Ибо эти праздники были чем-то реальным для души. Она ощущала в эти дни иначе, чем в продолжение остальных частей года.

Теперешний человек не имеет никакого представления о том, что проходило через души в те древние времена, когда с приближением конца года все короче становились дни и праздновалось Рождество Иисуса Христа; или — Воскресение Христа, когда покров снегов понемногу исчезал с земли и то, что земля скрывала под ним, выступало опять на поверхность. Наша жизнь только по видимости конкретна. В действительности, чувствования наших современников сде-

лались отвлеченны, рассудочны, пусты. Люди идут по улицам и чувствуют от праздника Рождества обычно не более того, как что это праздник подарков; а то, что они чувствуют еще сверх этого, стоит лишь в незначительной связи с теми глубокими ощущениями, которые в такие дни пронизывали наших предков. Человек потерял связь с жизнью. Снова достигнуть этой связи в жизни чувства — вот миссия Антропософии.

Кто занимается лишь понятиями и идеями, — а это и называют обычно антропософским мировоззрением, — тот понял из Антропософии лишь очень малую долю. Ее понял лишь тот, кто знает, что весь мир чувств и ощущений человека должен будет стать иным, когда Антропософия вживется в сердца и души; и то, что на короткое время стало отвлеченным, значение чего на короткое время было забыто, глубокий смысл наших праздников, встанет снова живым перед душой, когда это тесное внутреннее отношение ко всему окружающему миру снова охватит человека так, как оно может охватить его благодаря антропософскому мировоззрению.

Уже не раз в подобном случае нас занимал более глубокий смысл праздника Рождества. Сегодня он должен занять нас еще с новой стороны. Сегодня это должно произойти так, что мы сначала уясним себе, как влияют мысли и идеи Антропософии на наш мир ощущений, как они фактически делают человека чем-то, совсем иным, нежели он есть теперь; чем-то, благодаря чему он снова узнает, что значит — ощущать непосредственно биение пульса духовной жизни в природе, действительно чувствовать теплоту, проходящую через мир и одушевляющую все существа. Когда теперь человек смотрит на звездное небо, то, благодаря отвлеченной астрономии, оно заполнено для него отвлеченными, вещественными мировыми шарами. Эти мировые шары снова явятся человеку, как тела некой души и некоего духа; пространство снова одушевится и одухотворится для него. Он ощутит весь космос — с той же теплотой, с какой ощущает он на груди друга; но только дух космоса ощутит он, конечно, величественнее и грандиозней.

Нам известно, мои милые друзья, что такую душу, какую мы знаем в человеке, — душу индивидуальную,

обитающую, так сказать, в отдельном теле, — можно искать только в человеке. У других окружающих нас существ должны мы искать душу иным образом и в иной форме. Животные, живущие вокруг нас, также одушевлены; однако мы напрасно стали бы искать их душу здесь, на физическом плане. «Я» животных, которое мы называем «групповым Я», надо искать на астральном плане, целые группы родственных животных, — львы, тигры, кошки, — все отдельные группы родственных форм имеют одну общую душу, одно общее Я. Пространственная разделенность здесь на земле не имеет в этом смысле никакого значения. Будет ли один лев здесь, в зверинце, а другой в Африке, это безразлично; все львы принадлежат вместе к тому самому Я, которое духовный исследователь может найти на астральном плане. Там эти групповые Я суть замкнутые в себе личности; и как ваша личность является замкнутой в себе здесь на физическом плане, так и групповое Я является замкнутой в себе личностью на плане астральном. Как ваши десять пальцев принадлежат к вашей замкнутой личности, так и все львы принадлежат к групповому Я львов; и если бы мы могли ознакомиться с отдельными групповыми Я на астральном плане, мы нашли бы, что наиболее выдающееся свойство групповых Я есть мудрость, — как бы мало ни казались нам на земле мудрыми отдельные животные. По здешним качествам отдельных животных никто не в праве заключать о свойствах группового Я животной личности на астральном плане. Как ваши десять пальцев не являются свойств индивидуального Я, так и отдельное животное не является свойств группового Я. Мудро действуют эти групповые Я, и мудрее, чем вы можете подумать, эти отдельные души животных; и все знакомые вам здесь отправления животных обуславливаются групповыми Я. В нашей атмосфере, в окружности нашей земли, живут они; их можно найти вокруг нас. Когда вы наблюдаете полет птиц, как они при приближении осени тянутся с северо-востока на юго-запад, и при приближении весны опять возвращаются на родину с юго-запада на северо-восток, и когда вы спрашиваете себя: кто мудро направляет этот полет птиц? — то, как оккультный исследователь, в поисках отдельных распорядителей и управителей, вы придете к групповому Я

отдельных пород и видов. Во всем животном населении живет астральное Я, которое для астрального плана есть такое же Я, каким здесь является человеческое, — но только более, гораздо более мудрое Я. Гораздо более умными Я, чем здешние физические люди, являются там, на астральном плане, замкнутые групповые личности, имеющие свои отдельные члены здесь, на физическом плане, и все, что мудро устроено у отдельных животных, есть откровение мудрости групповых Я животных. Мы будем иначе проходить через мир, если будем знать, что мы на каждом шагу проходим сквозь существа, которых мы видим деяния.

Если мы взглянем на растительное царство, то Я этого царства пребывает в еще более высоком мире, чем тот, в котором находятся групповые Я животных; в духовном мире, или Девахане, пребывает Я растений, и, в сущности, их очень немного, этих Я растений; ибо все эти Я растений обнимают много, очень много отдельных растений, существующих здесь на земле, — много родов их. И если бы мы стали искать место, где мы могли бы найти эти Я растений, найти пространственно, мы пришли бы к центру земли. Все Я растений находятся вместе в центре земли.

Это было бы примитивным представлением о духе этих Я, если бы мы спросили: как же умещаются там все эти различные Я? В духовном все проникает друг друга. Кто этого не понимает, тот может прийти к взгляду, изложенному в одной книге, особенно рекомендуемой теперь антропософам, книге, хотя и говорящей о духовных мирах, но говорящей о них так, что в ней ставится вопрос: если бы на протяжении тысячи лет жило тридцать миллиардов людей, души которых должны были бы теперь находиться в окружности земли, то этих душ должно было бы набраться там такое множество, что не хватило бы для всех места в окружности земли. Это — благонамеренная книга, но зато она необычайно тривиальна. («Неведомые силы» Фламариона).

В центре земли должны мы искать Я растений, ибо сама земля, как планета, есть целый организм; и подобно тому, как волосы на вашем организме, так и растения суть части на организме нашей земли, суть сами по себе независимые существа, а члены земного организма. Страдание и радость у

растений есть страдание и радость организма земли; нам надо только вспомнить, что было сказано несколько недель тому назад относительно страдания и радости в растительном мире. Кто способен наблюдать эти вещи, тот знает, что если поранить растение — поскольку это касается его надземных частей — то это поранение не связано с ощущением боли для нашего земного организма. Оно доставляет земле чувство удовольствия. Это бывает похоже на то, как теленок сосет вымя матери, что также сопряжено с чувством наслаждения. Ибо те части растений, которые вырастают из земли, хотя бы они были тверды, — эту вырастающую из земли зелень, для земного организма можно сравнить с молоком организма животного; и когда осенью косец срезает косою стебли, это не отвлеченный только процесс для тех, кто умеет углублять антропософские идеи до ощущений души; но взмах косы сопровождается дуновением наслаждения, проходящим по ниве, и вся косьба хлеба заливают поле чувствами радости.

Так научаемся мы чувствовать вместе с организмом земли, как умеем мы чувствовать на груди друга. И знакомимся с болью земли, когда, вырывая растение с корнем, мы знаем, что земля ощущает боль. Для земли это боль — когда мы вырываем растение с корнем. Уже было сказано, что на это нельзя возразить, будто при некоторых условиях для самого растения лучше, когда его пересаживают с корнем, чем когда срывают цветок. Эти условия не имеют в данном случае никакого значения. Если человек начинает сесть и, чтобы быть красивее, вырвет первые седые волосы, это все-же причинит ему боль.

Так научаемся мы чувствовать вместе с окружающей природой, природа делается для нас все более душою и духом. И когда мы входим в каменоломню и видим, как там каменотес обтесывает камни, то и это не остается для нас чем-то отвлеченным, если мы углубим антропософские идеи до чувств души. Мы видим тогда не только то, как от скалы отлетают осколки, — и даже когда взрывают скалу, то и это не остается для нас чем-то отвлеченным. Но мы научаемся чувствовать вместе с природой то, что чувствует там, вне нас, одушевленная, одухотворенная природа. И когда мы стоим перед стаканом воды и бросаем в воду щепотку соли или

кусочек сахара, и видим, как соль или сахар растворяются, то и это сопровождается известным чувством; здесь также есть душа; и если мы хотим узнать, какая душа заключена здесь, то не должны применять обычных аналогий. Ибо легко можно подумать, что когда каменотес отбивает камни, это причиняет природе боль; но происходит как раз обратное. То, что в царстве камня называется раздроблением, доставляет природе величайшую радость, чувство внутреннего довольства; чувство внутреннего довольства бывает и тогда, когда мы растворяем в воде кусочек сахара или соли. При этом воду пронизывает чувство довольства растворяющихся минеральных тел. — Иначе бывает в других случаях.

Вспомним давно прошедшие времена земли, те времена, когда она была огненно-жидким телом, и когда все металлы и минералы в нашей земле были растворены. Такой земля не могла бы остаться; ибо она должна была стать ареной, на которой мы живем, твердой ареной, на которой мы можем двигаться. Металлы и минералы должны были затвердеть из жидкой стихии; твердыми должны были они стать, должны были стянуться воедино. То, что было растворено в жидкой стихии, должно было сплотиться воедино, кристаллизоваться: процесс сходный с тем, который происходит в стакане воды, где вы растворили соль. Остудите воду, и тогда вы увидите кристаллы соли, выделившиеся из воды, как твердые тела. Если вы проследите сопровождающие это чувства, то это будут чувства боли в по-видимому мертвом царстве камней. Всякое видимое разрушение и раздробление этого царства камней является для земли наслаждением; всякое уплотнение, всякое затверждение, всякая кристаллизация сопровождается болью, — и с болью произошло образование всех камней, всех твердых минералов земного шара, по которому мы ступаем. Более или менее так произошло и при затверждении окружности нашей земли.

Если мы обратимся к будущему нашего земного развития, то мы должны его себе представить таким образом, что все твердое будет делаться все более и более жидким, будет растворяться. Земля будет проходить через превращение в то, что мы называем «астральной землей», пока материя земли не сделается все более и более тонкой;

так что в первую половину нашего процесса образования земли мы должны рассматривать минеральные составные части, как нечто с болью и страданием слагающееся в твердую арену для нашего обитания; к концу же земное становление пронизывается все более чувством блаженного довольства, — и вся земля окунется в чувство довольства, когда она превратится в небесную планету, которая будет пребывать в мире астрально.

Когда посвященные говорят об этих вещах, они высказывают всегда в своих положениях глубокие тайны. Они высказывают такие тайны, что утверждения их нужно даже понимать многообразно, ибо в них заключено много смысла. Павел, который был посвященным, произносил такие положения, в которых всегда заключен многократный смысл. Чем дальше мы сами продвинемся в понимании космоса, или духовных миров, тем все глубже покажутся нам подобные изречения Павла. Павел знал, что отвердение земных тел сопровождалось болью, и что они воздыхают о своем растворении, о том, чтобы стать более духовными, небесными. «Вся тварь совокупно стенает, ожидая усыновления» (Рим. VIII, 22-23). Эти страдания, при которых твердые минералы преобразовались в то, на чем мы стоим и ходим, их разумеет посвященный Павел в этих глубоких словах. — Пока Антропософия остается для нас только системой мышления, до тех пор мы не понимаем ее правильно. Но в том и состоит ее особенность, что идеи ее превращаются в чувства и что мы становимся другими людьми, когда шаг за шагом — все что видим вне нас — научаемся чувствовать и ощущать. Это разумели те, которые действительно кое-что знали из христианского эзотерического учения. Вплоть до XVIII века можете вы проследить христианских писателей, у которых еще было ощущение ко всему живому в природе, ко всей радости и страданию. Поэтому и говорят они нам в своих писаниях такие слова, которые теперь для людей являются просто словами — или, самое большее, аллегориями и образами — между тем их нужно понимать как действительность: «Вы не должны только думать о природе, вы должны ее ощущать, и знать ее вкус, и чувствовать ее!»

Это и разумели они: чтобы, когда косец срезает стебли, мы испытывали вкус, ощущали чувства, которые проходят

по ниве. И когда мы видим, как рабочий в каменоломне отбивает камни, то чтобы мы вместе с природой ощущали довольство; и когда мы видим, что там, где река впадает в море, отлагается земля, то чтобы мы научились ощущать, как вместе с отлагающейся землею отлагается там в то же время и чувство боли.

Насквозь одушевленной становится для нас, таким образом, природа. Так душа человека, в процессе жизни, вырастает из своей тесноты. Чувство проливается в окружающий мир. И когда мы мало-по-малу становимся, таким образом, едино со всей окружающей природой, тогда и более великие события мы начинаем чувствовать также в их духовности, в их душевности. Мы чувствуем, когда весною все длиннее становятся дни, когда все больше света проливается на нашу землю, когда из таинственных глубин земли прорастают растения, схороненные внутри земли в виде семян, и когда все опять покрывается зеленью, — мы чувствуем тогда, как не только вырывается из земли то, что мы видим, — пробивающаяся зелень, — мы чувствуем, что при этом происходит также и нечто душевное. И когда к зиме дни становятся короче, все меньше света падает на нашу землю, растения снова уходят вглубь, зелень изменяется, — тогда чувствуем мы нечто сходное с тем, что мы испытываем и сами, когда вечером, утомленные, отходим ко сну. Подобное же чувствуем мы весной: когда природа просыпается, то это выражение является для нас не просто аллегорией, но истинной действительностью. И мы чувствуем изменение природы — изменение души и духа природы. Мы чувствуем, как, начиная с середины лета, все идет назад, как душа нашей земли склоняется к своему состоянию сна. Но когда вечером человек отходит ко сну, перед нами совершается тот живой процесс, который мы так часто описывали: постепенно выделяется из человека астральное тело вместе с Я; оно становится свободным и витает, так сказать, в своем собственном, своем исконно собственном мире; и если бы человек, в теперешнем состоянии развития человечества, мог то, что он будет некогда мочь, то в момент выделения астрального тела из тела эфирного и физического в нас вспыхивало бы духовное сознание; вокруг тела шла бы духовная работа и был бы духовный мир; человек просто

поднимался бы из своего физического тела и вступал в иную форму бытия. Он это и делает — но только он ничего не знает об этом в своем теперешнем состоянии развития. — Это же происходит и с нашей землей. Астральное тело нашей земной окружности проходит в течение года через превращения; на обоих полушариях земли превращения различны; но это для нас сейчас не имеет значения. Когда из земли прорастают растения, и вообще жизнь, астральное тело нашей земли бывает занято природным бытием земли. Это оно вызывает рост растений; это им обусловлено все, что происходит на земле в смысле жизни и развития растений. А осенью, когда своего рода сон находит на землю, это астральное тело земли переходит к своей духовной работе.

Те, кто живо ощущают этот процесс, происходящий с землей, знают, что во время высокого стояния солнца — от весны и вплоть до осени — они должны во всем, что растет и зреет, видеть непосредственно внешнее откровение духа земли. А затем, когда наступает осень, они стоят непосредственно перед уже значительно высвободившимся астральным телом земли; и когда дни всего короче, т. е. когда внешняя физическая жизнь более всего приближается ко сну, тогда пробуждается духовная жизнь. Что же такое эта «духовная жизнь Земли»? Кто дух земли?

Этот «дух земли» определил себя сам как собственно дух земли, когда он сказал: «Кто ест мой хлеб, попирает меня ногами» — и далее, когда он указал на то, что производит земля, как твердую пищу для людей, и сказал: «Это есть тело мое», — и когда он указал на то, что течет, как сок во всем живом, и сказал: «Это есть кровь моя». Тогда этими двумя изречениями обозначил Он самую землю, как свой организм.

Все это было иначе в дохристианское время, и все это стало иным в христианское время, ибо таким, как оно является в христианское время, это сделалось лишь в определенный момент земного развития. — Во время коротких дней, когда совершались священные мистерии древности, посвящаемые обращались всем своим душевным существом к солнцу; и в «глубокую полночь» приблизительно того дня, который известен нам как день Рождества, давалась посвящаемым в священных мистериях возмож-

ность видеть солнце в час полночи. Ибо тогда в них вызывалось ясновидение. Современный человек не может в полночь видеть солнце, ибо оно находится по ту сторону земли; для ясновидящего же физическая земля не является препятствием к видению солнца. Он видит солнце в его духовной сущности. И когда ясновидящие видели в священных мистериях солнце в час полночи, они видели вождя солнца — Христа. Ибо, Он был для тех, кто должен был вступить в общение с Ним, — в то время именно еще только на солнце.

Когда на Голгофе пролилась кровь из ран, это было для всего земного развития событием, полным глубокого значения. Никто не понимает этого события, если он не в состоянии понять, что христианство покоится на мистическом факте. Если бы кто-нибудь ясновидящим взором с отдаленной планеты мог проследить на протяжении тысячелетий развитие земли, он увидел бы не только физическое тело земли, но и ее астральное тело; и это астральное тело земли в течение тысячелетий являло бы определенные сияния, определенные цвета и определенные формы. В одно мгновение все это изменилось. Появились иные формы, засветились иные сияния и иные цвета, — и это было то мгновение, когда на Голгофе пролилась из ран Спасителя кровь. Это было не только человеческим, но и космическим событием. Благодаря этому Я Христа, которэе иначе можно было искать только на солнце, перешло на землю. Оно связало себя с землею, и в духе земли находим мы Я Христа, Я солнца; и посвященный может видеть солнечного духа, — которого в священных мистериях древности искал он в Рождественскую полночь на солнце, — теперь, в новое время, он может видеть его в самом Христе, как в духе центра земли.

Христианское сознание, — не сознание обыкновенного христианина, но сознание христианина посвященного, — заключается в чувстве живой связи его с духом Христа.

Вот процесс, который совершается ежегодно, когда дни становятся короче и природная земля погружается в свой сон. Тогда этот процесс бывает таков, что мы можем вступить в непосредственную связь с Духом Земли. Поэтому обычай относить рождение Спасителя ко времени самых коротких дней и самых долгих ночей возник не по

произволу, а из самого принципа посвящения, и мы видим, что нечто бесконечно значительное и духовное связано с укорочением дней и удлинением ночей, и чувствуем также, что в этом событии есть душа, и притом высочайшая душа, какую мы можем почувствовать в земном развитии.

Не учение или систему мыслей ощущали первые христиане, когда они произносили имя Христа. Им показалось бы совершенно невозможным называть кого-нибудь христианином, основываясь только на словах, произнесенных Иисусом Христом, в качестве христианского учения. Никому не пришло бы на ум отрицать, что слова эти можно найти и в других религиозных исповеданиях, и никому не пришло бы на ум смотреть на это, как на что-то особенное. Только теперь в образованных кругах полагают особую ценность в том, что учение Иисуса Христа согласуется с другими религиозными исповеданиями. Это верно: вряд-ли можно найти в нем хотя бы одно положение, которое не было высказано раньше в других учениях; но дело не в этом. Не через одно только учение связан христианин с Христом; и христианин не тот, кто верит в слова, но тот, кто верит в дух Христа. Чтобы быть христианином, надо иметь чувство связи с фактически ходящим по земле Христом. Признавать только учение Христа, это не значит проповедывать христианство. «Проповедывать христианство» значит видеть в Христе духа, которого мы только что охарактеризовали, как вождя солнца, и который в то мгновение, когда на Голгофе из ран пролилась кровь, перенес свою работу на землю и через то вовлек землю в работу солнца.

Поэтому те, которые были первыми провозвестниками христианства, меньше всего чувствовали себя вынужденными возвещать одни только слова; напротив, они полагали величайшее значение в возвещении самой личности Иисуса Христа: «Мы видели Его, когда он был с нами на священной горе!» То, что Он был там, то, что они видели Его, — этому придавали они значение. «Мы влагали наши персты в Его раны!» Что они прикасались к Нему, вот чему они придавали значение. От этого исторического события исходит все грядущее человеческое развитие на нашей земле. — Это чувствовали тогда; поэтому ученики говорили: «Мы придаем великое значение тому, что были с Ним на горе; и мы

воспринимаем также, как нечто великое, и то, что исполнилось на нем слово пророков, проистекавшее из «самой истины и мудрости!» Исполнилось то, что пророки знали заранее. Тогда под «пророками» разумели посвященных, которые могли предсказать Христа, так как они видели Его в древних мистериях в час рождественской полночи. Как исполнение того, что всегда было ведомо, выставляют первые ученики Христа события Голгофы, и великий переворот происходит в чувствах ведающих.

Если мы обратимся ко временам дохристианским и все дальше углубимся в эти времена, то мы все больше будем находить, что всякая любовь была связана с узами родства. Еще у иудейского народа, из которого вышел сам Христос, видим мы любовь основанной только на кровном родстве, — мы видим, что любят друг друга те, в ком течет общая кровь; и раньше тоже всегда было так, что любовь зиждилась на природной основе общности крови. Духовная любовь, не зависящая от крови и плоти, вступила на землю только с Христом; и в будущем она будет зависеть от исполнения слов: «Кто не оставит отца и мать, братьев и сестер, жену и детей, тот не может быть моим учеником». — Кто будет ставить любовь в зависимость от природной основы, от крови, тот в этом смысле — не христианин. Духовная любовь, которая, как великий братский союз, проникнет, человечество, явится плодом христианства.

Зато через христианство человек научается также и величайшей свободе, величайшей внутренней замкнутости. Еще псалмопевец сказал: «Я вспоминаю старые дни и размышляю о древних временах!» Это было постоянным ощущением в древние времена, это обращение взора к предкам; люди чувствовали, что кровь предков еще течет в их собственных жилах и чувствовали свое Я связанным с Я предков. Еще в древнем иудейском народе, когда хотели глубоко почувствовать это, произносили имя «Авраама», — ибо тогда чувствовали себя внутри общего потока крови, который струился от Авраама, — и когда иудей хотел выразить самое высокое для себя, он говорил: «Я и Авраам — одно». И его душа — это имеет глубокое скрытое основание — после смерти тела возвращалась в лоно Авраама; это имеет очень, очень глубокое скрытое

основание. Тогда еще не было той самостоятельности, которая вступила в сознание человека через Иисуса Христа. Через Иисуса Христа вошло в человека сознательное познание: «Я есмь». — Но одного еще не чувствовали тогда: полной божественности самого внутреннего, божественного существа человека. «Я есмь» — это они чувствовали, — но они приводили это в связь с предками; они чувствовали это в общей крови, которая струилась в них со времен Авраама. Тогда пришел Иисус Христос и принес сознание, что в человеке есть нечто гораздо более старшее, гораздо более самостоятельное, — что это «Я есмь» есть не только то, что живет, как общее, в народе, но и то, что живет в отдельной личности, — что поэтому и любовь должна обращаться из самой себя на отдельную личность. Я, которое ныне заключено в нас, замкнутое снаружи, оно ищет духовной любви вовне.

Не с отцом, который был в Аврааме, чувствует себя единым это Я, но с духовным Отцом мира: «Я и Отец — одно». Но есть еще более глубокое изречение, еще более проливающее света, чем: «Я и Отец — одно», — хотя это и наиболее важное; это то, которым Христос выяснил людям, что они вовсе еще не достигают глубочайшего, когда говорят: «Я был уже в Аврааме». Он выяснил им, что «Я есмь» более древнего происхождения, что оно проистекло из самого Бога. «До Авраама было Я ЕСМЬ» — вот как гласит в первоначальном тексте это изречение, которое бывает обычно выражено так, что с ним нельзя связать никакой мысли, — а не: «Я есмь прежде, чем был Авраам». — До Авраама было «Я есмь» самое внутреннее, духовное существо, которое каждый носит в себе самом.

Кто поймет эти слова, тот глубоко проникнет в сущность христианского воззрения и христианской жизни; и он поймет, почему Христос указывает еще и на это: «Я буду с вами во все дни до скончания мира». Поэтому и должны мы чувствовать правильно понятые слова рождественского антифона, который постоянно выражает нам вновь в христианскую рождественскую ночь известную тайну вневременного бытия «Я есмь». В рождественском песнопении не говорится в виде воспоминания: «Сегодня вспоминаем мы, что родился Христос», но каждый раз говорится:

«Сегодня родился для нас Христос». Ибо это событие вне времени; и то, что некогда произошло в Палестине совершается постоянно вновь каждую рождественскую ночь для тех, кто может учение превратить в ощущения и чувства.

Антропософическое мировоззрение вновь приведет человека к тому, что он снова сможет живо ощутить, что разумеется под таким праздником. Его задача не в том, чтобы быть отвлеченным учением, отвлеченной теорией, но чтобы снова ввести человека в полноту жизни, показать ее ему, не как что-то отвлеченное, но как повсюду наполненное душой. И душу чувствуем мы, когда входим в каменоломню и видим, как разбивают камни, — душу чувствуем мы, когда видим перелет птиц, — когда видим, как коса ходит по полю, — когда всходит и заходит солнце, — и чем более глубокие рассматриваем мы события, тем все более глубокую чувствуем душевность. И в великие поворотные точки года чувствуем мы свершения важнейших душевных событий; и мы должны вновь научиться чувствовать самое важное для нас в великие поворотные точки года, отмеченные в наших праздниках.

Таким образом, наши праздники снова станут тем, что как живое веяние, пронизывает человеческие души; и человек в такие праздничные мгновения будет снова во всей полноте вживаться в деятельность и жизнь духовной и душевной природы; и антропософ должен прежде всего, как пионер, почувствовать, чем могут снова стать праздники, когда человечество опять овладеет разумением духа, — и что это значит: опять уразуметь «дух в праздниках». И это будет одной из тех сил, которые снова выведут человека в мир, если антропософы уже теперь в такие праздники будут кое-что чувствовать и ощущать из чувствований и ощущений природы, и если в эти важные мгновения они будут вспоминать, что возвращает антропософия людям в этом учении о жизни. Тогда Антропософия будет живой действительностью души, будет жизнеумудростью и наилучшим образом сможет она ею быть в такие дни, когда мировая душа совсем особенно склоняется к нам и особенно тесно соединяется с нами.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ КАЖДОГО ВСТУПАЮЩЕГО НА ПУТЬ ОККУЛЬТНОГО РАЗВИТИЯ

Ниже приведены условия, которые должны лежать в основе оккультного развития. Никто не должен думать, что он сможет продвинуться вперед в смысле внешнего или внутреннего развития, если он не выполнит этих условий. Все упражнения медитации и концентрации окажутся бесплодными, если жизнь не будет устроена согласно с этими условиями. Человеку нельзя дать новых сил, можно только развить те, которые уже в нем заложены. Силы эти не развиваются сами собой в силу внешних или внутренних препятствий. Внешние препятствия будут устранены приведенными ниже правилами, внутренние — особыми указаниями относительно медитаций и т. д.

1. Первое упражнение — выработка вполне ясного мышления. Для этого нужно хотя бы в течение короткого времени, хотя бы пять минут в день (но чем дольше, тем лучше), освобождаться от беспорядочного блуждания мыслей. Не является властелином тот, у кого появление мыслей и их развитие обусловлено внешними причинами. Надо стать властелином мыслей.

Итак, в течение определенного времени нужно актом свободной воли очистить свою душу от обычного, повседневного течения своих мыслей и по собственному желанию поставить какую-нибудь мысль в центр душевной жизни. Не следует думать, что это должна быть мысль особенная или интересная. То, что должно быть достигнуто в смысле эзотерического развития, будет лучше достигнуто в том случае, если стараться вначале выбрать мысль возможно менее интересную. Собственная сила мышления этим возбуждается больше, тогда как при развитии мысли интересной это происходит само собой. Лучше, если это требование ясного мышления начинается с размышления о булавке, чем о Неполеоне. Нужно сказать себе: «Я исхожу из

этой мысли, и путем своей внутренней инициативы присоединяю к ней все то, что с ней фактически связано. К концу медитации мысль должна в такой же живой и красочной форме стоять перед душой, как и вначале.

Упражнения эти следует проделывать ежедневно, по крайней мере в течение одного месяца. Можно каждый день выбирать новую мысль, но можно также развивать одну и ту же мысль в течение нескольких дней. В конце упражнений нужно стараться вполне осознать внутреннее чувство крепости и уверенности, которое вскоре удастся заметить, направляя внимание на свою душевную жизнь. Затем упражнения заканчивают тем, что думают о своей голове и середине спинного мозга и позвоночника так, как если бы хотели пролить на эти части тела чувство крепости и уверенности.

2. После того как описанное упражнение будет проделано в течение приблизительно одного месяца, приступают к выполнению второго требования.

Нужно постараться придумать такое действие, которое ученик, на основании обычного течения своей предшествующей жизни, наверное не совершил бы. Теперь следует вменить себе в обязанность ежедневно совершать этот акт. Будет хорошо, если возможно выбрать такое действие, совершать которое можно будет в течение довольно долгого промежутка времени. И тут лучше начать с действия незначительного, выполнять которое нужно принуждая себя: например, купив цветок, в определенный час его поливать. Через некоторое время к первому акту присоединяется второй, затем третий, и так до предела совместимого с выполнением других обязанностей.

Упражнение это проделывают также в течение одного месяца. В следующий месяц следует, по возможности, продолжать первое упражнение, хотя выполнение его на сей раз уже не представляет единственной обязанности, как в первый месяц. Не следует оставлять первое упражнение, иначе скоро станет заметно, как быстро теряются плоды этого упражнения и вновь появляется блуждание бесконтрольных мыслей. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы не терялись плоды проделанных упражнений.

После того как второе упражнение, характеризуемое

действиями, исходящими из внутренней инициативы, будет проделано, остается чувство внутреннего побуждения к деятельности. Чувство это следует как бы влить в свое тело так, чтобы оно струилось от головы к сердцу.

3. В течение третьего месяца в центре жизни нужно поставить новое упражнение. Это выработка равновесия по отношению к колебаниям удовольствия и страдания, радости и боли. Безудержное ликование и смертельное отчаяние должны быть сознательно заменены ровным настроением. Надо следить за тем, чтобы никакая радость не захватывала всецело ученика, никакая боль не удручала бы его, чтобы никакие переживания не вызывали бы безудержного гнева или досады и чтобы ожидание не наполняло душу боязнью или тревогой. Вскоре можно будет заметить, как на место того, что было удалено этими упражнениями, выступают очищенные душевные способности. Особенно можно будет заметить внутреннее спокойствие, охватывающее тело.

Чувство это, как и в двух предыдущих случаях, следует излить в тело таким образом, что ему дают как бы разливаться из сердца в руки, ноги и, наконец, в голову. Само собой разумеется, что ощущение это не может быть замечено после каждого определенного упражнения, т. к. мы имеем дело не с отдельными упражнениями, но с постоянными направлениями внимания на внутреннюю душевную жизнь. Следует каждый день, хотя бы один раз, вызывать это состояние внутреннего покоя и затем проделать упражнение излучения его из сердца.

С упражнениями первого и второго месяца во время третьего поступают так же, как с упражнениями первого месяца в течение второго.

4. В четвертый месяц приступают к новому упражнению в так наз. позитивности. Оно состоит в том, чтобы во всех событиях, существах и вещах постоянно искать содержащееся в них доброе, прекрасное и хорошее. Лучше всего это душевное качество выступает в прекрасной легенде о Христе Иисусе... Ученик-эзотерик вскоре замечает, что под покровом безобразного скрыто где-то прекрасное и даже под видом преступного — хорошее.

Упражнения эти связаны с тем, что называют воздержанием от критики. Тот, кто в течение месяца сознательно обращал свое внимание на положительное во всех своих переживаниях, постепенно заметит, что внутри него пробуждается ощущение, как будто кожа его становится повсюду проницаемой, душа открывается трудно уловимым тонким процессам, протекающим в его окружении, которые раньше совершенно ускользали от его внимания. Задача в том и состоит, чтобы расстаться с невнимательностью, которая есть у нас всех.

Когда ученик-эзотерик заметит, что описанное чувство появляется в душе подобно блаженству, он старается мысленно направить его в сердце, откуда оно изливается в глаза, а оттуда в пространство перед ним и вокруг него. Ученик замечает, что таким образом он вступает в тесное взаимоотношение с этим пространством. В то же время он как бы перерастает себя. Он начинает рассматривать часть своего окружения как нечто относящееся к нему самому. Для этого упражнения необходимо весьма концентрироваться и прежде всего признать, что все порывистое, страстное и аффективное действует самым пагубным образом на описанное здесь настроение.

Повторение упражнений первых месяцев производится подобно тому, как это было в предыдущие месяцы.

5. В течение пятого месяца ученик старается выработать в себе непредвзятое отношение ко всему новому. Ученик должен решительно порвать с таким отношением к происходящему, когда мы по отношению к услышанному и увиденному говорим: «Этого я еще не видел, этого я еще не слышал». В любой момент он должен быть в состоянии пойти навстречу совершенно новому впечатлению. То, что он до сих пор где-то принимал как закономерное, а что-то ему представлялось как невозможное, не должно быть препятствием для восприятия новых истин.

Как наиболее разительный пример такого отношения можно привести следующий случай — если ученику-эзотерику кто-то скажет: «Слушай, колокольня такой-то церкви с этой ночи стоит совершенно наклонно», то в глубине души он должен оставить возможность поверить тому, что его теперешнее знание законов природы может быть еще

расширено подобными, дотоле не слыханными сообщениями.

Кто в течение пятого месяца стремится выработать подобное отношение, тот замечает, как в его душе пробуждается ощущение, что часть пространства, о которой говорилось при описании упражнений 4-го месяца, оживает, как если бы в ней что-то шевелилось. Нужно стараться со вниманием воспринимать эти тонкие вибрации в окружающем пространстве и дать им струиться через все пять органов чувств, особенно через глаза, уши и кожу, поскольку последняя является органом восприятия тепла. Меньше внимания на этой ступени эзотерического развития уделяется впечатлениям, проникающим через низшие органы чувств — вкуса, обоняния, осязания. На этой ступени еще нельзя точно выделить многочисленные отрицательные влияния, примешивающиеся в этих областях к тому, что в них есть положительного. Поэтому ученик оставляет это до более позднего периода развития.

6. В течение шестого месяца ученик-эзотерик должен стремиться систематически, в правильной последовательности все снова и снова проделывать все пять упражнений. Тогда благодаря этому постепенно вырабатывается правильное душевное равновесие. В частности ученик заметит, как совершенно исчезает имевшееся у него раньше недовольство явлениями и существами окружающего мира. Душой овладевает благосклонное отношение ко всем переживаниям, отнюдь не являющееся равнодушием: оно, напротив, позволяет принять участие в работе по развитию и совершенствованию мира. Появляется спокойное понимание всего окружающего, бывшее раньше совершенно недоступным душе.

Под влиянием этих упражнений меняется сама походка и жесты. Ученик даже может заметить, что изменился его почерк. Тогда он может сказать, что он сделал первые шаги по пути оккультного развития.

Следует еще раз подчеркнуть два пункта: во-первых — то, что описанные упражнения парализуют вредные влияния, которые могут вызывать другие оккультные упражнения, так, что остается лишь влияние благотворное; во-вторых — в сущности только эти упражнения обуславливают благо-

творные последствия медитативной работы и концентрации. Даже самое добросовестное исполнение эзотериком правил общепринятой морали для него еще не достаточно. Действительно, мораль эта может быть весьма эгоистичной, когда человек говорит себе: «Я буду хорошим, чтобы меня считали хорошим». Эзотерик делает добро не для того, чтобы его признавали хорошим, но потому, что он постепенно познает, что только добро способствует развитию мира, тогда как зло, неистинное и уродливое ставят препятствия этому развитию.

От редакции:

В «Форуме» N.10, в статье П. Самородницкого «Брань за правду» в конце первого абзаца на стр. 179 следует считать: «...остающаяся после него христианская оболочка годна едва ли не для всякого употребления» (вместе «едва ли на что-то годна»).

ИСТОРИЯ

Омельян Прицак

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА*

Что это такое — «Повесть временных лет»?

Это произведение древнерусских авторов дошло до нас в нескольких списках, два важнейших из них — Лаврентьевский и Ипатьевский.

Лаврентьевский список оформился в основном примерно уже в 1305 г. Это северорусское летописание, точнее — Ростовско-Тверское (на основе Киевского летописания). Текст 1305 года переписал в 1377 г. монах Лаврентий и поэтому этот список называется Лаврентьевским. Это, очевидно, самая первая редакция «Повести временных лет», которая дошла до нас.

Второй текст — Ипатьевский — имеет очень интересную историю. В результате моих исследований оказалось, что приблизительно в начале XV в. (ок. 1420 г.) великий князь Литовский Витовт, в то время заинтересованный в том, чтобы один из его братьев правил Новгородом (т. к. там открывались привлекательные для него возможности), нуждался в летописи по образцу западнорусской, для того чтобы обосновать законность власти своего брата. В монастыре в Пинске хранился текст еще времен князя Романа Даниловича. Этот текст был впоследствии переписан, очевидно где-то в Пскове (специфика языка указывает на место написания текста). После разных

* Доклад прочитан 13 декабря 1984 г. в Украинском свободном университете (Мюнхен).

О. Прицак — известный историк, профессор Гарвардского университета.

перипетий текст оказался в Ипатьевском монастыре в городе Костроме. Этот т. н. Ипатьевский список относится к южнорусскому направлению в летописании, в основном к Киевскому, Галицко-Волынскому.

Кроме этих двух очень важных текстов есть Новгородская первая летопись в более поздней редакции. И сохранилась она только в текстах XV века. К сожалению, текст более ранней редакции не имеет той части, которая нас особенно интересует, — части, посвященной времени до 1015 г. (когда Москва заняла Новгород в 1478 г., эта часть просто-напросто была уничтожена). Хотя текст более поздней редакции — это переписанная и на четверть измененная копия с текста более ранней редакции, для нас она все равно представляет большой интерес.

На базе анализа всей имеющейся у нас сегодня информации и самих текстов можно сказать, что существовала не одна, а четыре редакции «Повести временных лет». Первая редакция относится приблизительно к 1115 году и сделана она была монахом Печерского монастыря Нестором.

Существует «глоса», которая свидетельствует о том, что Нестор был родом с севера, с Белого озера. Из «Повести временных лет» мы узнаем, что Рюрик имел двух братьев и что он владел либо Новгородом, либо Ладогой — в Ипатьевской летописи названа Ладога, в Лаврентьевском тексте — Новгород. (Ладога имеет преимущество, т. к. мы располагаем археологическими данными, которые подтверждают, что уже в 770 г., приблизительно, Ладога возникла как город. А Новгород как город возник не ранее 920 года.) В летописи, в частности, мы находим очень интересную информацию о различных финских народах — чудь, меря, черемисы и др. Очевидно, в Киеве не могли знать о них. Автор, имевший сведения об этих народах, должен был прийти с севера, а мы знаем, что Нестор был родом с Белого озера.

Между тем, культурным центром в то время был Киев. Все хотели попасть в Киев, особенно когда возникла Киевская Лавра. Нестор, вероятно, был образован соответственно своему времени, т. е. имел церковное образование. Должно быть, он был знаком с выдающимися произведе-

днями того времени, знал греческих авторов (очевидно, в старославянском переводе, в основном — болгарском).

И это все, что мы знаем о Несторе. Он не оставил

никакой автобиографии и мы не имеем никаких данных о нем.

Вторая редакция «Повести временных лет» имеет такую историю. Первоначальный текст был написан еще во времена Святополка. Владимир Мономах, который впоследствии занял престол в Киеве, решил, что нужно иметь новую редакцию летописи, которая отвечала бы его семейным интересам (очевидно, у Владимира Мономаха были различные конфликты со Святополком). И тогда летопись была передана во вновь основанный **Выдубицкий** монастырь и игумен этого монастыря Сильвестр написал свою редакцию. Очевидно, он внес какие-то изменения в текст. Мы, к сожалению, не располагаем отдельно редакцией Нестора и редакцией Сильвестра. Но на основании различных критериев можно установить, какая часть принадлежала Нестору, а какая Сильвестру.

Третья редакция — это редакция, осуществленная под патронатом сына Мономаха — Мстислава Владимировича, который в 1117 г. должен был оставить Новгород и переехать в Киев в качестве законного престолонаследника Мономаха. Он имел основания быть недовольным работой Сильвестра и поручил писание рукописи своему дружиннику, которого звали Василь. Точных сведений о нем мы, к сожалению, не имеем, но знаем, что это он был автором очень интересной повести об ослеплении Василька Ростиславича, князя Тербовльского (одно из лучших наших литературных произведений). Итак, эта третья редакция была сделана приблизительно в 1118 г.

В силу разных причин Сильвестр решил сделать новую редакцию летописи. В ходе этой работы он дошел только до 1110 г.. Сильвестр умер в 1123 г., будучи уже не игуменом монастыря, а епископом Переяславским.

Лаврентьевская летопись является как раз этой последней редакцией Сильвестра, т. е. редакцией примерно 1123 г. Имеющийся у нас текст написан (судя по языковым признакам) в 1377 г. и полностью соответствует самой поздней редакции «Повести временных лет» Сильвестра. Ипатьевская же летопись, переписанная в 1425 г., отражает третью редакцию, сделанную приблизительно в 1118 г.

Как мы можем оценивать «Повесть временных лет»? Прежде всего — мы располагаем еще более древней летописью, которую исследователь старых рукописей академик Шахматов назвал «Начальным сводом летописей». Этот «Начальный свод» написан в Киево-Печерском монастыре — в первом нашем интеллектуальном центре. Этот центр был основан примерно в 1051 г., а где-то двадцатью годами позже состоялась торжественная канонизация Бориса и Глеба, в связи с чем нужно было прежде всего написать «Житие» этих святых. И нужна была документация о стране, из которой Борис и Глеб были родом. Таким образом возник этот «Начальный свод» — вероятно в 1072 г.. В 1093 г. была сделана вторая редакция этого текста, и тут, между прочим, возникли конфликты между княжеской властью и Печерским монастырем.

В «Повести временных лет» мы видим попытку представить себе истоки Руси. Первая такая попытка была сделана в «Начальной летописи» примерно в 1072 г.. Вторая попытка, в четыре этапа, была сделана между 1115 и 1123 годами. Должен заметить, что мы находимся в более выгодной ситуации, чем автор «Повести временных лет», т. к. располагаем целой вереницей чужих источников — византийских, арабских... Это выглядит курьезно: он писал в 1115 году, мы живем 800 годами позднее, а знаем о тех событиях гораздо больше. Дело в том, что Русь как определенное политическое образование в Восточной Европе возникла в VIII-IX ст. Тогда не было еще никакого летописания. Такая, например, аналогия — я родился в 1919 г., но я не отдавал себе отчета в этом, я не мог записать этого, не мог осознать, что это какое-то событие. Когда бы я это уже мог осознать, было бы поздно (конечно, если бы это не было записано в метрике) точно устанавливать дату моего рождения. Этой «метрической записи», свидетельствующей о возникновении русского государства, мы не имеем. Есть у нас только некоторая информация от соседей, которые что-то об этом слышали. И сейчас у нас такой информации больше, чем у авторов «Повести временных лет».

«Повесть временных лет» состоит из двух частей. Часть первая, в которой нет ни единой даты. И часть вторая, где много дат. Сама тенденция приводить даты обнаружилась уже в «Начальном своде».

Хочу проиллюстрировать, как проблема хронологии решалась автором «Начального свода» и как ее решал автор «Повести временных лет». Автор «Начального свода», очевидно, был образованным человеком и был знаком с существовавшими уже тогда светскими переводами некоторых греческих источников. Основываясь на них, автор решил, что *Русь* возникла в 854 г., потому что в греческом летописании впервые название *Русь* упоминается в связи с временами императора Михаила III, а его правление началось в 854г.* Таким образом строится концепция — раз во времена императора Михаила появляется слово «Русь», значит начало правления Михаила III и должно быть началом *Руси*. Ничего не скажешь, интересное умозаключение.

Далее возникают политические проблемы. В XI-XII вв. на Руси было два больших центра. С одной стороны — Киев, с другой стороны — Новгород. Существовали киевские традиции и традиции новгородские. А киевскому князю нужно было навязать всем единую киевскую традицию.

Кроме того еще живы были какие-то смутные воспоминания о Рюрике, Игоре и Олеге. Очень интересно решалась проблема Игоря и Олега. Было известно, что поход Игоря окончился катастрофой, но поход Олега был победоносным. Автор в «Начальном своде» пришел к такому выводу: победоносный поход — ответ на поражение Игоря. Т. е. наш автор так определил последовательность событий: сначала был Игорь, а потом уже Олег. Поход Игоря был несчастлив, Олег пошел отомстить за него. Еще не ясно откуда появилась дата похода Игоря — 920 г. Но

* Тут, очевидно, вкралась ошибка. На самом деле, Михаил III начал править в 842 г., но при переводе текста на славянский язык вместо 842 г. появился 854 г.

победоносный поход Олега должен был состояться уже в 922 году, т. к. на подготовку этого похода Олегу нужен был один год. Так решает проблему хронологии автор «Начального свода».

Приблизительно в 1115 г., когда как раз писалась «Повесть временных лет», киевляне получили из Византии копии договоров с греками X века, о существовании которых они прежде не знали. И тут оказалось, что в действительности все было по-иному. В этих договорах имелись даты. Оказалось, что Олег предшествовал Игорю. Поход Олега состоялся в 912 г., поход Игоря — в 945 г. Нужно было внести изменения в летопись. Но наш Нестор (очевидно, это был он) имел очень интересное соображение на этот счет. Он решил, что дата договора должна быть одновременно датой смерти данного князя. Таким образом, поскольку поход Олега против Византии состоялся в 912 г., он должен был и умереть в том же году. Что же касается Игоря, то его поход состоялся в 945 г. Получается, что Игорь правил 33 года (912-945). Если Игорь правил 33 года, то и Олег должен тоже править 33 года. Так возникает эта дата — 879 г. И эту «точную» дату, увы, можно увидеть в любой энциклопедии.

Теперь о Рюрике. О нем было известно, что он пришел уже откуда-то, уже где-то княжил, — и потому наш интеллигентный автор дал ему только половину обычного срока (17 лет). Так мы приходим к широко известной дате — к 862 году — году призвания Рюрика. Вот таким образом создавалась эпическая версия. Рюрик, как каждый князь, должен был иметь 2-3-х братьев (так же, очевидно, как и Кий, Щек и Хорив). Прежде чем быть приглашенным на княжение, Рюрик должен был быть изгнан откуда-то. И тут опять-таки возникают три даты: первая дата — 859 г. — год, когда прогнали варягов за море; вторая — 861 г. — среди новгородцев уже нет согласия; третья — через год, — когда пригласили Рюрика.

Олег же в 879 г. наследует Рюрику, в следующем году оказывается в Смоленске, а в 882 г. появляется уже в Киеве, где произносит знаменитую фразу о Киеве — матери городов русских. Интересно, что мы имеем возможность наблюдать здесь, как работает ученый летописец, как строит

свою систему, которую наши современники принимают на веру.

Игорь. Нигде не было сказано, когда он родился, но, по мнению летописца, он должен быть сыном Рюрика. Современники кн. Владимира (например, Яков Мих) еще не знали, как звали отца Игоря. Игоря называли Игорем Старым и считали основателем династии. Но спустя 70-100 лет наш летописец уже знает, что отцом Игоря был Рюрик. При этом наш несчастный Игорь до 30 лет должен был оставаться малолетним. Только в 53 года Олег позволил ему жениться, и в 942 г. родился у него сын Святослав. А жене его к тому времени должно было быть 60 лет. Все это — иллюстрация работы нашего средневекового автора. Очевидно, и каждый иной средневековый автор — немец, француз, все равно кто — действует так же. Отличие только в том, что западные ученые ныне принимают во внимание, что это средневековый автор. У нас же любая дата тотчас принимается на веру. И в этом-то — проблема.

Мы, очевидно, должны знать, что в каждом столетии, на любом историческом этапе существует собственное отношение к т. н. концепции исторической правды. Например, в XII в. еще не было перспективы. Впервые она появляется у Леонардо да Винчи, — если речь идет об искусстве. В Радзивилловской летописи изображены разные войска, в частности русские и половцы; различие между ними только в том, что русские смотрят в одну сторону, а половцы — в другую. Нет еще индивидуализации, все одинаковы, все изображены на одной плоскости, все на одно лицо и одного размера. Не следует забывать, что история на протяжении всего средневековья была только частью риторики. И истории как независимой науки не существовало. И поэтому у нас не должно быть каких-то особых претензий к средневековому автору. Смешно предъявлять претензии к Наполеону за то, что он не имел «фольксвагена», не говоря уже о «мерседесе». Не мог он его иметь, и все тут. Точно так же не должны мы от автора XII века требовать, чтобы он применял в своей работе методы XX века. Но уж от современных ученых, даже если они занимаются древней историей, нужно требовать применения методов современных, методов конца XX столетия.

Какие же именно проблемы интересовали автора «Повести временных лет»? Он сам об этом и говорит. Это три основных проблемы.

Первая проблема: «Откуда есть пошла Русская земля» — где ее начало, откуда она взялась?

Вторая проблема: Кто в Киеве впервые начал княжить?

Третья: «Откуда Русская земля стала есть» — каким образом русская земля оформилась как политическая единица?

Как же автор летописи отвечает на все эти вопросы?

Сначала — откуда взялась Русь? Для средневекового автора, очевидно, единственным достойным доверия источником мог служить Ветхий завет. Ясно, что был Ной и что он имел сыновей. Европейские народы произошли от Иафета. Игумену Сильвестру нужно было установить происхождение славян и Руси, для чего он использовал перевод «Генезиса» Гамартула, византийского автора, хотя ни славяне, ни Русь в тексте Гамартула не упоминались. Нужно было найти для них место. Это можно было сделать только опираясь на данные источника о том, как возник славянский обряд. В этом источнике были намеки на славян и прослеживалась их связь с византийской провинцией Иллирией (славяне упоминаются сразу же после того как названа Иллирия). Т. е., по всей вероятности, они оттуда происходят. Вот таким образом проблема была решена.

Сложнее было с Русью. Тут нужен был другой источник. Таким источником, еще из дружинных времен, была скандинавская «сула», где приводились названия т. н. варяжских и многих других народов: свеи (шведы), урмань (норвежцы), готы (их происхождение — проблема), русь, агняне (англичане с датчанами), галисийцы (испанцы) и т. д. Вот такое было перечисление разных народов, которые по тем или иным причинам входили в данную систему, систему т. н. варягов. И там можно было найти место для Руси. Здесь еще связь между Русью и славянами не ясна — она будет позднее объяснена в связи со славянским обрядом.

Еще одна проблема — как дать славянам и Руси христианскую геополитическую перспективу. В 1054 г., когда произошел раскол между двумя церквями, возникли в связи с этим серьезные проблемы. Дело в том, что статья, где рассказывается о принятии веры кн. Владимиром, была, очевидно, переписана и отредактирована соответствующим образом после 1099 г. (Известно, что кн. Владимир посылал послов повсюду — посмотреть на разные народы, на разные веры, чтобы сделать выбор. И также приглашал чужеземных послов. Между прочим, приходили послы от болгар и расхваливали «басурманскую» веру, были и евреи — хазарские евреи. В частности между ними и кн. Владимиром состоялся диалог, и у князя возник вопрос о том, где находится еврейское государство сейчас? Тогда еврейский посол ответил, что, к сожалению, государство их занято христианами. — очевидно, имелся в виду первый крестовый поход 1099 года.) Этот, довольно обширный раздел «Повести временных лет» состоит из разных частей. (Между прочим, там содержится речь философа, который дает характеристики всем основным вероучениям, содержится и много другой любопытной информации.) Интересно, что летописец, имея этот материал, никак не мог выяснить, где же собственно кн. Владимир крестился. В одном месте говорится, что он должен был креститься в Корсуни, т. е. в Херсонесе Крымском. Одни говорят, что он крестился в Киеве, другие в Васильеве, а «иные иное сказывают». Так что, собственно, никто и не знает, где Владимир крестился.

Совершенно ясно, что христианство так или иначе должно было быть связано с Византией. Но тем не менее, на Руси был не византийский обряд, а славянский. Как разобраться в этом? Очевидно, что тексты, относящиеся к принятию христианства кн. Владимиром (987-988 гг.), несомненно прошли бдительный контроль патриаршей цензуры. Но кое-что прояснить все-таки удастся. В «Повести временных лет» есть удивительное место. Год 898 — приход угров на нынешнюю территорию Венгрии. Вот тут-то и подается история славянского обряда. Рассказано там было о миссии Кирилла и Мефодия, о том как они миссионерствовали на территории Моравии. Кроме того говорится, что Мефодий был наследником Андронника, который, очевид-

но, был учеником апостола Павла. Таким образом возникает связь между апостолом Павлом, Андронником и славянами, а т. к. славяне — это теперь то же самое, что и Русь, то значит и с Русью.

Очень важно разобраться в вопросе о том, какое отношение имеет Русь к славянам.

Автор «Повести временных лет» или редактор (в данном случае это был, вероятно, Сильвестр) на основе все той же истории о славянском обряде (которую он узнал из чешского источника, написанного, видимо, во времена возрождения славянского обряда в Чехии), как современный политрук, на каждом шагу подчеркивает, что славянский язык и обряд — это то же самое, что русский язык и обряд. Автор разрешил этот вопрос так, как посчитал нужным: славянский обряд — это русский обряд и все тут. Так этническая проблема подменяется проблемой обряда.

В третьей же редакции летописи (именно той, где упоминается Мстислав) мы встречаемся еще с одной любопытной историей. В патриаршей части летописи сказано, что не было никаких святых на территории Руси, а тут уже появляется история о том, как святой Андрей идет из Синопа. Куда же он отправился? Не в Царьград, а почему-то в Рим. Как ехал через Босфор — он не видел Царьграда, шел по Днепру — увидел Киев, который и благословил. Далее пришел в Новгород, а там в Новгороде очень странные были обычаи — была баня, холодная, горячая вода, хлещутся вениками. Повидав все это, св. Андрей пишет: «Что это за странные обычаи, никто их не заставляет, сами себя бьют и чуть-ли не до смерти». Очевидно, таким образом мстит Мстислав за то, что прогнали его из Новгорода в 1117 г. А мы сейчас видим, что имеем дело с публицистическими проделками — они ведь такие же живые люди были, как и мы. Не святые, которые только правду писали. Правду так, конечно, не пишут.

И вот таким странным путем — через Балтийское море, через Атлантику, Средиземное море — св. Андрей, наконец-таки, попал в Рим. Это удивительно — шел из Синопа и не сумел увидеть Царьграда, но увидел Киев и Киев благословил.

И опять противоречия. С одной стороны, во вступлении

мы имеем сведения о св. Андрее, позднее (898 г.) — об апостоле Павле, о его ученике Андроннике. А с другой стороны, в части, связанной с датами 987-988 гг., сказано, что ни одного святого не было на территории будущей Руси.

Удивительно, что при всей обстоятельности описания того, как кн. Владимир проверил все веры и решился на византийскую, не было ничего сказано о том, была ли тогда установлена какая-либо иерархия или нет. Был ли какой-то митрополит послан на эти земли в 987-988 гг. или нет? Как его звали? Какой он имел титул? Ничего этого мы не знаем. Но случайное упоминание о митрополите мы встречаем в 1039 г., упоминание о том, что он освятил Десятинную церковь. Ничего больше не содержится ни в одном из наших источников. Очевидно, тогда существовала какая-то цензура. Все церковные дела подвергаются строгой цензуре. И это нужно принимать во внимание. По всей вероятности, первый митрополит был не в Киеве, а в Переяславе.

Одна из главных проблем, стоявшая перед автором «Повести временных лет» — это проблема религиозной и политической перспективы.

Вопрос о том, кто же первый начал княжить в Киеве.

И здесь вновь возникают сложности. С одной стороны, как я уже сказал, первые летописцы еще не знают, что у Рюрика был сын Игорь, но это знают авторы более поздних редакций. И у них, естественно, больше возможностей для комбинаций. Поэтому у нас есть два варианта. В «Начальной летописи» утверждается, что Киевом завладел Игорь, а в «Повести временных лет» — Олег. Я же считаю, на основании известных мне данных, что Киев отвоевал у хазар приблизительно в 930 г. все-таки Игорь.

Недавно был обнаружен первый оригинальный документ, написанный на пергаменте в Киеве, приблизительно в 930 г., хазарской администрацией. Это документ из т.н. «генизы». В средние века у евреев был обычай хранить тексты, написанные по-еврейски (те, в которых они в данный момент не нуждались), в специальном помещении — «генизе», т.е. сокровищнице, чтобы неевреи не смогли их

осквернить. В конце прошлого столетия в синагоге в старом Каире была случайно обнаружена такая «гениза», где хранилось несколько тысяч таких документов. Это очень интересный материал, который по-новому освещает очень многие проблемы Старого Завета. Большинство документов попало в европейские библиотеки, главным образом в Кембридж (Англия). Среди документов, находящихся теперь в английском Кембридже, есть один документ начала X века (что установлено специальными исследованиями — в самом тексте документа нет, к сожалению, никаких дат). Этот документ был написан в Киеве городским советом, и в нем перечислены имена всех членов этого совета. Очень небольшая часть этих имен — еврейские, большинство же — хазарско-тюркские. Норман Гольд, исследователь-юрист из Чикагского университета, обнаруживший этот документ, встретился с трудностями при расшифровке имен — в документе были значительные куски текста, которые никак не укладывались в правила еврейской филологии. Мы совместно занимались этим документом. Оказалось, что это действительно документ хазарской канцелярии в Киеве, и написан он на еврейском языке с припиской по-хазарски, но тюркским руническим письмом. Все это я расшифровал, и нет никакого сомнения, что в те времена, когда был написан этот документ (приблизительно в 930 г.), хазары были еще в Киеве. Но вскоре Игорь, как и сказано в «Начальной летописи», действительно завоевал Киев. Это произошло между 930 и 948 гг. (не позже), т. к. Константин Багрянородный, который писал в то время «De Administrando Imperio», уже знает об Игоре, так же как он знает и о Святославе, сидевшем тогда в Новгороде.

Хотелось бы остановиться и на проблеме дат. В «Повести временных лет», с одной стороны, есть заполненные даты, т. е. связанные с какими-то событиями, а с другой стороны — пустые даты. В той части «Повести временных лет», где приводятся даты между 852 и 901 гг., есть 68 пустых дат и только 32 даты, которые связаны с какими-то событиями, т. е. с событиями византийской или болгарской истории. Те же даты, которые относятся к истории Руси, — вымышленные. Все это комбинации нашего ученого автора. Лишь одна дата является точной: дата смерти кн. Ольги —

969 г. (эта дата, по всей вероятности, приводится в связи с канонизацией Ольги). Все же прочие даты, вплоть до времен кн. Владимира (за исключением дат подписания договоров, переписанных с чужих источников), — плод творчества наших очень интеллигентных летописцев, которые хорошо умели комбинировать. И это обязательно следует учитывать, имея дело с этими текстами.

Откуда русская земля стала есть?

В те времена, когда писалась «Повесть временных лет», т. е. приблизительно в 1115-1123 гг., Киев несомненно был наиболее важным и всеми признанным центром русской земли. И летописцу надо было историю представить так, чтобы Киев был таким центром с самого начала.

Очевидно, средневековый автор писал о Киеве VIII-IX или X веков с перспективы XII века — времени, когда он жил. И он, следует признать, имел на это право. В его задачу входило утвердить — тем же методом, каким пользуются сегодня различного рода политруки, — что Киев был русским центром с самого своего основания. Мы знаем на основании археологических данных, что в Киеве во времена кн. Владимира было не более чем 5000 жителей. Город тогда был небольшим и, как известно, размещался на одном холме. Киев стал большим и очень значимым во времена Ярослава. Тогда его население составляло, как минимум, 40 тысяч жителей. Во времена Ярослава, и это частично отражено в летописи, произошли два больших события. Во-первых — Ярослав поселил на территории Киевщины, Черниговщины и Переяславщины свою дружину — *русь*. И с тех пор эти земли стали называться русской землей. Т. е. теперь понятие „Русь” связано с определенной территорией. Это очень важный факт. До этого — во времена Игоря или Святослава, например, — *русью* называлась дружина, которая сопровождала князя. Князь переходил с одного места на другое, и дружина — вместе с ним. Передвигались по чужим территориям и делали там, что хотели. Со времен Ярослава — ситуация иная. Русская земля уже национализирована. Точнее, был совершен первый шаг к национализа-

ции, т. е. само понятие „Русская земля” — Киев, Чернигов, Переяслав — существует с того времени.

Второе событие, также очень важное, — принятие кн. Ярославом славянского обряда. Кн. Владимир, очевидно, крестился по греческому обряду. А славянский обряд был принят уже только при его сыне. Ярослав заботился о переводе книг на славянский язык, об организации соответствующих образовательных институций на славянском языке. Это было очень важным делом, т. к. славянский обряд стал с тех пор господствующим, и это способствовало образованию единой общности из славян и русов. Таким образом, ответ на вопрос «Как стала есть Русская земля?» — в том, что Ярослав национализацией определенной территории и установлением общего славянского обряда сделал Русь такой, какой она была в XII веке.

Если взглянуть на работу авторов «Повести временных лет» с нашей перспективы, то следует признать, что они со своей задачей справились исключительно хорошо. Правда, современный историк хотел бы получить более обширную информацию, хотел бы, чтобы авторы летописи не представляли ситуацию IX-X веков с точки зрения XII века, чтобы больше рассказали нам о других центрах, которые, помимо Киева, существовали в те времена. Но у нас нет права требовать, чтобы автор XII века думал и писал так, как автор XX века.

Одним словом, «Повесть временных лет» может быть источником исключительно интересным и важным, но только историк XX столетия, беря в руки эту рукопись, должен помнить, что написал ее не его коллега из того или иного университета, а средневековый автор — риторик из XII столетия.

АРХИВ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕВ ТРОЦКИЙ — НИКОЛАЙ БУХАРИН: ДИСКУССИЯ О РЕЗУЛЬТАТАХ НЭП'а В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Лев Троцкий

ИЮЛЬСКИЙ ПЛЕНУМ И ПРАВАЯ ОПАСНОСТЬ*

(Послесловно к письму «Что же дальше?»)

Доклад Рыкова об итогах июльского пленума ЦК на московском активе 13-го июля представляет собою факт крупнейшего политического значения. Это программное выступление самого авторитетного представителя правого крыла, если не с развернутым, то с полуразвернутым знаменем.

Рыков совершенно не останавливался в своем докладе на программе Коминтерна, — даже не упомянул о ней. Он посвятил свой доклад исключительно вопросу о хлебозаготовках. По тону доклад Рыкова есть доклад победителя. И не зря: из первой схватки с центром, через 4-5 месяцев после начала «левой» политики, правые вышли вполне победоносно. Июльский пленум ЦК знаменует первую открытую победу Рыкова над Сталиным, правда, при помощи самого же Сталина. Суть рыковского доклада в том, что февральский сдвиг влево был эпизодом, вызванным чрезвычайными обстоятельствами; что на этом эпизоде надо поставить крест; что сдать в архив надо не только 107-ю статью, но и февральскую статью «Правды»; что от старого курса надо загибать не влево, а вправо, и чем круче, тем лучше. Чтоб расчистить себе дорогу, Рыков признается, как

* Материалы из личного архива Троцкого публикуются с разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета (США).

не признаться перед уличающими фактами? — в трех своих маленьких ошибочках:

«во-первых, я в момент обнаружения кризиса считал его менее глубоким, чем оказалось в действительности»;

«во-вторых, я думал, что при помощи чрезвычайных мер мы совершенно ликвидируем кризис хлебоснабжения. Этого мы не добились»;

«в-третьих, я надеялся, что вся кампания по хлебозаготовкам пройдет при опоре на бедняка и полной устойчивости связи с середняцкими массами. В этом отношении я также ошибся».

А между тем весь хлебозаготовительный кризис, со всеми сопутствующими ему политическими явлениями, был предсказан оппозицией в ее контртезисах, указывающих Рыкову совершенно точно, чего он не понимает и чего не предвидит. Именно для того, чтобы избежать запоздалых, торопливых, несогласованных, преувеличенных административных мероприятий, оппозиция заблаговременно предлагала принудительный хлебный заем у деревенской верхушки. Конечно, и эта мера являлась чрезвычайной. Но предшествующая политика сделала ее неизбежной. А если бы заем был проведен своевременно и планомерно, он бы свел к минимуму те административные излишества, которые означали чересчур дорогую политическую плату за очень скромные материальные достижения.

Меры административного нахрапа сами по себе не имеют ничего общего с правильным курсом. Это есть расплата за неправильный курс. Попытка Рыкова приписать оппозиции стремление увековечить рыковские меры из арсеналов военного коммунизма злобно нелепа. В обходах дворов, возрождении заградительных отрядов и пр. оппозиция с первых же дней видела не начало нового курса, а только банкротство старого. 107-я хлебозаготовительная статья не есть орудие ленинского курса, а костыль рыковской политики. Пытаясь подкинуть оппозиции в качестве «программы» те меры административной дезорганизации хозяйства, за которые он сам целиком отвечает, Рыков поступает, как все мелкобуржуазные политики, которые всегда в таких случаях натравливают мужика на коммуниста, как на «грабителя» и «экспроприатора».

Что означал февральский сдвиг? Признание отставания промышленности, угрожающей дифференциации деревни и грозной опасности со стороны кулака. Что отсюда вытекало в качестве новой линии? Перераспределение народного дохода от кулака в сторону промышленности, от капитализма к социализму, ускорение развития промышленности, как легкой, так и тяжелой.

В противовес февральской статье «Правды», которая только повторяла в этом вопросе оппозицию, Рыков видит причину хлебазаготовительного кризиса не в отставании промышленности, а наоборот, в отставании сельского хозяйства. Такое «объяснение» есть издевательство над партией и рабочим классом, обман партии и рабочего класса, чтоб обосновать поворот направо. Это старая установка устряловских профессоров.

Что сельское хозяйство наше раздроблено, расплыено, отстало, имеет варварский характер; что отсталость сельского хозяйства является основной причиной всех трудностей, это, разумеется, бесспорно. Но требовать на этом основании, как делает Рыков, передвижки средств от промышленности в сторону индивидуального крестьянского хозяйства значит выбирать не просто буржуазный, но аграрно-буржуазный, реакционно-буржуазный путь, изображая из себя советскую карикатуру на «антикапиталистических» земских народолюбив 80-х годов.

Поднять сельское хозяйство вверх можно только через промышленность. Других рычагов нет. Между тем промышленность наша ужасающе отстает по отношению к *данному* расплыенному, отсталому, варварскому крестьянскому хозяйству, — отстает не только по отношению к его общим историческим потребностям, но и по отношению к его *платежеспособному спросу*. Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запросов сегодняшней деревни — значит сдавать гегемонию города над деревней.

По типу своему наше сельское хозяйство бесконечно отстало даже по сравнению с нашей очень отсталой промышленностью. Но делать отсюда тот вывод, что этот вековой результат закона неравномерного развития разных

частей хозяйства может быть устранен или хотя бы смягчен путем сокращения и без того недостаточных средств на индустриализацию, совершенно то же самое, что предлагать бороться с безграмотностью путем закрытия высших учебных заведений. Это значит — подсекать самый ствол исторического прогресса. Несмотря на несравненно более высокий свой, по сравнению с сельским хозяйством, технико-производственный тип, наша промышленность не только не доросла еще до ведущей и преобразующей, т. е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных ее потребностей, задерживая тем самым ее развитие. Именно отсюда и вырос хлебозаготовительный кризис, а вовсе не из общей исторической отсталости деревни и не из мнимого забегания промышленности вперед.

15 февраля «Правда» учила, что три урожая «не прошли даром», что разбогатела деревня, т. е. *прежде всего* кулак, и что, при отставании промышленности, это неизбежно привело к хлебозаготовительному кризису. В полном противоречии с этим объяснением Рыков считает, что ошибка руководства за последние годы состояла, наоборот, в чрезмерном форсировании индустриализации; что нужно замедлить ее темп; что нужно уменьшить долю индустриализации в общенародном доходе; что «освободившиеся» таким путем средства нужно направить на поддержку сельского хозяйства, прежде всего в его индивидуальной форме, как господствующей. Такими путями Рыков рассчитывает «в очень короткий срок удвоить урожай с десятины». Но Рыков молчит насчет того, как же этот удвоенный урожай будет реализовываться на рынке, т. е. обмениваться на продукты промышленности, при еще более задержанном темпе развития этой последней?

Рыков не может не ставить перед собой этого вопроса. Удвоенный урожай означал бы упятеренную или удесятеренную товарность сельского хозяйства, а значит и во много раз возросший промышленно-товарный дефицит. Рыков не может не понимать этого простейшего соотношения вещей. Почему же он не раскрывает нам секрета будущих своих побед над долженствующей чудовищно возрасти диспропорцией? Потому что еще время не пришло. Для правых

политиков разговор есть серебро, а молчание — золото. Рыков и так израсходовал в своем докладе слишком много серебра. Но не трудно догадаться и о рыковском золоте. Возросшая сельскохозяйственная товарность, при замедленном темпе промышленного развития, означает не что иное, как *возрастающий ввоз иностранных товаров* для деревни, да и для города. Никакого другого пути нет и быть не может. Зато этот единственный путь обнаружится так неотразимо, давление возросшей диспропорции будет так грозно, что Рыков решится разменять свое резервное золото и вслух потребует отмены или равносильного ей ограничения монополии внешней торговли. Это и есть тот самый правый план, о котором наша платформа говорила в порядке предвиденья и который теперь еще не целиком, но уже в виде солидной порции, вынесен на открытую трибуну.

Задатком под этот план является, как вытекает из всей речи Рыкова, повышение хлебных цен. Это премия в первую голову кулаку. Она даст ему возможность еще увереннее вести за собой середняка, которому кулак объяснит: «Вот видишь, я заставил себе с лихвою заплатить за убытки по 107-й статье. В борьбе обретаем мы право свое, как говорят наши учителя — эсеры». Дельцы-чиновники, надо думать, утешают политиков тем соображением, что переплату на зерне можно будет наверстать на других видах крестьянского сырья, так что общий баланс города и деревни не изменится в ущерб городу. Но такие соображения имеют явно шарлатанский характер. Во-первых, рабочий потребляет хлеб, а не техническое сырье, значит, по рабочему бюджету повышение хлебных цен ударит неизбежно. И во-вторых, и на других крестьянских продуктах не удастся отыграть, раз принято решение загладить рублем последствия левого зигзага. Маневры отступления вообще совершаются чаще с ущербом, чем с прибылью, тем более такое беспорядочное отступление, каким являются июльские решения по сравнению с февральскими.

Даже в качестве меры исключительной, чрезвычайной, вроде 107-й статьи наизнанку, повышение хлебных цен таит в себе огромную опасность, ибо усугубляет те самые противоречия, из которых вырос хлебозаготовительный кризис. Повышение хлебных цен — не только удар по потребителю,

то есть по рабочему и прикупающему хлеб бедняку, не только премия кулаку и зажиточному, но и усугубление диспропорции. Если промышленных товаров не хватало при старых ценах на хлеб, тем более их не хватит при более высоких ценах и возросшем количестве этого хлеба. Это означает новый рост промышленно-товарного голода и дальнейший рост дифференциации деревни. Борьба с хлебозаготовительным кризисом путем повышения хлебных цен — значит становиться обеими ногами на путь обесценения червонца, т. е. другими словами, утолять жажду соленой водой, подбавляя к ней соли. Так обстояло бы дело даже, если б речь шла об изолированной, исключительной мере. Но повышение хлебных цен у Рыкова совсем не исключительная, не чрезвычайная мера. Повышение хлебных цен входит попросту необходимой частью в рыковскую политику сползания к капитализму. Инфляция на этом пути есть только техническая «подробность». По поводу инфляционной опасности Рыков многозначительно говорит: «покупательная способность рубля держится *пока что* прочно». Что значит «пока что»? Это значит *до* реализации нового урожая по повышенным ценам и при нехватке промышленных товаров. Когда же ударит инфляция, Рыков скажет рабочим, реальная плата которых неизбежно при таком положении поползет вниз: «Я же вам говорил, *пока что*». И тогда он начнет разворачивать те части своей программы, о которых молчит теперь. Без удара по монополии внешней торговли нельзя выйти на дорогу *неонэпа*.

Одновременно с победителем Рыковым и по тем же вопросам выступал в Ленинграде побежденный Сталин. В своей совершенно беспомощной речи — ее прямо неловко читать — Сталин изображает инфляционную премию верхам деревни за счет рабочих и бедноты, как новое укрепление смычки (которое по счету?). Сталин и не пытается указать, как он думает выбраться из противоречий, выдернув хвост 107-й статьи и тут же увязив нос в трясине повышения цен. Сталин просто повторяет набившие оскомину общие фразы о смычке, как будто проблема смычки решается фразой, формулой, клятвой; как будто кто-нибудь, кроме послушных чиновников, может поверить

тому, что четвертый хороший урожай способен каким-то чудом выравнять ту диспропорцию, которую обострили три предшествующих урожая. Сталин боится правого рыковского ответа, но не решается и на ленинский. Сталин выжидает. Сталин отсиживается, занимаясь аппаратными передвижениями. Сталин теряет время, думая, что выигрывает его. После судорожной февральской встряски перед нами снова хвостизм во всей своей жалкой беспомощности.

Совсем по-иному звучит речь Рыкова. Если Сталин отмалчивается, потому что ему нечего сказать, то Рыков кое о чем помалкивает, чтобы не сказать слишком много. Политика повышения хлебных цен, да еще с рыковским обоснованием ликвидации весеннего левого зигзага, означает, не может не означать, начало глубокого, может быть решающего, поворота вправо. Такие юридические барьеры как ограничение аренды и найма рабочей силы, даже как монополия внешней торговли, будут бюрократическим росчерком сняты с пути, если правые не напорются раньше грудью на стальной барьер пролетарского авангарда. Логика правого курса может в короткий срок стать несокрушимой. Какие бы то ни было иллюзии, фальшивые надежды на «партийность» правых, всякие вообще расчеты на авось, упущение времени, затушевывание противоречий, недомолвки, дипломатничанье, означают усыпление рабочих, прямую поддержку врагу, сознательную или бессознательную помощь термидору. Речью Рыкова, комментирующей постановления июльского пленума, правые бросили перчатку Октябрьской революции. Надо понять это. Надо поднять перчатку. И надо сейчас же немедленно, со всего размаху ударить правых по рукам.

Правые бросили перчатку, наметив заранее стратегию. Им не пришлось при этом открывать Америку. В основе лево-центристских попыток Сталина лежит, по утверждению Рыкова, «троцкистское неверие в строительство социализма на началах НЭП'а и беспросветная паника перед мужиком». Борьба с «троцкизмом» есть неразменный рубль всех сползающих. Но если доводы такого типа были достаточно нелепы в устах Сталина, то в жалкую карикатуру они превращаются в устах Рыкова. Вот где бы ему вспомнить, что молчание — золото.

Действительная паника перед мужиком — у тех, которые боялись завоевания власти пролетариатом в крестьянской России. Эти подлинные паникеры оказались по ту сторону Октябрьской баррикады. В их числе был Рыков. Мы же были с Лениным и с пролетариатом — ибо ни на минуту не сомневались в способности пролетариата повести за собой крестьянство.

Рыковская политика 1917 года была только концентрированным предвосхищением его нынешней экономики. Сейчас он предлагает уже завоеванные экономические высоты диктатуры сдавать по частям стихии первоначального капиталистического накопления. Только в силу вошедшей за последние годы в нравы фальсификации, Рыков неукротимую борьбу оппозиции за социалистическую диктатуру осмеливается называть «паникой», пытаясь в то же время выдать за большевистское мужество свою готовность с открытыми глазами капитулировать перед капитализмом.

Реакционную демагогию, целиком рассчитанную на психологию богатеющего мелкого собственника, Рыков направляет сейчас уже не столько против оппозиции, сколько против Сталина и тянущих влево центристов вообще. Как Сталин в свое время спустил с цепи против Зиновьева всю зиновьевскую аргументацию против «троцкизма», так Рыков готовится теперь повторить ту же операцию против Сталина. От твоя твоих тебе приносяще. С политическими идеями играть нельзя, они опаснее огня. Мифы, легенды, фальшивые лузунги мнимого «троцкизма» не прилипли к самой оппозиции, но зацепились за классы и получили свое самостоятельное бытие. Чтоб захватить шире и глубже, Сталину пришлось агитировать в десять раз грубее Зиновьева. Теперь очередь за Рыковым. Можно себе представить ту разнузданную травлю, какую развернут в открытой борьбе правые в своей игре на собственнических инстинктах кулачья. Не надо забывать, что если рыковцы были хвостом центристов, то у рыковцев есть свой собственный куда более тяжеловесный хвост. Непосредственно за Рыковым стоят те, которые, как признала уже однажды «Правда», хотят жить в мире со всеми классами, т.е. хотят заново приучить рабочего, батрака и бедняка

мирно подчиняться «хозяину». Дальше, в следующем ряду, стоит уже отъевшийся «хозяйчик», жадный, нетерпеливый, мстительный, с засученными рукавами и с ножом за голенищем. А за хозяйчиком, по ту сторону границы, стоит «настоящий» хозяин, с дредноутами, авионами и фосгеном. — Не надо никакой «паники», будем строить, как строили, — проповедуют правые Иудушки, усыпляя рабочих и мобилизуя собственников, т. е. готовя термидор. Вот какова сейчас расстановка фигур, вот какова подлинная классовая механика!

Рыков, как сказано, обманывает партию, рассказывая ей, будто оппозиция хочет увековечения тех исключительных мер, до которых на 11-м году диктатуры довела нас, к стыду нашему, послеленинская политика. Чего хочет оппозиция, ясно сказано в документах ее, представленных Конгрессу. Но Рыков полностью прав, когда говорит: *«главная задача троцкистов заключается в том, чтобы не дать этому „правому“ крылу победить»*. Именно так. Правильно. Победа правого крыла была бы последней ступенькой термидора. От победы правого крыла вверх, к диктатуре, уже нельзя было бы подняться одними лишь методами *партийной реформы*. Правое крыло есть тот крюк, за который тянут враждебные классы. Победа правого крыла была бы лишь временно замаскированной победой буржуазии над пролетариатом. Рыков прав: *главная задача наша заключается сейчас в том, чтобы не дать правому крылу победить*. А для этого надо не убаюкивать партию, как делают Зиновьевы, Пятаковы и им подобные, а наоборот: с удесятенной силой бить тревогу по всей линии.

Мы говорим нашей партии, и мы говорим Коммунистическому Интернационалу: Рыков открыто приступает к сдаче Октябрьской революции враждебным классам. Сталин переминается с ноги на ногу, отступает перед Рыковым и бьет по левым. Бухарин запутывает сознание партии паутиной реакционной схоластики. Партия должна поднять свой голос. Пролетарский авангард должен сам взять в руки свою судьбу. Партии нужно широкое обсуждение всех трех линий: правой, центристской и ленинской. Партии нужно возвращение оппозиции в ее ряды. Партии нужен честно подготовленный и честно созванный партийный съезд.

Алма-Ата, 22 июля 1928г.

Николай Бухарин

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

(Отрывки из статьи, опубликованной в «Правде» 30 сентября 1928 г.)

Троцкий в своем заявлении Коминтерну («Июльский пленум и правая опасность») — документе неслыханно клеветническом и кликушеском — пытается местами *аргументировать*, опомнясь на минуту от перманентного визга. Важнейшие места аргументации: 1) «что отсталость сельского хозяйства является причиной всех трудностей, это, разумеется, бесспорно»; 2) «по типу своему нынешнее сельское хозяйство бесконечно отстало, даже по сравнению с нашей очень отсталой промышленностью», но 3) «несмотря на несравненно более высокий свой, по сравнению с сельским хозяйством, технико-производственный тип, наша промышленность не только не доросла еще до ведущей и преобразующей, т.е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но и не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных потребностей, *задерживая* тем самым ее развитие»; 4) «поднять сельское хозяйство вверх (точно его можно поднимать и вниз! Н. Б.) можно только через промышленность. Других рычагов нет... Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запросов сегодняшней деревни — значит сдавать гегемонию города над деревней».

Из этих рассуждений делаются и выводы: партия с XII съезда (!!) вела *правую политику*, политику недостаточной индустриализации и, следовательно, утери темпа, откуда и вырос кризис хлебозаготовок; партия в феврале признала, — утверждает Л. Д. Троцкий, — отставание промышленности, но теперь (после июльского пленума и отмены чрезвычайных мер) партия снова взялась за старое и т.д., и т.д. *Генеральный* вывод: необходимо форсировать индустриа-

лизацию *сверх* того, что делается в настоящее время (о других «выводах» автора здесь говорить не место).

В этих рассуждениях поражает не только то, что они кричаще противоречат «музыке социализма», которую автор перманентной революции слышал в первых контрольных цифрах, появившихся, как это всем известно, *гораздо позднее* XII съезда. В этих рассуждениях поражает прежде всего полное отсутствие анализа динамики развития. Ни вопрос об основных фондах промышленности по сравнению с основными фондами сельского хозяйства, ни вопрос о величине продукции промышленности и сельского хозяйства, ни вопрос о движении этих соотношений не интересуют автора. Между тем, соответствующие факты кое о чем говорят даже для людей, трижды оглушенных буржуазной ложью о СССР.

Эти факты находят свое выражение в следующих цифрах:

А. Прирост основных фондов (в % к предыдущему году)

I.	1925/26г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Госпромышленность	+8,0%	+10,7%	+13,1%
Электростроительство	+21,3%	+44,1%	+44,1%
<hr/>			
Госпромышленность с электростр.	+8,6%	+12,4%	+15,1%
<hr/>			
II.			
Весь обобществл. сектор в целом	+3,5%	+5,5%	+7,6%
<hr/>			
III.			
Сельское хозяйство	+4,6%	+4,3%	+4,7%
В том числе частное	+4,5%	+4,0%	+4,3%

В. Прирост валовой продукции (в % к предыдущему году)

I.			
Вся промышленность (по довоенным ценам)	+39,3%	+13,7%	+13,4%
<hr/>			
II.			
Сельское хозяйство (без лесн. хоз., рыболовства и охоты)	+20,6%	+3,9%	+3,0%
В том числе зернов. культуры	+32,4%	+3,8%	-1,9%

С. Прирост товарной продукции (в % к предыдущему году)

I.			
Вся промышленность (цены довоен.).	+38,5%	+13,5%	+13,9%
II.			
Сельское хозяйство (без. лесн. хоз., рыболовства и охоты)	+11,3%	+ 8,1%	+ 8,9%
В том числе зерновое хозяйство	+30,8%	+10,2%	+ 6,8%

Из этих рекордных цифр по промышленности вытекает, что дело не просто в «техничко-производственном типе» промышленности, который более высок, чем «тип» крестьянского хозяйства (эта святая истина вряд ли нуждается даже в упоминании), что не только «тип», но и конкретная динамика развития дает гигантский перевес индустрии и обобществленному сектору вообще. Их этих рекордных по промышленности цифр вытекает также, что не в якобы низком темпе развития (при данных средствах, ресурсах и возможностях) лежит корень объяснения того, что наша промышленность не покрывает деревенского спроса, — темп развертывания нашей промышленности по сравнению с капиталистическими странами неслыханно высок (даже товарная продукция промышленности растет значительно быстрее товарной продукции сельского хозяйства); из этой картины вытекает, что дело отнюдь не в отставании индустрии от сельского хозяйства. Словом, из этих цифр вытекает необходимость искать какое-то другое, менее элементарное, но более действительное объяснение.

Характерно, что Троцкий и троцкисты не только «не интересуются» всеми вышеприведенными фактами (в 1925 году они аналогичными фактами все же интересовались, правда, с «музыкальной» точки зрения), но они «не замечают» и других крупнейших по своему значению фактов. Видимость аргумента у Троцкого — непокрытие деревенского спроса. Но он отнюдь не затрудняет себя вопросом о характере этого спроса, о структуре спроса на промтовары вообще и т. д. Между тем, эти вопросы, как мы сейчас увидим, имеют решающее значение.

Во-первых, почему у «сверх-индустриалистов» троц-

кистского толка *деревенский* спрос отождествляется со спросом *сельского хозяйства* и, в частности, со спросом со стороны *зернового хозяйства*, — спросом, основанном на движении соответствующей сельскохозяйственной или даже зерновой *продукции* (ибо говорить об «отставании непокрытого деревенского спроса можно только при условии такого отождествления)? Почему не делается никакой, *ровно никакой*, попытки проанализировать структуру *деревенского спроса*?

Между тем, уже в «Контрольных цифрах» на 1927-28 год мы читаем, что, «по последним исследованиям, сумма этих доходов (доходов не специально сельскохозяйственного характера — Н. Б.) оказывается *почти равной сумме доходов от реализации сельскохозяйственных продуктов*». В 1927-28 году доход от реализации сельскохозяйственной продукции (вне деревни) составлял 2.634 млн. черв. рублей, а от неземледельческих занятий (вне деревни) — 2.400 млн. рублей.

Таким образом, действительно, *почти половина доходов крестьянства* (а следовательно, *почти половина деревенского спроса*) есть результат не земледелия, а других заработков и, в первую очередь, заработков, связанных с *самой промышленностью* (строительные работы и проч.). Поэтому *делать вывод об отставании от сельского хозяйства, на основе только факта непокрытого деревенского спроса, — нелепо.*

Во-вторых, делать этот вывод вдвойне нелепо, если связывать его (как это и делают г-да критики) с кризисом *хлебозаготовок*, т.е. с проблемами *зернового хозяйства*. Теперь-то и малому дитяти ясно, что оппозиционные побасенки об «ужасно-аграмадных» натуральных зерновых фондах деревни, все эти разглагольствования о 900 миллионах пудов разлетелись, как яркие пузыри, и лопнули навсегда. *Никто* больше этим рассказаниям не верит. Наоборот, все яснее и яснее становится то обстоятельство, что *хлеба* у нас производится вообще *мало*, что у нас часто в подсчетах *смешивали* растущие доходы деревни, ее *общие* доходы с доходами от *зерна*, т.е., по росту суммарных деревенских доходов неправильно судили о *движении производства зерновых хлебов*.

Даже по предположительным данным «Контрольных цифр» на 1927-28 год, данным, которые оказались для 1927-28 года по зерну *преувеличенными*, отмечалось *сокращение* валового сбора зерновых культур. По этим данным, сбор зерновых хлебов составлял в 1926-27 году 3.779 млн. рублей по довоенным ценам, в 1927-28 году — 3.708 млн. руб.; в процентах к предыдущему году составляет для 1926-27 года прирост на 3,8 проц., а для 1927-28 года — *сокращение на 1,9 проц.* (а в действительности, сокращение оказалось еще больше). В червонном исчислении *оба* года показывают сокращение: в 1926-27 году на 15,5 проц., в 1927-28 г. — дальнейшее сокращение на 0,6 проц.

Таким образом, *при бурном росте индустрии, при значительном росте населения, при подъеме потребностей этого населения количество хлеба в стране не растет.* Разве не ясно, что наплеви́стское отношение к зерновой проблеме являлось бы, при таких условиях, настоящим преступлением? И разве не ясно, что троцкистская постановка вопроса и троцкистское его «решение» вели бы прямехоньким путем к действительному, а не иллюзорному, краху.

Хлебозаготовительный кризис явился выражением все не *изобилия* хлеба при голоде на промтовары. Это «объяснение» не выдерживает никакой критики. Он *подготавливался* в обстановке измельчания крестьянского хозяйства стабильностью или даже падением зернового хозяйства и *проявился* 1) при выросшей диспропорции цен на зерно — с одной стороны, техкультур — с другой; 2) при росте добавочных доходов от неземледельческого труда; 3) при недостаточном повышении налоговых ставок на кулацкие хозяйства; 4) при недостаточном снабжении деревни промтоварами; 5) при возросшем хозяйственном влиянии кулачества в деревне.

В своем существе кризис этот связан был с неправильной политикой цен, с огромным разрывом цен на зерно и на другие продукты сельского хозяйства. В результате этого происходило перераспределение производительных сил *в сторону от* зернового хозяйства, их (относительное) *бегство* из области зерновой продукции...

Здесь — несколько слов о значении закона цен. С легкой руки *Е. А. Преображенского* идеологи троцкизма воображают, что закон социалистического накопления должен чем дальше, тем больше, изнашивать закон ценности, который есть закон равновесия *товарного* производства. Здесь не место разбирать подробно всю абсурдность этого положения. Укажем здесь, что самое противопоставление закона ценности, как закона товарного производства, и закона социалистического накопления, как заместителя и наследника закона ценности, *нелепо* уже по одному тому, что и при капитализме был закон накопления, действовавший на *основе* закона ценности: поэтому закон ценности может перерасти в наших условиях во что угодно, но только не в закон накопления. Сам закон накопления предполагает существование другого закона, на основе которого он «действует». Что это — закон трудовых затрат или что-либо иное — в данном случае для нас безразлично. Ясно одно: если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо *регрессирует*. Этот закон «годится» и для зернового хозяйства. Если соседние отрасли производства находятся в сельском хозяйстве в лучшем положении, происходит процесс *перераспределения* производительных сил. Если этого нет — происходит, в наших условиях, общий процесс *натурализации сельского хозяйства*. Думать, что рост планового хозяйства означает возможность (на том малом основании, что отмирает закон ценности) действовать, как левая нога захочет, значит не понимать *азбуки* экономической науки. Эти соображения являются достаточным базисом для определения границ «перекачки». *Противники индустриализации* возражают против всякого отчуждения хотя бы части прибавочного продукта, т. е. против всякой «перекачки». Но в таком случае замедляется темп индустриализации. *Троцкисты* определяют величину перекачки в пределах «технически досягаемого» (т. е. *выходить даже за пределы* прибавочного продукта). Ясно, что в таком случае не может быть и речи о развитии сельского хозяйства или его зерновой отрасли, что

необходимо для развития индустрии же. *Здесь истина лежит посредине.*

Но развитие (именно развитие, т. е. расширенное производство) сельского хозяйства вообще (в том числе и производства сырья, и зернового хозяйства) необходимо и с точки зрения *экспорта и импорта*. За ввоз оборудования нужно платить. То же самое за ввоз сырья. Было бы совершенно дикой вещью, если бы мы, после выпадения хлебного экспорта, на основе зернового кризиса, вообще переориентировались так, что навсегда поставили бы крест на этом экспорте. Довольно с нас временной зависимости от заграницы по линии импорта оборудования. Зависеть от нее одновременно и по оборудованию, и по сырью, и по хлебу — *немыслимо*. Мы должны, опираясь на нашу сельскохозяйственную базу и используя ее продукцию, платя за импортное оборудование «сельскохозяйственной валютой» (что, конечно, вовсе не исключает необходимости усиления и промышленного экспорта), *развивая свою тяжелую индустрию*, постепенно эмансипироваться от зависимости и по линии оборудования и становиться, таким образом, все более и более на собственные ноги (что, разумеется, не исключает необходимости дальнейшего использования международных экономических связей).

В-третьих, почему троцкисты умалчивают о *внедеревенском спросе*? Разве у нас сполна покрывается спрос рабочего населения? Разве у нас сполна покрывается производительный спрос *самой промышленности*? Разве у нас покрывается спрос на промтовары (металл, топливо, строительные материалы и проч.), предъявляемый *прочими отраслями обобщественного хозяйства* (транспортом, жилстроительством и т. д.)? Ведь нужно же понять, какое огромное значение имеют эти обстоятельства для понимания корней товарного голода, для понимания хода воспроизводства у нас.

Правда, в этой области у нас нет вразумительных статистических данных: наши хозяйственные органы еще не поняли всей *абсолютно неотложной необходимости* тотального и вдумчивого изучения *структуры спроса* на промтовары, хотя это значение, с точки зрения анализа

воспроизводства, является совершенно исключительным. По чрезвычайно грубым и лишь примерным исчислениям, произведенным по моей просьбе некоторыми товарищами и дающим представление не столько о точных пропорциях, сколько о *порядке* интересующих нас величин, дело представляется в следующем виде:

	%% от общего спроса на промтовары
1. Спрос на промтовары, предъявляемый самой промышленностью (как для нужд текущего производства, так и для капитального строительства)	37-39%
2. Спрос прочих отраслей обобщественного хозяйства	15-16%
<hr/>	
Итого спрос всего обобщественного хоз-ва(без зарплаты)	52-55%
3. Спрос лиц, живущих на заработную плату	15-16%
4. Спрос прочего городского населения	около 5%
5. Спрос крестьянства	23-25%
6. Экспорт промтоваров	2-2,5%

При этом спрос, создаваемый обобщественным *капитальным строительством* (со включением зарплаты строительных рабочих), входит в совокупный спрос на промтовары в размере, вероятно, 16-17 проц.

Таким образом, эти примерные исчисления, касающиеся структуры спроса на промтовары на предстоящий 1928-29 год, показывают, что деревенский спрос даже в *его целом* составляет лишь одну пятую или одну четвертую всего совокупного спроса на промтовары.

Что касается других частей спроса (т. е. трех четвертей или даже четырех пятых его!), то ведь *здесь налицо тоже «отставание»!* В частности и сама промышленность, развиваясь бешено, в рекордных темпах, предъявляет и бешеный спрос на промтовары же, но *не может* его удовлетворить. Когда Троцкий говорит, что промышленность отстает от роста деревенского спроса, от роста сельского хозяйства, то этот аргумент лишь на первый взгляд может выглядеть убедительно. Но вот при внимательном анализе оказывается, что *промышленность «отстает» от самое себя!!* Что это значит? «Промышленность отстает от самое себя». Как понимать эту формулу? А это

значит, что *промышленность в своем развитии натывается на границы этого развития*. Вот тот вывод, который обходится сверхиндустриалистом Троцким и замазывается рассуждениями о деревенском спросе на промтовары, рассматриваемом изолированно от всего совокупного спроса на промтовары. А «натываться» на границы означает следующее: 1) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между отраслями самой промышленности (напр., явное отставание металлургии); 2) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства (как промышленности, так и всего обобщественного сектора в целом): если нет кирпича и не может быть в данном сезоне его произведено (по техническим условиям) больше определенной величины, то *нельзя* сочинять программы строительства, *превышающие* этот предел, и вызывать этим спрос, который не может быть покрыт, ибо сколько ни форсируй строительство дальше, все равно из воздуха не сделаешь фабричных зданий и жилищ; 3) очевидно также, что границы развития даны *производством сырья*: хлопок, кожа, шерсть, лен и т. д. равным образом не могут быть добыты из воздуха. Но как ведомо всем, эти предметы суть продукты *сельскохозяйственного производства*, и их недостаточность является причиной недостаточного развития валовой продукции промышленности, которая не может, в свою очередь, покрыть целиком ни спроса городского, ни спроса деревенского населения. Если, следовательно, налицо недостача сырья плюс недостача хлеба (а это, помимо прочего, означает также «недостачу» экспорта и недостачу импортных товаров), плюс недостача строительных материалов, то нужно быть поистине остроумным человеком, чтобы требовать еще «сверхиндустриалистской» программы.

Подводя общие итоги, нужно сказать: 1) *По основным фондам, по валовой и товарной продукции темп развития индустрии чрезвычайно превышает темп развития сельского хозяйства*; 2) *Зерновое хозяйство, поставленное в крайне невыгодные условия, угрожающе отстаёт даже от минимально необходимых темпов*; 3) *Спрос со стороны деревенского населения наполовину является неземле-*

дельческим спросом, и сам в значительной мере порождается развитием крупной промышленности, обобщественного хозяйства; 4) Дальнейшее увеличение темпов в развитии индустрии определяется в значительной мере сельскохозяйственными сырьевыми и экспортными лимитами; 5) Очевидно далее, что при распределении средств внутри промышленности (а в части капитального строительства внутри всего обобщественного сектора) нужно добиться всестороннего учета всех факторов, определяющих «более или менее бескризисное развитие» (из резолюции XV съезда), более правильное сочетание отраслей промышленности и отраслей обобщественного сектора.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Раиса Орлова

ДЫРА В БРЕЗЕНТОВОЙ ТРУБЕ

Последние десять лет каждая новая книга Владимира Маканина вызывает в советской печати споры. Один критик полагает: «...в интересах соблюдения чистоты эксперимента из мира героев Маканина удалено само представление о ценностях высшего ряда: совесть, верность и честь, солидарность и чувство долга». Другой критик утверждает, что Маканин принимает «людей такими, какие они есть, писатель — не доверенный апостол, пропускающий в рай лишь избранных... Лю-

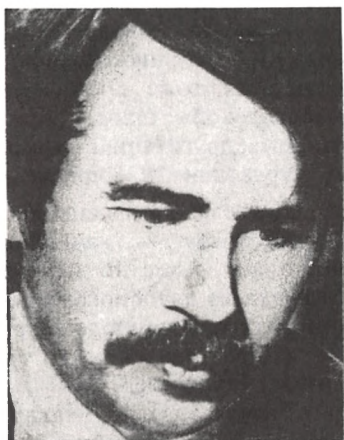
ди как люди — это никоим образом не отказ от нравственной определенности, а осознание человеческой сложности».

Книги Маканина могут дать основания и для одного и для другого суждения.

Он создал особый мир. Слагаемые этого мира: желтые уральские горы. Военное детство в бараке. Сиротство. Больничные палаты.

Повторяются, варьируясь, некоторые неизменные характеры: юноша из уральского городка, потерявшийся в Москве, добивающийся положения или даже славы, но теряющий нечто главное: свою душу. Кроткая, внешне тихая женщина, которая однако подчиняет себе сильного мужчину.

Повторяющиеся нравственные коллизии: если тебе в

жизни везет, значит у кого-то другого отнимается. Один может преуспевать лишь за счет другого.

Маканинский мир узнаваем, но узнаваемость придают не характеры — часто уже знакомые, и не ситуации — тоже нередко читанные. Узнаваемость, определенность придает интонация. Особый поворот, неизменно ироничный, не сразу заметный сдвиг привычного. И сюжетный и стилистический.

Владимир Маканин родился в 1937 году в Орске, на Урале. Первый роман «Прямая линия» опубликовал тридцатилетним. Его книги критика причисляет к так называемой «московской» школе — в отличие от «деревенской».

(Сам Маканин в Германии, — он был здесь в ноябре 1984 года, — о писательских литературных направлениях отзывался тоже иронически, а о своих сотоварищах по «московской» школе, прежде всего о предшественнике, старшем друге Юрии Трифонове, но и о В. Крупине, А. Киме, А. Курчаткине, Р. Кирееве — со щедрой привязанностью).

По-немецки изданы две книги:

«Голоса» — начинающийся с отточия роман-эссе, несколько сюжетно не связанных между собою новелл, отрывки из автобиографии, более всего — размышления о литературе, о природе творчества.

«Предтеча» — почти традиционный роман о чудоисцелителе Якушкине.

Рисуя характер, Маканин — по-брехтовски отстраняя и отстраняясь — говорит, что живого человека изобразить, в сущности, невозможно: перечитаешь свои же книги и увидишь, что не люди разгуливают по страницам, а 5-6 черточек... Но и продолжает населять свой мир характерами. Это одно из тех противоречий, что дает «тягу», движение повествованию.

«Голос» — одно из ключевых слов-понятий. Голос — орудие связи. Когда один голос не доходит до другого, — а Маканин часто изображает, как *не* слышат друг друга отец и сын, муж и жена, сослуживцы, — это «некоммуникабельность».

Окликнуть, даже пробить стену между людьми дано искусству. Дано и «экстрасенсам», чудоисцелителям.

Сегодня многие больные, отчаявшиеся в обычной

медицине, бросаются к чудоисцелителям. Об этом спорят и на Западе и в СССР. Маканинский герой поначалу — грубый, вздорный, дурно пахнущий старик, то тупо молчащий в депрессии, то изрыгающий нескончаемые демагогические речи. Лечит он именно этими речами. И настойками из трав, которые сам готовит, и массажем. И все объединяющим неким излучением.

Однако Якушкин не только лечит, но излечивает. Одного спас от рака. Другого от астмы. Третьего избавил от мучительных болей. И постепенно все его отталкивающие качества отходят на второй план. Но возникает и другое сомнение: он требует от своих пациентов полного подчинения, а имеет ли право один человек превращать другого — даже в целях спасения — в безгласный объект насилия?

В эпоху тоталитаризмов, обозначенных не только именами Гитлера, Сталина, Мао, но и Муна, и пастора Джонса (Гайяна), и багванов, проблема духовного насилия в высшей степени современна. И, вероятно, неразрешима. Впрочем, Маканин и в этом и во многом другом — писатель не «отвечающий», а «спрашивающий».

К Якушкину людей тянет не только потребность вылечиться, но и надежда — обрести некие высшие истины. Но писательская ирония разъедает претензии знахаря на роль своеобразного гуру.

Маканин — ученик русских классиков. В его книгах множество открытых и скрытых цитат — слова, строки, ситуации. То слышится Гоголь, то Чехов. Однако, он не только ученик, но и бунтарь. Сострадание к униженным и оскорбленным, к слабым, к старикам, детям, женщинам — одна из первых заповедей «святой русской литературы». По Маканину, никаких особых преимуществ на сострадание не имеет никто. И принадлежность к миру «слабых» отнюдь не гарантирует ни мудрости, ни доброты.

Остро полемизирует Маканин — уже непосредственно — со своими ближайшими предшественниками и современниками. Так героини Распутина: старуха Анна («Последний срок»), тетка Дарья («Прощание с Матерой») — женщины просветленные, олицетворение истинной народной нравственности. У Маканина же старик Савелий и групповой портрет «Старики в бане» («Голоса») — горькая сатира.

Жизни прожиты зряшно, старость и умирание — не красиво и отнюдь не благостно. Poleмика — в самой стилистике, в структуре фразы, тоже иронически отстраненной. То же и с детьми. Тринадцатилетний Колька, обреченный на смерть, изображен не как объект жалости. Внимание читателя сосредоточено на другом — на «ответном» зле мальчика, ненавидящего безжалостный мир. «Злая точность его ответов... Умненькая и злая улыбочка... Зло и неприязненно шевельнул губами...» — только на первых страницах. Жалуют открыто у Маканина редко. Одно из таких исключений — рассказ «Пойте им тихо». Палата тяжелобольных — переломы позвоночника (в такой палате долго вынужден был пролежать сам автор). Родные на разные голоса уговаривают больных проявить мужество. Героизм. Подняться над своей болью. А к одному приезжает старая тетка из деревни. Она спит на полу, ни к чему не призывает, плачет, жалеет, она единственная и приносит им облегчение. Им не надо барабанов, пойте им тихо...

Ни одна точка зрения не полна, ни один голос, и авторский в том числе, не выражает и не может выразить полноту истины. Ближние подступы к истине — разные оттенки иронии.

...В древнем племени, где царил полигамия, нашелся тунядец, который отважился жить с одной женой («Голоса»). Остальных он обменял на филейные части мамонта. Его обвиняли в аморальности. Он не обращал внимания и пошел дальше: заявил, что умрет достойнее, чем старейшины. Тут уж наказание последовало незамедлительно: «Ты умрешь завтра на закате». Приговоренных к смерти бросали со скалы в ущелье на острые камни, и они умирали в страшных муках. Тунядец всех перехитрил: он обошел многочисленных родичей, просил их на закате бить в тазы и плоские дощечки, а жене велел тайком укрепить на дне ущелья обломок копья. Успев еще крикнуть: «Совсем не больно!», он скончался мгновенно. С тех пор многие столетия приговоренных к смерти сопровождал барабанный бой.

...Пионер заблудился в лесу и унес единственный в отряде барабан. Его исключили из барабанщиков.

В маканинских притчах — режущий звук. В отличие от

лада деревенской прозы (Василий Белов «Лад») здесь сплошной разлад — в характерах, в сюжетах, в стиле.

Размышляя о самой способности человека к творчеству, писатель спрашивает: «... почему бы не счесть такие вот выхлопы и выбросы голосами людей, давно быть может умерших, которые, петляя по родовым цепочкам прапрадед-прабабка-дед-мать-сын, дошли, наконец, до тебя и иногда звучат, нет-нет и распирая тебя генетической недоговоренностью. Можно представить и вообразить пожарную кишку, длинную, наглухо закупоренную брезентовую трубу, которая в одном-единственном месте — в тебе — имеет случайную трещину, дыру небольшую и стало быть выход».

Один из советских критиков сопоставил «Голоса» с книгой Константина Паустовского «Золотая роза» (1955). Золотая пыльца розы (обычный романтический образ) и дыра в брезентовой трубе — в обоих книгах речь идет о таинственных творческих возможностях, но сколь противоположны способы выражения!

Мне легче дышать в мире Паустовского, в котором я прожила долгие годы и куда неизменно возвращаюсь. В реальности или в фантазиях, но близки мне миры Трифонова, Искандера, Распутина, — хотя, конечно, любой писательский мир требует, чтобы войти в него, и времени и усилий.

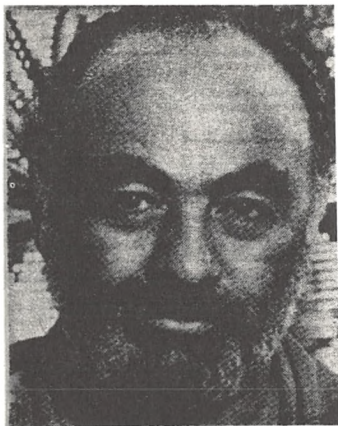
Не могу сказать, чтобы я полностью вошла в маканинский мир, — в нем для меня остается многое недоступным, есть понятное, есть и неприемлемое. Рискую написать и об этом потому, что одна из писательских его особенностей — раздражать, провоцировать, даже отталкивать часть читателей.

Но я высоко ценю, что, сквозь дыру в брезентовой трубе, до нас дошли некоторые голоса, еще нами не слышанные. А это не мало.

О ПАРАДЖАНОВЕ И О ЕГО ФИЛЬМАХ

Теперь мне уже совершенно ясно, особенно отсюда, издалека (а там, вначале, были лишь первые восторги), — теперь уже мысль эта полно оформилась и спокойно ложится на бумагу: если что и останется от искусства Киева 60-х — начала 70-х годов, то в первую очередь это кино Сергея Параджанова.

Да, это именно так, хотя снял он только два фильма. Мало по счету, особенно если мерить западными мерками, но тут уж, ясно, не его вина. Все мы, друзья и приятели Сергея, прекрасно знали, сколько фильмов он мог бы сделать за это время, сколько его идей, сколько сценариев было загублено на корню, в самом начале, кинематографической бюрократией, а шире говоря — советской системой. Понимая всё это, зная к тому же творческие принципы Параджанова и его непримиримый характер, скорее нужно удивляться тому, как смог он пробиться через самую тяжелую из всех, многоступенчатую советскую киноцензуру и сделать все-таки эти два фильма: «Тени забытых предков» и «Цвет граната» — всего два, но зато какие! Первый породил целую кинематографическую школу, «школу Параджанова»; второй поднялся на такую высоту, что казалось, дальше Сергею уже и подниматься некуда. Прав я или нет в этом своем

* Вилен Барский — киевский художник и поэт, в течение многих лет дружил с Сергеем Параджановым. С 1981 года живет в Западной Германии. Copyright автора.

последнем утверждении, не знаю, но одно ясно — подняться не дали.

О Параджанове как о человеке можно говорить без конца. Говорить не надоест, так же как и слушать. Это был человек-легенда. Яркость его личности, противоречивая многоплановость его характера ошеломляли сразу, при первой же встрече. Он был полной и крайней противоположностью советскому стандарту, отпущенному для «знаменитостей» и «выдающихся деятелей искусства», то есть, раз уж такой, то — самый добрый, самый благородный, самый умный и т. д. и т. п. В Параджанове было намешано абсолютно все — «плохое» и «хорошее»; предсказать его наперед было совершенно невозможно, а проявлял он себя в жизни уж как «весомо, грубо, зримо»! Однако, вспоминая, думаю: его искусство царило над ним и, в самом последнем, конечном счете, он, как всякий большой художник, подчинялся ему, своему искусству. Поэтому — не биография у него, а судьба. Ну вот, скажем, Сергей был по-восточному хитер, но, в самом деле — не хитрее же он был своего творчества, своей творческой интуиции, которой он следовал как художник и которая, в конечном счете, предопределила всю его судьбу; иначе не резали бы ему сценарий за сценарием, не рубили бы одно начало фильма за другим, не посадили бы в лагерь, не закрыли бы перед ним на годы двери киностудий...

Вот поймал я себя на том, что пишу о нем живом в «воспоминающем» прошедшем времени, как об умершем. Пусть простит мне он, если эти слова дойдут до него. Ведь почти десять лет, как отняли его у кино. Ведь он так далеко уже от Киева — в Тбилиси, после четырех лет лагерей, затем нового ареста (но, кажется, на этот раз не посадили, не дали срока). Да и сам я от Киева не близко — в Западной Германии.

Но пройдет, может быть, время, и на киевской киностудии, рядом с профилем Довженко, появится профиль Параджанова. Параджанова, который всегда, кстати, считал Довженко своим учителем.

Все это звучит несколько эмфатически. У Параджанова все было проще и резче. Он был оригинальнейшим

кинорежиссером страны в то время, прекрасно знал это и, скромностью не греша, об этом напоминал. Он имел бы право сказать в королевском стиле: «Студия Довженко — это я». У него это звучало иначе, и я сам свидетель, как он прямо в лицо одному Засл. деят. искусств, вполне серому режиссеру (фамилию забыл и вспоминать неохота) говорил на киностудии: «Ты — говно, и все вы говно», при этом — не с пеной у рта, а так, просто, как само собой разумеющееся. Засл. деят. искусств улыбался и продолжал разговор с Параджановым дальше: с одной стороны, к выходкам Сергея все привыкли, с другой же стороны, как говорится, против правды не попрешь.

Еще один почти анекдотический случай, но, как мне кажется, много говорящий о феноменальной всесторонности Параджанова. Второго такого, кто бы так чувствовал, мгновенно постигал предмет, вещь, ее фактуру, цвет, форму и, соответственно, роль, которую вещь может сыграть в кадре или просто в жизни, я не встречал. На моих глазах однажды он вцепился в дорогущую меховую шубу, купленную женой одного нашего общего приятеля, киевского художника; шуба не шла ей, «не сидела» — дама была, мягко говоря, не худенькая, — и Сергей в какие-нибудь тридцать минут, орудуя острым ножиком и бритвой, выпорол теплую подкладку, что-то сделал с рукавами, с отворотами, что-то подколот (хозяйка тряслась от страха, что все будет безвозвратно испорчено) — вся комната была в вате, и сам Сергей, — и вот он надевает свое произведение на хозяйку: здорово! Объясняет, какому мастеру отдать, чтобы закончить шубу, и тут же, забыв обо всем этом, переходит к разговору о чем-то совсем другом. Причем не только дело было сделано — все это было исполнено необыкновенно артистично, свободно, как своего рода балет тела, рук и предметов, это было захватывающее зрелище-импровизация, что-то может быть подобное знаменитым режиссерским показам Мейерхольда, о которых я, конечно, только читал. Да, такой человек!..

Поняв эту особую черту Параджанова, глубже постигаешь значение мира предметов, физическое и метафизическое их бытие в его фильмах. Мир предметов — важная часть визуального поэтического киноязыка, которым Параджанов

говорит со зрителем (вспомним поразивший всех эпизод с сушащимися древними монастырскими книгами в начале фильма «Цвет граната», где книги эти становятся почти что главным действующим лицом). Более того, иногда и актером он пользуется как предметом, извлекая новую особую экспрессию, скажем, из статики какого-нибудь юношеского торса или из иератически-медленного показа лица с разных сторон. Можно было бы сказать, что в умении пользоваться предметом в кадре, выразить через предмет то, что нужно режиссеру, Параджанов превосходит даже таких мастеров кино, как англичанин Хичкок или француз Брессон, если бы не то, что роль предмета у Параджанова и у них различна. Если Хичкок и Брессон используют (каждый по-своему) показ предмета как сюжетно-выразительной детали кадра, и только в качестве одного из приемов в ряду многих других, то у Параджанова показ предметов, вещей становится одним из главных, структурных, элементов построения его кинопоэтических символов. В почти бессловесном и бессюжетном мире фильма «Цвет граната» торжествует поэзия визуальной метафоры, опирающейся на предметы, на символику их значений и форм.

Фильмом, принесшим славу Параджанову, были «Тени забытых предков». Для Сергея этот фильм был как бы открытием самого себя, первой картиной, в которой он смог по-настоящему высказаться. Последовало множество премий на заграничных кинофестивалях. «Тени забытых предков» стали вдохновляющим примером для молодых украинских кинорежиссеров, которые, поверив в плодотворность пути Параджанова, пошли за ним. Специально он, конечно, никого никуда не звал. Но в украинском послевоенном кино параджановская картина была грандиозным событием. Из года в год студия Довженко подвергалась всеобщему осмеянию (конечно, не официальному) за свои бездарные фильмы, где тень самого Довженко и не ночевала. Фильм Сергея пробил в этой нескончаемой халтуре огромную брешь.

Он оказался связующим звеном между истинной довженковской традицией и новым украинским кино,

которое именно и началось с параджановского фильма. В «Тенях забытых предков» Параджанов выступил в большой степени как продолжатель своего учителя Александра Довженко. По сути, Параджанов был единственным среди украинских кинорежиссеров тех лет, кто вдохновлялся в своей работе творчеством раннего Довженко, единственным, кто почувствовал необходимость этой преемственности. В первую очередь я имею в виду фильм Довженко «Земля», с его почти архаическим чувством жизненной силы и украинских национальных корней, пребывающих в людях села, людях земли. Параджанов не повторял, конечно, экспрессионистской формы учителя — его художнический темперамент был другим, не схожим с довженковским. Это было новое и вполне личное, оригинальное обращение к наследию Довженко, к тем его глубинным основам, о которых выше шла речь, а не к узко-идеологичному, ходульно-пафосному, чего там также имелось предостаточно.

Потянуло свежим воздухом. И молодые не могли не пойти за Параджановым. Другой вопрос, хватило ли у тех, на кого повлияла стилистика его кино и его идея обращения к истокам пусть даже примитивного, но цельного народного бытия (что уже само по себе противостояло унылой идеологической халтуре, производившейся на студии Довженко), — хватило ли у них таланта продолжать и развивать параджановскую линию. К сожалению, я думаю, далеко не всегда. Но всё же то, что начало делать молодое поколение, идя по стопам Параджанова, это уже было что-то, это уже было кино, о котором хоть можно было говорить.

По-настоящему удачным фильмом так называемой «школы Параджанова» был фильм «Каменный крест» Леонида Осыки. Пожалуй, только Осыка, один из всей «школы», обладал режиссерской индивидуальностью. Обратившись вслед за Параджановым к корням народной жизни (как и в «Тенях забытых предков», к гуцулам), он снял фильм в собственной манере, более суровой, как будто почти документальной, где большую роль играл сюжет и реалии тяжелого труда на земле.

Всё остальное оказалось значительно слабее. Примером могут быть фильмы Юрия Ильенко. «Тени забытых предков» были прекрасно сняты им как оператором (изумительная гармония цвета — сочетания цветовых пятен гуцульской одежды на фоне снега до сих пор не забылись). Но дело в том, и это хорошо известно, что за спиной Ильенко неотступно стоял сам Параджанов, со своим безошибочным вкусом к пластике кадра, к цветовому единству и т. д. и, главное, со своей собственной *концепцией* фильма. Конечно, Ильенко отлично снял параджановский фильм, это несомненно. Но как только он сразу же вслед за этим решил, что он еще и режиссер, и стал сам ставить фильмы, любители кино были разочарованы. Хороший оператор — это еще не значит хороший режиссер. Ильенко не хватало глубины и поэтичности Параджанова именно в режиссерском смысле. Эффектная, местами даже вычурная операторская работа Ильенко в его собственных фильмах, весьма поверхностное эксплуатирование фольклора не могли заменить параджановской *глубинной позиции*, органически противостоящей и любым киноштампам, и голой виртуозности.

Как было уже сказано, в «Тенях забытых предков» Параджанов обрел свой собственный кинематографический язык и свою тему. Добавлю, что удаче фильма во многом помогли люди, работавшие в киногруппе — Сергей всегда умел находить самых лучших, самых нужных. Важную роль сыграл в создании «Теней» киевский график Юрий Якутович. Сам он незадолго до участия в работе над фильмом Сергея сделал интересный цикл иллюстраций к одноименной повести Коцюбинского. Он много ездил по Гуцульщине, изучал быт, одежду, проникался пейзажем. Все свои знания об этой земле и ее людях он передал Сергею. Я даже думаю, что он в какой-то степени заразил Сергея своей любовью к Гуцульщине, а Сергей тем более легко шел на это, что детство его прошло в Грузии, тоже среди людей гор и горного пейзажа (здесь стоит напомнить о возврате Сергея к своим кавказским истокам в «Цвете граната» — в этих переходах от одного к другому, от Кавказа детства к Карпатам, и потом опять к Кавказу, я вижу органичную связь детства художника и его искусства).

Встреча с непосредственной реальностью гуцульского быта была для Параджанова только началом. Главные же его находки ожидали его там, где он смог увидеть и почувствовать то, что стояло за ней. И наиболее интересны в параджановском фильме не те места, где он следует сюжету, или места этнографически-фольклорные, а как раз те эпизоды и фрагменты, где он отказывается от всего этого, особенно от повествования, и чисто пластическими кинематографическими средствами выражает свое чувство мифа, сказки, глубинных основ бытия, проглядывающих через реальность, — те эпизоды, где ему удалось средствами своего поэтического киноязыка создать не всегда даже до конца понятные зрителю, однако эмоционально действенные сгустки этого бытия. На этих эпизодах, собственно, и держится фильм, это сделало его *большим кино*. Именно в них родились основы того стиля, который был наиболее полно развит Параджановым в фильме «Цвет граната».

«Тени забытых предков» были, прежде всего, огромным событием в украинском киноискусстве, но, конечно же, дарование Параджанова заявило о себе в масштабах всего советского и даже мирового кино. Парадокс заключался в том, что его дарование не соответствовало советским стандартам, и трагическая, без преувеличения, дальнейшая судьба Параджанова подтверждает это. Параджанов по своей духовной сути был человеком «вне рамок». Он не начал, используя свой успех, создавать компромиссные фильмы, он не стал «декоративным» режиссером, который был бы, пусть с некоторым даже неудовольствием, приемлем для власти. Чувствуя, что наступил этап формирования своего собственного стиля, Параджанов, естественно, желал развивать то, чего достиг, и притом не идя на уступки.

Вот тут-то и начались осложнения. Официальная бюрократическая машина заработала. Сценарий за сценарием отвергается. Ведь неписанным законом у нас на родине стало то, что талант, оригинальность, коль скоро они не желают (или не могут) прислуживать правящему классу партократии, работая в рамках мертвящей советской идеологии, попросту не нужны, может еще и вредны. Сергей оказался в бесконечном «простое», как говорят кинемато-

графисты. То есть, он получал зарплату, но снимать не мог. Однако его работа над новыми сценариями и планами их реализации (как и непрестанное их обсуждение с друзьями) продолжалась. Его киевская квартира была центром притяжения, своеобразным клубом — входная дверь не закрывалась даже и в буквальном смысле: когда бы вы ни пришли к нему, дверь всегда была приоткрыта, и, выйдя из лифта на площадку, вы сразу же слышали гул голосов из квартиры Сергея; звонить не надо было, вы открывали дверь пошире и просто входили.

Наконец, удалось ему «пробить» один сценарий — «Киевские фрески». Все было задумано очень увлекательно. Сергей мне рассказывал о своей идее снять весь фильм статично, несколько театрализованно, с актерами, играющими на наклонных (в сторону зрителя) плоскостях, с развернутыми, как бы сверху видимыми, ступенями — как у фигур на старинных фресках или иконах. Все это захватывало воображение. Когда я увидел пробы актеров, смонтированные в ролик, я был потрясен, хотя все выглядело не совсем так, как говорил Сергей. Двадцатиминутные пробы, по сути, были не подсобной технической работой, как это обычно бывает, а великолепными мощными кусками, высокоэмоциональными фрагментами будущего фильма.

Сергей хотел, чтобы я работал в «Киевских фресках» как художник. Для начала он заказал мне копию с «Инфанта Маргариты» Веласкеса из киевского Музея западного и восточного искусства. Копию он желал не просто приближительную, для показа в мимолетном кадре, а выполненную по большому счету, по-настоящему. С превеликим трудом мне удалось договориться с директором музея и получить разрешение делать копию в величину оригинала, как хотел Сергей. И в конце концов, когда я уже собирался начать работу, Сергей вдруг от своей идеи отказался. Для него это, возможно, была мелочь, но я ужасно обиделся — я же не штатный художник с киностудии (там они привыкли к таким вещам, особенно, работая с Параджановым), я же вольная птица...

Всё это, конечно, пустые были обиды — главное

заклучалось в том, что фильм, который уже виделся Сергею почти живым, воплощенным, был закрыт вскоре после проб, в самом начале работы. И опять простой... Опять новые идеи сценариев и новые отказы сверху. Параджанову как бы давали понять, что возьмут его измором.

С чего же начался фильм о Саят-Нове — поэте XVIII века, армянине, который был советником и придворным поэтом грузинского царя Ираклия, влюбился в царевну, был пострижен в монахи, стал бродячим ашугом?.. Мне не известно, как соприкоснулся Сергей с образом поэта, как произошла эта духовная встреча. Сергей исчез из Киева — картина снималась на студии «Арменфильм». Я почти ничего не знал о съемках. По-моему, в Киеве об этом не очень было слышно.

Тем более ошеломил сам фильм, который мы увидели, когда Сергей неожиданно устроил в Киеве просмотр. Тогда я и увидел его впервые — в маленьком просмотрном зале на киностудии Довженко, где Сергей неофициально показывал еще не вышедший на экраны фильм друзьям и знакомым. Скажу сразу — первый просмотр фильма «Саят-Нова» (название «Цвет граната», как мне кажется, появилось позже) был одним из самых сильных художественных потрясений, когда-либо мною испытанных. Для меня это было откровением. Как о Кафке было сказано, что его не читать надо, а перечитывать, так без конца хотелось смотреть параджановский фильм — еще и еще. На то были многие причины. Фильм поражал своей необычной красотой и вместе с тем был чрезвычайно сложен, многозначен, параболичен. Первоначальный шок не удовлетворял — хотелось разобраться во всем. Я смотрел «Саят-Нову» много раз на таких же неофициальных просмотрах, устраиваемых Сергеем (фильм всё еще «придерживали», не выпускали в прокат). Думаю, что эти показы друзьям и окружению были для Сергея большой радостью. Он несомненно понимал, что сделал шедевр. И, конечно, он надеялся на более широкую аудиторию ценителей кино, на то, что фильм попадет на международные кинофестивали.

Прежде всего установим внутренние связи. Безусловно, в «Саят-Нове» Параджанов реализовал идею авторского

фильма, что он пытался сделать уже в «Тенях забытых предков» и что, возможно, осуществил бы в «Киевских фресках», если бы работу над этим фильмом не прервали насильственно. Более полно определилось и параджановское понимание сущности национального бытия, как проявления коллективной души народа, сложившейся в глубинно-корневой связи исторической судьбы, вековых традиций религии и быта, родной земли, ее пейзажа, света родного неба. Новым в фильме «Саят-Нова» было то, что с этой основой неотделимо слит образ поэта, его судьба, тайны его души. Органично также появление личной, автобиографической как бы, ноты, которая звучала подспудно, ненавязчиво. Подробнее об этом — дальше.

В плане кинематографическом, визуальном, стиль Параджанова достиг полной зрелости и чистоты. При сравнении «Саят-Новы» с прежними работами было ясно, что Параджанов снял великий и *чистый* фильм. Никакого рассказывания, сюжетности, минимум слов. Торжествует пластика, исполненная символик. Живописный принцип построения каждого кадра не ведет к раздробленности — объединяющий ритм связывает всё. Визуальные метафоры и символы, заменяющие традиционный сюжет, рожают особый род кинопоэзии, сложной, глубокой, таинственной.

Пожалуй, параджановский живописный подход к композиции каждого кадра предвосхитил так называемый «пиктурализм» — новейшее течение в западноевропейском кинематографе, за которым уже последовали многие американские кинорежиссеры. Наиболее плодотворен этот стиль у интереснейшего режиссера Вима Вендерса. Использование цвета как эмоционального фактора также не было случайным для Параджанова — ведь он начинал как художник; но изобразительная сторона, тем не менее, не превращалась у него в живопись на экране.

Многое в фильме прояснилось только после нескольких просмотров, когда я освоился с параджановским киноязыком. Мое восхищение фильмом все увеличивалось. Всё в нем было органично и цельно: крупные куски и малейшие фрагменты, тонкости. Находки Параджанова изумляли. Начальный эпизод «Книги возлюби», по-моему, мог бы стать хрестоматийным в истории кино: сотни огромных

древних рукописных книг, отсыревших в книгохранилище монастыря, разложены монахами в бесконечные ряды по всему монастырскому двору для сушки, — и мальчик Саят-Нова среди шелестящего, грохочущего на ветру мира их тяжелых страниц, под горным солнцем. Или еще: прекрасная Софико Чиаурели в дворцовом эпизоде, играющая одновременно и царевну, в которую влюблен молодой поэт, и его самого: медленное покачивание зеркала, взгляды, покачивания обоих лиц-отражений, те же лица в реальном пространстве, опять отражения в зеркале, — и постепенно зритель понимает, что, несмотря на разные одежды, на то, что это он и она, у них обоих одно лицо — как символ влюбленных, слившихся воедино.

Метафора следовала за метафорой, почти так, как в стихотворении. Глубокий смысл эпизодов раскрывал себя постепенно, как бы сопротивляясь, и труд зрителя, постигающего этот смысл, становился какой-то особой, невидимой частью фильма. Параджановская сложность, конечно, не могла привлечь массового зрителя, но вот слова самого Саят-Новы, которые могут быть комментарием к этому:

Не всем мой ключ гремучий пить —
Особый вкус ручьев моих.
Не всем мои писанья чтить —
Особый смысл у слов моих...

Цветовое решение фильма отличалось от мягкой тональности «Теней забытых предков», но и от напряженного тяжелого цвета актерских проб «Киевских фресок». Все было звонко, чисто — голоса стихий: струящаяся вода, сверкающие в солнце земля и камни древних монастырей.

То, что я когда-то слышал от Параджанова о стилистике будущих «Киевских фресок», то, что тогда ему не дали реализовать, во многом узнавалось в «Саят-Нове» — использование стиля фрески, иконы в композиции кадра, иератичность фигур актеров, как будто сошедших с византийских мозаик, некоторая, почти театральная, условность их поз и движений. Все это очевидно было связано с издавна привлекавшей Параджанова ритуальностью сре-

дневкового быта и религиозной обрядностью. Эти очень точно найденные элементы изображения придают фильму некий неуловимый, но все же ощущаемый зрителем оттенок религиозного действия.

С точки зрения операторской работы «Саят-Нова» своеобразен в том смысле, что, работая с Параджановым, оператор должен был, отказавшись от своей собственной стилистики, стать прямо-таки глазом режиссера. И Сурен Шахбазян (с киностудии Довженко) оказался именно тем, кто смог точно и тонко выполнить эту задачу.

В общем, было совершенно ясно, что Параджанов сделал фильм международного класса, и притом самого высокого. Более того, я считаю «Саят-Нова» («Цвет граната») самым оригинальным и новаторским советским фильмом последних тридцати пяти лет — приходится говорить «советским», но какой же он советский!? Была невероятна, загадочна эта полная *свобода* от всего того, что есть советское и что принято таковым считать. Просто в голове не укладывалось, как в СССР можно было сделать такой фильм! Как Сергею удалось довести это дело до конца!

Покойный Валерий Ламах (киевский мудрец, о котором можно было бы многое рассказать), не соглашаясь с моим восторженным отношением к фильму Параджанова, говорил мне: «Невозможно сделать большое искусство только из своей жизни». Говоря так, он как будто не видел, что *не только*, не просто из своей жизни создавал Параджанов свой фильм. Ведь это свое «Я», образ самого себя бессознательно отождествлялся Сергеем с образом Саят-Новы, и оба эти образа, слившись, возвышались и растворялись в сверхличном пробразе поэта, творца, в *архетипе* Поэта, извечно пребывающем в коллективном бессознательном человечества. Приведу слова швейцарского психолога Карла-Густава Юнга, создателя понятий «архетип» и «коллективное бессознательное»: «Тот, кто говорит архетипами, тот говорит *тысячей* голосов, он захватывает и покоряет; при этом он *возвышает* изображаемое им — случайное и преходящее он делает вечносущим, индивидуальную судьбу он *преображает* в судьбу всечеловеческую, и тем самым

высвобождает в нас благотворные силы, которые всегда давали человечеству возможность спастись от всех опасностей и выносить даже самую долгую ночь... В этом — тайна воздействия искусства». Коллективное бессознательное, по Юнгу, с одной стороны, вечно содержит в себе всё, что оно в себя вобрало на протяжении тысячелетий, с другой же стороны, как бы «творит из себя новое содержание и тем самым подготавливает сдвиги общественного сознания»*

О фильме «Саят-Нова» нужно добавить, что несмотря на исторический антураж: на подлинность древних монастырей с высеченными на их стенах древними текстами, на старинную одежду и средневековую ритуальность движений — фильм не является историческим в общепринятом смысле и ни в коей мере не изображает буквально-исторически жизнь самого Саят-Новы. Фильм Параджанова, который «случайное и преходящее делает вечносущим, индивидуальную судьбу преобразует в судьбу всечеловеческую», по сути — внеисторичен. Это не «давно», это — «всегда».

Я думаю, что Параджанов в основах своего творчества удивительно близок идеям Юнга о глубинных истоках большого искусства, что он и есть живой пример художника, «говорящего архетипами» (уверен при этом, что о Юнге он ничего не знал). Не случайно вдохновлялся Параджанов и клеймами икон, где святой часто изображался с разными лицами, что, возможно, и стало толчком к тому, чтобы дать роль Саят-Новы в фильме четырем исполнителям, совершенно не похожим друг на друга. Выбор такого чисто символического решения образа Саят-Новы был сделан именно потому, что интуитивно Параджанов видел образ поэта как всеохватывающий, сверхличный и вневременный, т. е., по сути архетипический.

Итак, фильм был столь прекрасен и оригинален, всё было настолько сильно высказано, что, казалось, не только «параджановцы», но и сам Сергей, идя по этому пути, ничего

* С. Аверинцев, «Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии». В кн. «Религия и литература», «Эрмитаж», 1981, с.118.

более высокого уже не сможет создать — может казалось так потому, что у каждого художника, вероятно, есть какой-то свой предел, своя вершина?..

Судьбе его фильма суждено было стать почти такой же трагичной, как и его собственной судьбе — одна как бы предвосхищала другую. Время шло, а фильм не выпускали на экран. Повезло только зрителям Еревана, Тбилиси и Баку — «Саят-Нову» недолго показывали там в рамках очередного дежурного «месячника дружбы трех братских республик» (зрителям действительно повезло — они увидели фильм в оригинальной редакции).

В такой ситуации, которая, казалось, будет длиться бесконечно, Сергею ничего другого не оставалось, как согласиться на переделку фильма. Сделано это было режиссером Юткевичем. К сожалению, вторая версия — «Цвет граната» — классический пример того, как много может потерять прекрасное произведение в результате переделок, сделанных, вдобавок, еще и чужими руками. В перемонтированном, искаженном виде «Цвет граната» вышел наконец на экраны. Показывался он и в Киеве, но только в одном маленьком кинотеатре. Мне, в памяти которого сиял образ оригинала, мучительно было видеть эту вторую версию. Конечно, многое как будто осталось, но всё вместе (начиная с грязного тусклого цвета, в чем виноват, собственно, не Юткевич, а плохие копии) было уже не то, было лишь приблизительным подобием детища Параджанова. И все-таки английские и французские кинокритики, по слухам, только недавно увидевшие «Цвет граната», восхищаются и этим вторым вариантом.

Вскоре после выхода «Цвета граната» на экран, незадолго до ареста Сергея, он опять вернулся к Коцюбинскому. Он пригласил меня и моего приятеля, киевского художника Кима Левича, принять участие в важном этапе подготовки к фильму «Интермеццо» (по рассказу Коцюбинского), а затем и в самих съемках. Сергей хотел сделать фильм, используя при монтаже старые дореволюционные фотографии: семейные, журнальные и т. д. Именно мы должны были отобрать эти снимки, просмотрев обширный

материал. Сергей — мы просидели у него полдня — нажимал на нас, пел дифирамбы нашему вкусу, говорил, что полностью нам доверяет... Фильм был очень интересно задуман, и все же мы отказались (правда, думаю, по совершенно различным причинам). Левич, как мне кажется, потому, что просто несколько испугался обстановки и атмосферы в доме Сергея — он был тут, пожалуй, впервые, а весь шум, гам, непрерывная маскарадная безумность домашнего быта хозяина — все это смутило бы любого непривыкшего, и Ким, человек спокойный, тихий (очень интересный художник, прекрасный колорист), «отошел в сторону». Меня же Сергей еще продолжал уговаривать: «Ну пойдешь ко мне консультантом по цвету» (что это еще за должность такая?), «будешь получать 120 рублей и ничего не будешь делать, только на плане присутствовать», но я, занятый в те времена чем-то своим, важным, да и наученный уже его переменчивостью, и от этого отказался.

Сценарий «Интермеццо» не был принят, так же как когда-то была зарублена начавшаяся работа над «Киевскими фресками», — судьба большинства проектов Параджанова...

Все-таки у меня была одна «золотая мечта» — предложить ему и сделать вместе с ним фильм по «Слову о полку Игореве». Мне казалось, что он единственный, кто сможет найти кинематографический эквивалент этому поэтическому словесному потоку. Пока я обдумывал какие-то ходы, в смысле решения фильма, собираясь открыться Сергею, его арестовали.

Арест Сергея — сложная история. Очевидно, впрочем, что арест назревал и заранее подготавливался, и какие-то рычаги сверху были приведены в движение одним из высших киевских партократов, действовавшим по мотивам личной мести. Но главное было не это — главное заключалось в том, что Параджанов был человеком «вне рамок», по струнке ходить не желал, высказывался обо всем, в том числе о вопросах политических, откровенно и демонстративно. Известно, что незадолго до ареста он чрезвычайно резко и бескомпромиссно выступил на каком-то партийном собрании в Минске, посвященном вопросам культуры. Высшие

чины, присутствовавшие там, естественно не привыкли, чтобы их уши слушали такие речи. Произошел, что называется, «скандал». Все это не могло остаться без последствий. Хотя Параджанов не был диссидентом в общепринятом смысле слова, его жизненная позиция была безусловно не по нраву ГБ, а его творчество представляло собой в самой своей основе не что иное, как сверхинакомыслие — всё в нем было не идеология, не шаблон, не унылая приемлемая серединка, все было «инако». Как известно, у нас на родине «был бы человек, а дело всегда найдется» — посадить человека, сфабриковав дело, в общем-то очень просто. Так и поступили власти с Параджановым. Он получил пятилетний срок.

После кампании за освобождение Параджанова, проведенной на Западе, в которой принимали активное участие знаменитые режиссеры Феллини, Годар, Антониони, Сергей вышел на свободу за год до конца срока. В Киев он, конечно, вернуться не смог — уехал в Тбилиси. В кино его уже попросту не пускали. В 1982 году было сообщение о том, что он опять арестован, теперь в Тбилиси. Не так давно дошли оттуда слухи, что он на свободе и даже как будто снимает фильм. Как говорится — дай Бог, чтобы это было действительно так.

Независимо от того, завершен ли его творческий путь или будет продолжен, Сергей Параджанов двумя своими фильмами принадлежит и Украине и Кавказу. Безусловно, его имя много значит в мировом кино, и если бы его судьба не была столь трагична, если бы власти дали ему возможность снять все, что он хотел, его имя значило бы еще больше и было бы еще весомей. То, что судьба Параджанова сложилась именно так, а не иначе, еще раз свидетельствует о ситуации искусства, тяготеющего к свободе, внутри тоталитарной советской системы.

А Киеву — Киеву просто повезло, что режиссер Сергей Параджанов жил и работал там почти полтора десятка лет, так же как и для Параджанова исключительно важными, решающими были годы работы в Киеве, на Украине. И в отличие от официального советского лозунга о дружбе

народов, за которым, по сути, ничего не стоит, поскольку ничего кроме идеологической показухи власть в этом направлении не делает — ибо не дружба народов власти нужна, а равное их повиновение, — в отличие от этого Параджанов своим искусством творил дело *истинной* дружбы, дружбы национальных культур, духовной связи наций.

Январь, 1984.

Новая книга:

Майя Каганская • Зев Бар-Сима

**МАСТЕРЬ ГАМБЕСЬ
И
МАРГАРИТА**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 Смена поколений. Изменится ли политический курс?
- 10 Пятые Международные Сахаровские слушания (резолуция).
- 12 Интервью по личным вопросам.
- 39 *Владимир Малинкович*. Не по былинам сего времени, а по замыслению Бояню.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 74 *Сергей Максудов*. История с географией.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 95 *Гунарс Астра*. Давно уж вода в колодцах правды горчит...
- 106 *Эрнст Орловский*. О выступлении Валерия Репина по телевидению.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 124 США и права нерусских народов СССР (*Интервью с Эллиотом Эйбрамсом*).
- 129 *Александр Беннигсен*. Ислам в СССР после вторжения в Афганистан.
- 146 *Евген Крамар*. Цыгане.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 162 *Рудольф Штейнер*. Рождество. Размышление из жизненной мудрости * Общие требования для всех вступающих на путь оккультного развития.

ИСТОРИЯ

- 183 *Омельян Прицак*. «Повесть временных лет» и историческая правда.

198 *Лев Троцкий — Николай Бухарин.* Дискуссия о результатах НЭПа в сельском хозяйстве.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

217 *Раиса Орлова.* Дыра в брезентовой трубе.

222 *Вилен Барский.* О Параджанове и о его фильмах.

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:

Англия — 3 фунт.

Германия — 15 н. м.

США — 7 ам. долл.

Франция — 40 ф. фр.

Годовая подписка:

10 фунт.

50 н. м.

25 ам. долл.

135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

**Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum»**

**Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadeplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010**

**Postscheckkonto PSchA München
Kto Nr. 22278-809.**

Представители «Форума»

**в Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W 9**

